Вилен Захарян

С РОДИНОЙ... ВДАЛИ ОТ НЕЕ...

О ПРОЛЕТЕВШИХ ГОДАХ

Москва
2013

Захарян, Вилен.
С Родиной… Вдали от нее… О пролетевших годах / Вилен Захарян. — Москва: Ключ-С, 2013. — 248 с.: ил.

Книга «С Родиной... Вдали от нее...» одного из основателей армянского телевидения, в частности студии телевизионных фильмов «Ереван», Вилена Захаряна о жизни, о трудном детстве военных лет, о всепоглощающей страсти к кинематографу, о том, как упорство и преданность выбранной профессии помогли в достижении заветной мечты. Автор рассказывает о своих многочисленных встречах с видными деятелями науки, культуры, искусства Армении, которые стали героями его фильмов. Зависть и разочарование, поддержка и предательство, крепкая дружба и верная любовь — все было на пути познания азов любимой профессии. Искреннее, с юмором повествование об этом — стержень мемуаров В. Захаряна.

© Захарян В., 2013
© ИД «Ключ-С», оформление, 2013

Посвящаю светлой памяти
моей любимой мамы Варвары (Вари) Захарян

Мне близки те люди,
которым ВЕРЮ!

Сады Эдема скрыты звездной тьмой.
Там ждут меня, там дух рождался мой,
Зачем я здесь средь суеты и шума?
Ах, если б вновь прийти туда, — домой!

Ованес Туманян

Содержание

Рождение 5

Детство 12

Школа 18

Студенчество 49

Работа 75

Заслуженный отдых 215

Мы и они! (P.S.) 237

О Захаряне Вилене Хачиковиче

Мир жесток не сам по себе,
таким мы его сделали.
Но в этом жестоком процессе —
я клянусь! — мой друг —
НЕ участвовал:
НЕ ПРЕДАВАЛ... НЕ ДОНОСИЛ...
НЕ ВОРОВАЛ… НЕ КЛЕВЕТАЛ!..

Нур Рамазанов

Рождение

Ереван.

1931 год.

Что из себя представлял в те далекие времена этот небольшой город, что на Кавказе?

Не было высоких многоэтажных домов.

Не было асфальтированных улиц и проспектов.

Не были посажены и еще не выросли деревья.

Отсутствовали парки и сады.

В единственном парке им. 26-ти Комиссаров, который находился на окраине города, продавал холодную воду из кувшина мальчик и звонким голосом пел:

«…Ай, нор бери сары джуры, Крбулаки сары джуры. Хмек, у овацек». (Только что принес холодную воду, вода из Крбулаки. Пейте и охлаждайтесь!)

Да-да, воду продавали!

Сейчас перед входом в парк стоит трогательный памятник этому мальчику-«водоносу».

С водой в те годы была большая проблема в Ереване, да и не только с ней.

Не было и отопления, обогревались, кто как мог. В домах стояли жестяные печки. Пользовались кто углем, кто дровами, а кому-то не по карману были и эти отопительные средства.

Памятник мальчику-«водоносу»

А зима по-настоящему была снежной и холодной.

Существовал, как говорили ереванцы, «старый» рынок, куда привозили разные фрукты и овощи из соседних республик, но и рынок не всем был доступен.

Народ нищенствовал.

Редкие каменные двух-трехэтажные дома, построенные «богатыми» армянами перед революцией, считались памятниками старины, реликвиями.

Некоторые улицы были выложены булыжником, а остальные покрыты песком.

Летом, когда вечерами поднимался ветер, город от пыли казался в тумане.

Пыль проникала в дома, детсады и школы, оседала на мебели, на зелени…

Ходить и дышать было невозможно.

Таким представила мне Ереван мать.

Зато Ереван был уже Столицей, Столицей Армении, Армянской Советской Социалистической Республики, которая сегодня называется Республика Армения — самостоятельное государство.

Сегодня, конечно, Ереван уже не узнать.

Сегодня это один из красивейших городов мира с великолепной архитектурой, с домами из розового туфа, широкими проспектами, садами и парками, с многочисленными памятниками великим армянам...

Но это все потом…

Мои родители: мать, отец.

А тогда, в 1931-м, в этот памятный для меня год, 1 февраля, в зимний холодный день, в Ереване впервые прозвучал мой крик, крик новорожденного.

Я сделал свой первый добрый шаг! Избавил мать от боли и мучений. Родился Я!

Родился в трехэтажном «государственном» доме, где прожил почти всю свою сознательную жизнь.

Ровно шестьдесят лет!

Из рассказа матери:

«Родился ты карапузом — 4,5 кг. И все думали — гигант вырастет, великан. Счастливы были все. Правда, мы с отцом твоим надеялись, что родится девочка, очень хотели, чтобы у твоих братьев была сестра. Об этом мечтали и братья твои».

Старший, Григор, ласково Гурик, был на девять лет старше меня, а средний, Шаген, на семь. Но… хоть и хотели мои родители и братья видеть вместо меня какую-то «фитюльку», не дождались.

Криком я оповестил мир о своем рождении, рождении нового ЧЕЛОВЕКА — АРМЯНИНА, который впоследствии стал и для родителей, и для братьев самым любимым.

Интересный факт в роддоме!

Из рассказа матери:

«После родов случилось то, что невозможно было предположить…

Рядом со мной лежала молодая женщина, которая родила одновременно со мной, в тот же день, в тот же час, минута в минуту. И родила она девочку. Когда врач поздравлял нас с новорожденными, почему-то мы, обе мамы, с грустью смотрели на врача без слов благодарности!

— Так!? В чем дело, милые дамы? — ни о чем не догадываясь, поинтересовался врач.

Как я уже говорила, мы ждали девочку, а моя соседка — мальчика. А так как все получилось наоборот, мы обе слегка расстроились.

А врачу только улыбнулись.

Врач похвалил меня за тебя, сказал ласковые слова молодой женщине-соседке и ее девочке и с огромным удовлетворением вышел из палаты.

А вот что было дальше.

Даже сегодня, как вспоминаю, мурашки по коже бегут.

Так как у молодой женщины уже была трехлетняя девочка, она очень осторожно сделала мне неожиданное предложение:

— А что если примем такое решение — возьмем и сделаем обмен? Вы мне мальчика, а я вам девочку?!

Ушам своим не поверила.

Чудовищное предложение.

— Ты что, шутишь или крыша у тебя поехала!? — с ужасом, вздрогнув, спросила я.

— Шучу, конечно, шучу… Испугалась? — Она сама растерялась от своего предложения.

— Аж, даже вспотела…

— Прости. Ду-р-р-ра я безголовая.

В эту ночь я совсем не спала: боялась. Только думала об одном: после врачебной комиссии скорее бы привезли тебя ко мне…

Любовь к тебе с этого дня у меня особой стала.

На следующий день моя соседка, держа в руках девочку, подошла к моей кровати, присела и с наигранной улыбкой сказала:

— А что если дадим клятву: когда они вырастут, сделаем из них счастливую пару. Одним словом — поженим их. Ведь такое

редко бывает: родиться в один и тот же день, в один и тот же час, минута в минуту. Как? Согласна?

Чтобы скорее избавиться от этой назойливой, я бы сказала, опасной особы, я вынуждена была ответить положительно.

С этого дня моя «сваха» жила в мечтах: говорила, говорила, не переставая…

Она представляла наших малышей взрослыми, удачливыми, главное, представляла их в свадебном наряде, радостных и счастливых…

А мы, как самые счастливые и гордые родители, восхищались вами…

Целую неделю ОНА жила, как в сказке.

Через несколько дней, когда отец пришел за нами, наконец, сказка закончилась.

Мы попрощались с моей «сказочницей» и больше никогда не встречались.

Так закончилась история о твоей «первой любви…».

Мама все это рассказала мне тогда, когда я был уже довольно-таки взрослым мужчиной.

Она рассказывала это мне в больнице, в Москве, куда я в 1961 году попал с прободением язвы, где мне делали сложнейшую операцию, где спасли мне жизнь.

Но это отдельная история.

Честно говоря, через какое-то время почему-то мне очень захотелось найти ту девочку из роддома, узнать, какая она, как сложилась ее судьба. Может, действительно эта была бы сказка о двух сердцах, которым суждено было родиться вместе, в один миг и вместе жить…

Но… я ее не искал!

Впереди меня ждала другая любовь, большая и долгая.

Из рассказа матери:

«Самыми счастливыми были твои братья. Они ни минуты не оставляли тебя наедине. Тискали, целовали, передавали тебя из рук в руки, нянчили, пели колыбельные, особенно Шаген, у которого с детства был невероятно мягкий и красивый голос.

Слева направо:
Гурик, я, Шаген

Когда прошло три года, братья решили сфотографироваться с тобой. Мы тебя одели в матроску, братья переоделись во все новое и пошли к знакомому фотографу…»

Да. Я с особой нежностью хранил эту фотографию. Но потом, когда я переезжал в другую квартиру в Ереване, потерял ее. Страшно переживал. Ведь для меня эта фотография самая драгоценная, потому что больше мы с братьями никогда не фотографировались все вместе.

А когда я переехал из Еревана в Москву к семье на постоянное жительство, случайно наткнулся на нее, перебирая свои документы. Она лежала в военном билете, который я не открывал лет сорок. Старенькая, выцветшая черно-белая фотография перенесла меня в те далекие счастливые годы, годы, когда были живы мать, отец и мой любимый старший брат. Я положил фотографию опять же в военный билет, в знак благодарности, и, аккуратно завернув все в красивую бумагу, спрятал в надежном месте…

Из рассказа матери:

«…Годы идут, а ты никак не растешь. Маленький такой. Коротышка. И самое страшное — очень худой. Только огромные черные глаза блестят на лице. Куда исчез наш «карапуз», не могли понять. Я очень волновалась.

У нас был особый двор.

В домах с низкими крышами, которые как бы слеплены были из глины, жили добрые, невероятно отзывчивые люди, в нужный момент всегда готовые прийти на помощь друг другу.

Мы жили в трехэтажном доме, и единственный телефон во дворе был у нас. Все соседи пользовались им.

Через каждый час приходилось мне на весь двор кричать чьелибо имя:

— Сатик… Ануш… Мисак… Айкануш майрик — к телефону…

Вот так каждый день.

Веселый, добрый народ жил у нас во дворе, благодарный.

И вот первая неприятность, которая произошла с тобой в нашем дворе.

Маленький был.

Один из соседей перед домом построил себе тонир.

Это своеобразная круглая яма, где пекут лаваш. В яме этой горят дрова, стены ямы нагреваются до раскаленности. Потом натянутое на специальную подушку раскатанное тесто лепят к стенам и через какое-то время специальной лопатой снимают со стен запеченный лаваш (хлеб).

Все соседи пользовались этим тониром.

И в день, когда очередь дошла до меня, мы с тобой пошли к хозяйке тонира.

Только начали разжигать дрова, как вдруг ты убежал от меня и упал прямо в тонир. Я быстро вытащила тебя, обмотала одеялом и на скорой помощи отвезла в больницу. Слава Богу, ожоги были незначительные. Все раны залечили, и только маленький шрам остался на твоей щеке навсегда.

Это был день твоего второго рождения…»

Детство

Когда у человека начинается детство?

Определить невозможно.

Может, тогда, когда ты делаешь свои первые шаги?

Или тогда, когда впервые произносишь слово «МАМА»?

Или тогда, когда ты начинаешь осознанно реагировать на действия, которые происходят вокруг тебя?

Не знаю!

Мое детство началось с детского сада, и началось оно со страшного случая, после которого я пребывал в этом садике всего один день.

Мои родители, так как они работали, а братья учились в школе, решили отдать меня в очень престижный по тем временам детсад, что на Пушкинской улице в Ереване.

Честно говоря, такое решение не очень обрадовало меня, потому что я так был привязан к родителям, особенно к маме, что не представлял себя ни минуты без них.

И все же, после долгих уговоров, меня отвели в садик.

Мне было всего пять лет.

Утром рано, как сегодня помню, провожая меня, все домашние с каким-то особым чувством обращались ко мне. Каждый из них помогал маме в моей экипировке. Заодно говорили теплые слова любви, мол, я самый красивый, самый лучший из всех детей, что мне там будет хорошо, что я буду примерным, лучшим среди сверстников. А я, не обращая внимания на их слова, горь-

ко плакал, все время повторяя: «Мама джан, я хочу быть с тобой… Мама…»

…И вот, солнечным сентябрьским утром мы с мамой спускаемся по улице Абовяна, направляясь в неведомый мне мир…

Много детей вместе с родителями и воспитательницами было на площадке детского сада.

Настало время расставания с мамой.

Это был неописуемый момент.

Я так рыдал, я так кричал: «Мама!», что все смотрели на меня с удивлением и жалостью. Но… мама ушла, а я остался один со своими сверстниками.

Подошла ко мне воспитательница и, теплыми, добрыми словами ободрив меня, ввела в круг детей.

На следующее утро опять мама сопровождала меня в садик, и, естественно, я опять просил ее не оставлять меня. Но ребята с особой любовью окружили меня и увели к остальным детям.

После утреннего завтрака нас собрали и повели на прогулку в парк имени Героя Гражданской войны Сукиаса Сукиасяна.

Держа друг друга за руки, мы шли по улице Пушкина.

Свернув на улицу Абовяна, где еще ходил трамвай, мы стали свидетелями страшной трагедии, которая до сих пор в моей памяти.

Девушка, которая еще минуту назад покупала сигареты, быстро вышла на улицу, чтобы перейти на нашу сторону. И в этот момент трамвай, идущий на полном ходу, сбил ее. Что дальше произошло, смотреть было невозможно. Девушка прилипла к колесу трамвая, и какое-то время крутилась вместе с ним. По всей трамвайной линии были рассыпаны сигареты. Со страху мы так орали, что наши воспитатели сразу развернули нас в сторону детсада.

Этот кошмар и стал причиной моего ухода из детсада. Слишком велико было потрясение.

Долгое время я не мог спать нормально. Все время вскакивал в постели, душераздирающе кричал.

Родители очень боялись за меня. Приглашали врачей, знахарей, чтобы «снять» с меня страх.

С такой физиономией я пришел в детский сад

Была у нас во дворе знахарка, старая женщина, бабушка моего друга Айкануш майрик. Мастер по этим делам. И она за несколько дней сняла с меня страх, и через какое-то время я забыл обо всем.

...И вот я опять дома вместе с родителями и братьями.

У-р-р-р-р-а!

Двор наш, как для меня, так и для моих сверстников, был своеобразным научно-культурным центром. Здесь мы придумывали разные игры. Создали маленькую «тимуровскую» команду. Достали разные инструменты и ходили по домам, с огромным удовольствием исправляли неполадки, помогали жильцам. Мы учились мастерить, учились разным профессиям. Конечно, не все сразу у нас получалось, но мы старались и гордились нашими делами. Нас все любили, хвалили, угощали вкусными конфетами, сладкими пирогами.

Забегая вперед, скажу, что каждый из нас, повзрослев, обзавелся семьей, но никогда никто не обращался и до сих пор не обращается к мастерам для устранения различных домашних хозяйственных неполадок. Все делаем сами. Закалка и умения, приобретенные в детстве, дали свои плоды.

В родном дворе устраивали мини-спектакли, где «режиссировал», естественно, я. Летом вечерами собирались у дома самого младшего из нас — Рудика. Там стояла большая тахта, мы усаживались на ней кто как мог и по очереди сочиняли сказки. Без ложной скромности скажу: лучшие сказки и рассказы были у меня. Это были мои первые репетиции. Здесь вырабатывалось воображение, умение фантазировать. А потом с помощью старших ребят мы, как братья Люмьеры, собрали ки-

нопроектор и каждый вечер показывали «фильмы». Это было чудо-приобретение. Довольны были все: и дети, и взрослые. Я радовался больше всех, наверное, потому, что впервые почувствовал запах кинопленки. Да, мы были настоящими выдумщиками. Ребята других дворов очень завидовали нам, потому что мы были спаяны общими интересами. А дружба наша, закаленная в детстве, осталась на долгие годы.

Мое имя Вилен, что расшифровывается как Владимир Ильич Ленин, мои родители позаимствовали у соседей, так звали их сына. Моему отцу, старому большевику, оно очень понравилось. Видимо, он хотел, чтобы его сын, то есть я, в будущем был таким же гениальным, как Ленин. Вот и назвали меня Вилен.

Мы дружили с Виленом. Очень юркий, подвижный, самый красивый из ребят во дворе. Вместе с нами дружил еще один «красавчик» — Отар. Самый смелый и бесстрашный среди нас.

Я, Вилен и Отар, он был старше меня на три года, дружили особо тесно. Мы создали своеобразный союз под кодовым названием ВВО (ВИЛЕН, ВИЛЕН, ОТАР). Краской расписали все стены домов этими буквами в знак нашей крепкой и вечной дружбы. Росписи оставались долго, до тех пор, пока вместо нашего двора построили новый дом. Ну, а дружба осталась.

К сожалению, Отар ушел из жизни довольно-таки молодым. Утрата была очень тяжелой и оставила горький след на всю жизнь.

Как-то, играя во дворе, Вилен-старший жевал жвачку из мазута. Жвачки такие были распространены в те годы среди детей. И как все маленькие дети, я тоже захотел пожевать такую же, попросил у него дать мне попробовать. Вилен любезно вытащил изо рта жвачку и отдал мне. От радости я подпрыгивал, жуя вожделенную жвачку. И это было началом всех болезней, которые сопровождали меня почти все детство.

Дело в том, что Вилен-старший был болен скарлатиной. Болезнь опасная, трудноизлечимая (в то время). Однако говорили, что все же лечится, бывали случаи, правда, очень редкие. Болезнь эта оставляла осложнения.

Из рассказа матери:

« …В тот день ты пришел домой весь красный, потный, дышал очень тяжело. Вначале я подумала, что это от долгой игры во дворе. Поставила греть воду (в те времена ванны с душем ни у кого не было), чтобы выкупать тебя. После купания обнаружила, что у тебя жар. Я страшно разволновалась, поинтересовалась, почему, что могло случиться? Вызвали врача. Ничего не могли выяснить. Врач предположил, что ты пил холодную воду. Но почему-то кашля не было. Через день обнаружила, что твоя шея распухла. Снова вызвали врача. Наконец, выясняли: ты заболел скарлатиной. Но как, откуда эта болезнь прилипла к тебе? И тогда ты рассказал историю со жвачкой».

Из рассказа матери:

«…Скоро вокруг распухшей шеи у тебя с двух сторон открылись язвочки. Пошел гной. Остановить процесс никак не могли. Врачи предлагали разные препараты, мази. Ничего не помогало. Пришлось опять обратиться к знахарке. Старая знахарка принесла свои мази, смазывала ими шею твою каждый день. Почти два месяца длилась эта процедура. Наконец, на третьем месяце раны зарубцевались. Но, к сожалению, шрамы остались. Пройдут ли они со временем, — спросили мы у знахарки? Она с сожалением ответила отрицательно. Теперь я чувствую себя виноватой перед тобой. Мы не смогли уберечь тебя…»

И мать заплакала.

Я никогда не забуду этот день и рассказ матери.

Итак, к шраму, что остался на лице после ожога, прибавился еще и на шее. Обидно, что они остались на всю жизнь.

Как рассказывала мама, потом, после этой болезни, я переболел еще другими тяжелыми болезными. И родители с братьями с тревогой и волнением лечили меня… до десяти лет. Чудо, конечно, но я выжил. Я ужасно похудел, ослаб. «На бледном лице сверкали только твои большие черные глаза», — так часто говорила мама.

Но это меня нисколько не смущало. Я начал заниматься спортом: закалялся всевозможными способами — бокс, легкая атлетика и, наконец, футбол, которым я занимался долгие годы. Утрен-

няя гимнастика с гантелями, с ними не расстаюсь до сегодняшнего дня. Естественно, все это дало положительные результаты.

Но обо всем этом — потом…

Годы прошли — слабенький мальчик постепенно окреп.

А тем временем мы продолжали наши добрые дела. Продолжали «служить» нашим старикам, строить что-то интересное для них. «Тимуровцы» продолжали работать на славу…

С чувством страха я вспоминаю 1936–37 годы. Для меня, мальчишки шести-семи лет непонятно было все происходящее у нас в доме, да не только у нас, по всему городу. Без объяснения, без предъявления каких-либо обвинений арестовывали людей. Вся процедура происходила ночью. Каждую минуту в напряженном состоянии мы ждали стука в дверь. Так они «просились» в квартиры обреченных. Каким-то чудом отца не трогали. Зато исключили из партии. Вот зрелище, которое осталось в моей памяти и никогда не забудется. Из окон квартир на улицу швыряли все, что было у людей в комнатах. Шум, грохот, вой и крики, плач и рыдания — все смешалось. Да, это была чудовищная картина. Я никак не мог понять, зачем, почему, за что так бесцеремонно выгоняли людей из своих домов и еще арестовывали, назвав их почему-то «врагами народа»?! Объяснение я получил позже от отца…

Скоро пришла пора отправлять меня в школу. Мои ровесники учились в первом классе, а я еще не был совсем здоров, и поэтому решение было принято только, когда мне исполнилось уже восемь лет.

Это было в 1939 году. Школа наша носила имя двадцати шести Бакинских комиссаров. Здесь же учились и мои братья. Она находилась на углу улиц Саят-Нова и Абовяна рядом с нашим домом. Во время войны в ней расположился госпиталь, после войны — Академия наук Армении…

Итак, я пошел в школу…

Школа

Я с огромным удовольствием вошел в школьную жизнь. Тогда мальчики и девочки еще учились вместе. В этом были свои положительные моменты. Мы стеснялись девочек, если по каким-то предметам отставали. Девочки стеснялись нас. А результаты? Все старались не ударить в грязь лицом.

До сих пор помню своего первого учителя. Звали ее Макруи. Вначале мы все ее называли тетя Макруи, а потом — товарищ Макруи. Она — очень крупная, пожилая, совсем седая женщина. Основная ее черта — необыкновенная доброта. Как она разговаривала с нами! Как объясняла премудрости школьной жизни! Она говорила с нами как со взрослыми и всегда повторяла свою любимую фразу: *«Вы у меня самые умные, лучшие и самые красивые дети мои…»* Да, в ее лице мы обрели вторую мать. Она зародила в нас любовь к знаниям, любовь к книге, к жизни вообще. И мы учились хорошо, не подводили нашу любимую учительницу. Если кто-то по тем или иным причинам не успевал, мы сразу приходили ему на помощь. Первый класс все закончили с отличием.

Но вот наступил для меня и для всей нашей семьи тяжелый момент. Мы проводили моего старшего брата Гурика в армию. Я был очень привязан к нему, очень любил его. Но почему-то мне показалось, что мать не очень грустила по этому поводу. Ему было всего 18…

Мой старший брат Гурик

Из рассказа матери:

«…Гурик в те годы увлекался бильярдом. Домой приходил очень поздно, был окружен не очень хорошими ребятами. Он отлично учился в школе, но ему мешало увлечение бильярдом. Правда, он увлекался еще и театром. В здании ТЮЗа они играли много интересных спектаклей. Он был прекрасен! Талантлив! И мы думали, что это увлечение поможет ему уйти от главной его «болезни» — бильярда…

Но болезнь оказалась неизлечимой. И я молила Бога, чтоб скорее его взяли в армию, потому что армия, действительно, была

ТЮЗ. Спектакль, где участвовал брат. (Он слева второй.) Никто, к сожалению, не дожил до сегодняшних дней

Они даже сфотографировались вместе. Вот они с дядей… 1940 год

тем местом, где, отслужив свой срок, самые непокорные ребята возвращались домой совсем другими людьми. Армия была хорошей жизненной школой. Но никто тогда не знал, что впереди всех нас ждет очень страшное — ВОЙНА!..»

Брат ушел в армию летом 1940 года, когда я перешел во второй класс. С ним ушли и его однокашники, и друзья по двору, и по театру. Первые месяцы он служил в Латвии. Самое интересное, что там брат встретился с моим дядей Мишей, который тоже там служил. Он был врачом.

Брат присылал очень милые и нежные письма. И во всех особо отмечал меня. Писал, что очень любит меня, чтобы я слушался маму, отца, брата, а главное, чтобы был достойным сыном. Мы радовались этим письмам. Я гордился своим братом, много рассказывал о нем дворовым друзьям. А те, у которых братья тоже были в армии, с особой гордостью рассказывали о своих.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед старшими братьями, мы с особым энтузиазмом продолжали наши добрые дела: «служили» нашим старикам-соседям. Строили что-нибудь для них, убирали в квартирах, занимались ремонтом, конечно, как могли.

Настал 1941 год.

Мне исполнилось 10 лет. В этот год Армянский драматический театр имени Сундукяна готовился в Москву на гастроли. Тогда в театре мать была актрисой, отец — снабженцем, а средний брат — статистом. Брать в Москву детей было запрещено. Но мне повезло: из-за моего возраста. Так как меня не с кем было оставить, матери разрешили взять меня с собой. Радости

не было предела. Я вылетел во двор и во весь голос закричал: «Я еду в Москву, я еду в Москву!..» Вначале никто не поверил. Но, узнав, что это правда, ко мне стали подбегать ребята и просить привезти им что-либо из Москвы. Да, это было настоящее счастье. Я еду в МОСКВУ!..

Самым тяжелым было расставание с моей собакой Джеком.

Я просил ребят не оставлять его голодным. Они обещали. Ведь Джек был любимцем двора.

Был июнь. Поездка совпала с каникулами в школе. Ничего не мешало мне отправиться в дальний путь. Мы с матерью ехали поездом, что тоже было для меня впервые. Отец и брат раньше уехали на товарном поезде. Они сопровождали декорации спектаклей.

Я был бесконечно счастлив. Радость моя была неописуема. Я никак не мог оторваться от окна вагона. Необъятные просторы большой страны, города и села, люди на вокзалах, которые продавали всякие вкусности, что тоже для меня было открытием. Все это проносилось мимо, как кадры на экране.

Пять суток длился путь в Москву.

А отец с братом добирались десять суток, но так как они прибыли в столицу раньше, смогли встретить нас.

Это было 10 июня 1941 года.

Встреча на вокзале была торжественной и радостной. Играла музыка. Бесконечные букеты цветов, самые теплые приветственные слова от представителей московских театров. Я почувствовал неподдельную искренность людей, истинное русское гостеприимство.

Труппа театра устроилась в гостинице «Киевская», что у Киевского вокзала. Наша семья занимала 3-комнатный номер, окна которого выходили прямо на платформу вокзала.

Оказалось, что в Москве жила двоюродная сестра моего отца, о которой я ничего не знал. И первым гостем, который появился у нас в номере, была она, тетя Ася, с мужем Иваном Макаровичем, люди, которые в дальнейшем станут для меня самыми дорогими. Память о них я сохраню на всю жизнь. Об этой родной мне семье я расскажу позже, в отдельной главе.

Итак, Армянский драматический театр им. Сундукяна начал свои гастроли в Москве в здании Академического Малого театра. Как рассказывали родители и брат, успех был невероятный.

Очень хорошо помню мою первую прогулку по Москве. В первую очередь мама с отцом повели меня в большой универмаг, рядом с Малым театром, который назывался ЦУМ. Купили мне матроску, туфли, носочки, приодели меня с ног до головы… в одну дверь универмага я вошел, в чем приехал, а в другую вышел полностью обновленный: красивый, просто неузнаваемый. Только на худом, бледном лице, как две автомобильные фары, сверкали большие черные глаза. В дальнейшем, где бы мы ни были, все с восторгом говорили: «Ах, какие черные глаза!» Вот так и потом все называли меня «Черные глаза». Мы начали знакомиться с Москвой.

Первое, что меня поразило, это закусочные автоматы. Бросаешь деньги, нажимаешь кнопку, и автомат выполняет твой заказ: бутерброды, пирожное, торты, что хочешь, и все это без продавца. Чудо из чудес!! Мне это очень нравилось, и я ими часто пользовался.

Очень приятно было общаться с москвичами. Они отвечали на интересующие нас вопросы спокойно, подробно, не повышая голоса. Доброжелательность, отзывчивость, вежливость, сочувствие, невероятно теплое отношение не только к гостям, но и друг к другу, москвичам, сопровождали нас везде.

На десятилетнего мальчишку все производило сильное впечатление. Да, это были уроки доброты, отзывчивости, такта… Если бы сейчас так!

Очень часто, особенно по воскресным дням, к нам присоединялась тетя Ася. Она с радостью показывала достопримечательности Москвы: московский зоопарк, известный парк им. Горького, невероятно большие карусели. Однажды она повела нас в Третьяковскую галерею, которая поразила меня. Я вошел в изящный мир искусства, увидел труды великих живописцев. Какое божественное впечатление произвело на меня посещение Третьяковки! Это было началом моей любви к живописи. В дальнейшем эта любовь станет определяющей в моей профессии.

Тем временем, Сундукяновский театр продолжал показывать свои спектакли в Москве. Как рассказывал брат Шаген, все спектакли шли при аншлаге. Были, однако, и курьезы.

«Однажды, во время спектакля «Страна родная» (это историческая пьеса) армянские воины должны были после боевой победы выйти на помост через ворота. Но ворота не открывались, их заклинило. Шум, гам, крики…

Слава Богу, зритель ничего не почувствовал, восприняли все, как должное.

Оказалось, при сборке декораций в Ереване доски ворот забили гвоздями, а на сцене забыли их вынуть. Вот ворота и не открылись. Всем рабочим сцены досталось сильно, в том числе и отцу», — рассказывал мой брат Шаген.

В спектакле «Кутузов» один из воинов на встречу с маршалом Кутузовым должен был идти, держа мальчика на руках. На роль этого мальчика мать предложила меня. Вопрос был решен положительно. Вот радость-то какая! Здесь, на сцене прославленного Малого театра я впервые почувствовал притягательную силу сцены, ее чудодейственный запах. Это был первый кирпич в фундамент моей профессии…

10 дней пролетали, как один. Часть труппы должна была выехать в Ленинград, остальные, наша семья тоже, — вернуться в Ереван 22 июня. Отец настоял на 23-м. Тогда Шаген сказал: «*За день города берут*»…

Слова его оказались пророческими.

22 июня утром рано мы с мамой и тетей Асей поехали в московский зоопарк.

Тетя купила мне плитку шоколада, незабываемый вкус которого до сих пор чувствую во рту. Кстати, мне купили много сладостей, которые я приберег для своих дворовых друзей, особенно конфеты с фантиками. Ведь были игры с фантиками, мы ими менялись. Конечно, таких красивых, как в Москве, в Ереване не было. Я приготовил чудный подарок друзьям. Но вернемся в зоопарк…

Помню, настроение было замечательное, мы громко хохотали, стоя у клетки с мартышками. И вдруг к нам подошел чело-

Гурик (справа) со своим однополчанином. Рига, 1940 год

век, потребовал замолчать, послушать радио и тихо сказал: «Война!» А по радио выступал Молотов, который и сообщал о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Я сразу вспомнил слова моего брата: *«За день города берут!..»*

Война! В моем понимании это слово ассоциировалось с той «войной», в которую мы играли во дворе с мальчишками. Ужас и трагизм всего, что связано с этим словом, я пойму потом, через годы, особенно тогда, когда мой старший брат вернется с фронта ослепшим.

В зоопарке матери стало плохо. Мы с тетей ничего не понимали. Она тихо, почти шепотом повторяла имя брата — Гурик, Гурик.

Из рассказа матери:

« …В это время Гурик служил в Латвии в каком-то городе, сейчас не помню. А немецкие войска уже были на подступах к Прибалтике. Меня охватил страх. Из зоопарка мы вернулись в гостиницу и с нетерпением ждали отца и Шагена. Они были в театре. От волнения себе места не находила. Тетя Ася успокаивала меня, дала какие-то таблетки, но чувство, что я теряю сына, никак не покидало меня. И когда приехали отец с братом, начали обсуждать, как узнать местонахождение Гурика. Связи с Латвией уже не было.

А что творилось в нашем театре? Так как отец был административным руководителем декады, труппа вместе с начальством требовала, чтобы он скорее организовал возвращение в Ереван. И отец за день решил судьбу коллектива. Мы готовились уехать домой, не представляя, что ждет нас в пути…

Тем временем, в Москве началась страшная паника. Люди бросились в магазины, скупали, что было возможно. За десять дней я купила много вкусных продуктов «на всякий случай». И все, что покупала, складывала в большой сундук, где хранились костюмы актеров. Не знал об этом отец. Вместе с декорациями он отправил в Ереван и наш «волшебный сундук», так вы все потом называли его. Этот сундук кормил нас долгие месяцы.

С Киевского вокзала товарные поезда с молодыми новобранцами направлялись на запад. Смотреть на них было ужасно больно. Ведь никто из этих ребят, наверняка, не вернулся домой. Они были первыми. Мы с тобой стояли у окна гостиницы и смотрели на этих красивых, совсем юных мальчишек-солдатиков и думали о твоем братике. Как я казнила себя тогда, что так стремилась скорее отправить его в армию. Приехав в Ереван, мы узнали, что за два месяца до начала войны Гурика перевели в город Орел, где зачислили в Орловское танковое училище. А ведь мы проезжали Орел. Если бы знали, что он там, может быть, встретились. Обидно, очень обидно было».

Да, то, что рассказывала мама, я все хорошо помню. Особенно сильное впечатление произвел на меня Киевский вокзал, откуда на фронт уезжали молодые ребята. Повсюду звучали песни, играли баяны. Провожающие девчата с отъезжающими солдатиками прямо на платформе устраивали грациозные танцы. И ощущение было, что парни едут не на войну, а на какую-то очередную великую сталинскую стройку. Как они, так и я не представлял тогда трагизма всего происходящего. И сегодня, когда я смотрю великий фильм Михаила Калатозова «Летят журавли», перед моими глазами пробегают картинки того дня на Киевском вокзале…

С болью в душе мы попрощались с тетей Асей и Иваном Макаровичем без всякой надежды, что когда-нибудь еще встретимся. Очень тяжелым было это расставание. Я так привык к тете, что все время просил ее поехать с нами. Но она решила уехать в Узбекистан, где жили ее близкие родственники.

Мы оставили Москву. Нас провожали представители московского театрального общества. Никаких оркестров, никаких цветов. Без пафоса и громких слов поблагодарив труппу театра за

прекрасное выступление в Москве, руководство Малого театра пожелало нам мирного возвращения домой.

Мы выехали из Москвы вечером 23 июня 1941 года.

Из рассказа матери:

«…Отец остался и выехал (вместе с декорациями) в товарном составе только на второй день после нашего отъезда. Доедут ли? Вот что волновало всех нас. С отцом были и другие работники театра. Слава Богу, все обошлось.

Ровно десять суток длилось наше возвращение. Многое мы пережили. Самое страшное было, что города, которые мы проезжали, немецкая авиация бомбила. Над ними пролетали фашистские бомбардировщики. Страх не покидал всех, кто ехал в этом поезде. Вагоны были переполнены. Люди просто сидели друг на друге. В купе нас было четверо, потом подсадили еще пятерых. Спасаясь от нашествия немцев, многие оставили свои города, дома, деревни и бежали на юг. Одним словом — кошмар. В поезде были и военные, как выяснилось, они сопровождали нас. Вот так, под страхом смерти ехали мы, поддерживая друг друга. Тебя не отпускала ни на секунду. Мысли о твоем брате ни минуты не покидали меня. Где он, что с ним? Неужели мы потеряли его? Неужели больше никогда не увидим нашего дорогого Гурика? И чем больше отдалялись от Москвы, тем тяжелее становилось на душе».

А я смотрел в окно и ни на одной станции не увидел торгующих вкусностями людей. Сейчас все было иначе. На станциях не горели фонари, всюду была темень. Но везде стояли толпы людей, взрослые и дети, которые сразу бежали к вагонам и набивались в них. Крики, толкотня, шум… Ужас, который я не могу забыть по сей день.

В тревоге и волнениях, не смыкая глаз, в ужасных условиях, в тесноте и духоте мы провели десять суток в пути к дому.

Первым, кто радостно встретил нас, был мой Джек, дворняжка, ласковый, умный и преданный пес. Как потом рассказали мне друзья, подкармливавшие его в мое отсутствие, Джек не покидал нашего крыльца и, казалось, с тоской ждал нас.

Ребята нашего двора, с которыми я вырос

Потом я выбежал во двор. Там было необычно тихо. У соседей озабоченный вид, на лицах тревога.

С друзьями встреча была более оживленной. Вечером мы по обыкновению собрались у дома Рудика. Уселись тесно на тахте. Я раздал им привезенные из Москвы конфеты, печенье, другие вкусности и стал рассказывать обо всем, что увидел в этом огромном городе.

Больше всего ребят интересовало, видел ли я самого дедушку Сталина. Честно говоря, очень хотел сказать, что видел, но врать я никогда не умел. Таким остался на всю жизнь.

Тем временем, сводки с фронта становились все тревожнее. Немцы уже добрались до Москвы. Каждый день мы слушали радио с тревогой за Москву, за нашу страну. И когда по радио звучал голос Левитана: «…в последний час…» — мы уже знали, что наши войска оставили очередной город…

В городе уже не было отопления, исчезли из магазинов продукты… Вот тогда-то выручил нас мамин «волшебный сундук». Она понемногу доставала из него московские вкусности и подкармливала нас.

Ночами город утопал в темноте. Окна домов зашторены, снаружи переклеены накрест белыми бумагами. Скоро объявили комендантский час — в определенные часы по ночам выход в город был запрещен.

Ребята во дворе перестали играть в войну. Теперь у нас была другая задача. Как я уже говорил, в нашей школе им. 26-ти Бакинских комиссаров с начала войны расположился госпиталь. Каждый день сюда, прямо с фронта, привозили раненых солдат.

Я предложил ребятам ставить спектакли для них. По патриотическим рассказам наших писателей написали самостоятельно маленькие пьесы . После недолгих репетиций уже с готовым спектаклем пришли в госпиталь к руководству, которое нас поблагодарило и дало возможность выступить перед бойцами . Нам было тогда по 11-12 лет.

Хочу рассказать содержание одной из пьес, которую мы играли в госпитале.

«Немцы» взяли в плен мальчика-партизана. Жестоко избили. Они хотели выяснить, где находятся партизаны. Мальчик гордо молчит. И когда «немецкий офицер» спрашивает юного партизана, кто его послал воевать с ними, он медленно поднимает голову и торжественно отвечает: СТАЛИН! Разъяренный «немец» направляет пистолет на пленного и «стреляет». Мальчика-партизана играл я. А немца наш товарищ. Смешно было то, что звук выстрела должен был осуществить, ударив по парте доской, другой наш товарищ, Овик, стоящий за «кулисами». А он забыл «выстрелить». Пришлось нашему «немцу» криком: «Бабах»! «убить» малыша. И что вы думаете, как среагировали раненые? Они не смеялись. Последовала напряженная тишина. А я лежу на полу и думаю, какое наказание придумать для Овика. Вдруг ко мне подходит один из раненых солдат, поднимает, крепко обнимает и целует, целует, целует… Взрыв аплодисментов. Скажу честно, мы не ожидали такого успеха. Руководство поблагодарило нас, одарило

В первом ряду руководство Дворца пионеров, слева второй — я, а рядом наш руководитель Перч Геворкян

сладостями и очень попросило приходить к ним с новыми идеями. Мы взяли шефство над госпиталем и до конца войны выступали с театральными постановками, организовывали концерты, подключив и наших девочек со двора…

Кстати, актерское «мастерство» я приобрел, занимаясь в драмкружке во Дворце пионеров. Мы играли классические пьесы с азартом, с любовью. Наш руководитель, замечательный артист ТЮЗа Перч Геворкян старался, чтобы образы, которые мы исполняли, получались искренними, правдивыми. Так я вникал в суть актерской профессии.

Запомнился спектакль «Гикор» по рассказу Ованеса Туманяна, который мы играли на сцене ТЮЗа.

Гикора играл я. А другого главного персонажа Васо — мой школьный товарищ Альберт. Мы старались играть так, чтобы зритель уходил из зала с заплаканными глазами. И это нам удавалось всегда.

Очень дружные и талантливые были ребята нашего драмкружка.

Я в роли Гикора.

На школьные каникулы в то время детей отправляли в пионерские лагеря. Несмотря на мое сопротивление, и меня в то лето родители отправили на отдых в Кировакан. Я был отдан на попечение старшей вожатой лагеря — нашей соседке, тете Лизе… В лагере были разные строгости: за территорию нельзя, родителям писать нельзя. Кормили плохо, и только два раза в день. Когда привозили хлеб, все бежали к телеге, воровали хлеб, прятали. Терпеть все это я не хотел и решил убежать.

План мой был прост. На рассвете прыгаю в окно и… бегом на вокзал. Ребята, с которыми я жил, одобрили план. Нас было четверо. За ночь они написали письма родителям, которые я должен был передать по назначению.

Четыре утра. Как только появились первые лучи солнца, попрощавшись с друзьями, я выпрыгнул из окна… в неизвестность.

Мне было всего 11 лет.

Нужно было дойти до вокзала. Помогли люди. Людская доброта помогла тайком пробраться в вагон и без билета тихо устроиться в компании взрослых женщин. На вопрос, откуда я и куда еду, ответ был прост — «Домой, к маме!». Конечно, я рассказал им о чудовищном положении в лагере и, естественно, о моем побеге. Никто не поверил. Я ведь был маленького роста. И опять шел разговор о моих черных глазах. А когда проводники начали проверять билеты, одна из женщин показала мне на угол полки и быстро помогла мне залезть туда. Она накрыла меня одеялом

и, облокотившись о полку, ждала. Проводники, проверив всех, прошли наше купе. Вот так, благодаря добрым и отзывчивым людям я смог добраться домой и, главное, довезти письма моих друзей их родителям.

За мой побег, конечно, кое-кому досталось как следует.

А что же с учебой?

После того как наша школа превратилась в госпиталь, нас перевели в школу им. Крупской. Но и здесь мы недолго пребывали. Скоро было принято чудовищное решение о раздельном обучении мальчиков и девочек. Нас, ребят, перевели в какое-то учреждение, приспособленное под школу. Эта была настоящая казарма. Успеваемость снизилась процентов на 50–70. Сама «школа» ужасно неуютная: маленькие классы, без школьных парт, без черной доски, холодно, несмотря на то что прямо в классе топили углем чугунные печки. А бывали дни, когда из-за нехватки топлива мы оставались совсем без тепла.

Случай, который я не могу забыть до сих пор, опять-таки связан с моим очередным шрамом. Учился я тогда в четвертом классе. Во время перемены, как всегда, мы дурачились . Мальчик, с которым был не в ладах, залез в печку, вытащил оттуда кусок угля, тихо подкрался ко мне и бросил его мне за шиворот. От адской боли я так заорал, что ребята замерли. А он, как ни в чем не бывало хохотал, радуясь своему поступку. Через какое-то мгновение я пришел в себя и так ударил его в глаз, что… Он еще долго лечил его. А я терпеливо перенес и этот «подарок» судьбы, но тоже долго лечился.

…Война продолжалась. Она наносила удар за ударом не только по нашим городам и селам, но по людям, которые жили вдали от фронта. Каждый день с фронта приходили так называемые «похоронки». Вначале никто не понимал, что это такое, но скоро люди поняли, что это за горе-сообщение. Крики и рыдания не прекращались в домах. Только в нашем дворе в первый год войны таких известий получило семь семей. Ребята, которым было всего-то по 18-19 лет, не вернулись, навечно оставшись на поле битвы. Я их очень хорошо помню, они были друзьями моего старшего брата. Наша семья скорбела о них, да и долгое молчание брата тревожи-

ло всех нас. Особенно тяжело переносила мать. Она была сильным человеком и физически, и духовно. Никогда внешне не показывала свое волнение. Но мы-то знали, чего это ей стоило. Она старалась разделить горечь невосполнимой утраты своих подруг, помочь им, успокоить, а сама молча страдала.

Во дворе стояла гробовая тишина. Только иногда лаяли собаки, вернее выли, как бы скорбя о своих погибших хозяевах.

Шел второй год войны, а от брата никакой весточки. Где он, что с ним? Ничего не было известно.

А мы ждали. Жили в страхе: а вдруг к нам постучат в дверь и принесут «похоронку». Мать продолжала работать в театре. Отец получил какое-то новое назначение. Средний брат Шаген работал на киностудии «Арменфильм» осветителем. А я продолжал учиться в своей неуютной школе.

Не могу забыть случай, потрясший всю нашу школу. Из Ирана через Ереван мимо нашей школы шли колонны американских грузовиков-«Студебеккеров» с американскими продуктами. Машины вели наши солдаты. И вот что мы придумали. Как следует изучив обстановку, выяснили, откуда можно выкрасть продукты из этих машин. Ребята подготовили план действий. Один из нас на ходу тайком забирался на последнюю машину, в которой везли американскую тушенку, и открывал люк. Так как дорога шла по крутому склону, естественно банки сами оттуда вываливались. А остальные ребята только успевали собирать катящиеся по асфальту консервы. Трижды наш план срабатывал. Счастью не было предела. Мы были сыты и довольны. Несколько банок даже домой отнесли. «Откуда?» — естественно, интересовались родители. «Наши солдаты угостили», — торжественно отвечали мы. Ответ тоже входил в план действий.

А вот осуществить план в четвертый раз не удалось. Нас постигла страшная трагедия. Забраться на машину на этот раз было поручено нашему однокласснику — Фрицу. А тот вместо того, чтобы зацепиться за последний грузовик, прыгнул в предпоследний. И когда открыл люк и выпрыгнул из машины, не успел перейти на другую сторону, а прижался к бордюру, дабы пропустить идущий за ним последний грузовик. Дальше произошло страшное.

Я уже ходил в пятый класс. Эта пора осталась в памяти как самое прекрасное время, когда я был рядом с моей мамой

Водитель последней машины, которую вел наш солдат, вдруг повернул свой грузовик в сторону Фрица и передним бампером, на нем висела огромная железная катушка с тросом, насмерть придавил его. Нашему товарищу было всего 13 лет! Мы очень любили его. Он был круглым отличником. Очень красивый, ростом выше всех. Вся школа хоронила Фрица, единственного сына одинокой матери…

Это было второе сильное потрясение в моей жизни.

Тем временем на фронте произошли большие перемены. Москва стала для немцев недоступной крепостью. Она выстояла. Начались контрнаступления советских войск. Освобождались города, села, большие населенные пункты. Выстояли блокадный Ленинград и Сталинград. У людей поднялось настроение. Появилась вера в ближайшее окончание войны.

Пошел 1943 год.

От брата по-прежнему нет никаких вестей. Молчание. Ужасно. Ранеными вернулись близкие соседи: Гагик и Грайр. Они были старше моего брата. А мы жили одной надеждой… И вот…

Жаркое лето. Как всегда, в такие дни молодежь и старики спали прямо во дворе. Это было сказочное зрелище. Каждый у своего дома ставил большую тахту, на ней ночью спали, а днем просто отдыхали.

Некоторые ребята иногда хулиганили: ночью они подкрадывались к заснувшим бабулькам и наливали воду под их одеяла. Какая была радость увидеть результат своих шалостей! Надо было видеть… Крики, шум, бабульки ругались, а мы веселились…

И у нас была такая тахта, на которой всегда отдыхала тетя Шушик, мамина подруга.

Перед домом рос небольшой садик. У каждой семьи в саду свой огородик. И у нас тоже. Однажды утром мы с товарищами поливали огород, вдруг услышали крик тети Шушик: «Варя (имя моей матери), скорей выходи, быстро, смотри, радость-то какая, Гурик, Гурик твой вернулся…» Я оглянулся. Около подъезда с какой-то девушкой стоял солдат в шинели. Я отбросил шланг и бросился к брату. На секунду остановился перед ним, как бы изучая, узнал дорогие мне черты лица моего любимого старшего брата, повис на его шее и от радости плакал. Так крепко, с такой теплотой он прижимал меня к себе, что я ясно чувствовал, как сильна была его тоска по нам, по мне. Он тоже плакал, как ребенок. Когда Гурик опустил меня, он начал ладонью медленно ласкать мое лицо. Потом улыбнулся своей красивой улыбкой и сказал: «*Те же большие глаза, то же родное лицо. А как ты вырос, братик…*» Это действие брата меня насторожило. Вначале я ничего не понял. А когда из подъезда выскочила мама и, как вкопанная, остановилась перед братом, я увидел его безучастный взгляд, вот тогда я понял: мой дорогой, мой родной человек — слепой.

Пройдут годы, и в моей очередной картине — «Хижины надежды» — эту встречу с братом я воспроизвел в одной из сцен фильма. Великолепно исполнил ее Хорен Абрамян…

…Мать и Гурик без слов, без слез долго стояли в обнимку. Потом она с любовью крепко обняла девушку, которая сопровождала брата.

В это время отец и Шаген находились недалеко от дома, в летнем концертном зале филармонии, где оба временно работали. Я бегом туда. Сообщение ошеломило моих родных. И мы вместе побежали домой. Что творилось у нас, невозможно описать. Все соседи пришли разделить с нами неожиданную радость, с большой любовью непрестанно обнимали и целовали брата. Многие обнимали так, как обнимали бы своих невернувшихся сыновей. Вечером семьей мы сидели за накрытым столом и слушали рассказ брата. Иногда вмешивалась в разговор и сопровождающая

Гурика девушка, которую звали Надей. Она была медсестрой в военном госпитале в Казани, где и находился брат после ранения.

Из рассказа Гурика:

«…После окончание Орловского танкового училища за шесть месяцев вместо двух лет нас, молодых офицеров, сразу отправили на фронт. Два года мы дрались с фашистами. Наш танковый экипаж, которым командовал я, был многонациональным: узбек, украинец, молдаванин, русский и я, армянин. Все страшное случилось под городом Великие Луки. Во время очередной танковой атаки вдруг перед моим танком выскочил наш пехотинец и потребовал остановить машину. Я резко затормозил и открыл люк. Только высунул голову, чтобы узнать, в чем дело, в это время прямо перед пехотинцем взорвался вражеский снаряд. Я мигом закрыл люк, быстро нырнул внутрь танка и сел на свое командирское место. «Вперед!» — закричал я. Машина с визгом рванула с места. Через какое-то время темнота окутала меня, я ничего не видел. «Включите свет!» — скомандовал я своим ребятам. «Свет включен, товарищ лейтенант», — ответили мне. Ничего не мог понять. Я еще раз крикнул: «Дайте свет!» Танк остановился. «Товарищ командир, — слышу голос механика, — ваше лицо все в крови». Когда я ладонью провел по лицу, понял: осколки взорвавшегося снаряда угодили мне в лицо. Из моих глаз текла кровь. Вокруг меня было темно. «Назад!» — тихо скомандовал я. По рации ребята сообщили о случившемся в медчасть. Самым тяжелым было расставание с экипажем. Отдал им мой табельный пистолет и уверенным голосом сказал: «Я вернусь, друзья, обязательно вернусь. Только за это время не подкачайте. Я верю в вас. До скорой встречи!» Это была последняя встреча с моими братьями по оружию. Где сейчас они, что с ними? — я ничего не знаю. Так как ранение было очень тяжелое, меня сразу отправили в тыл в город Казань, в госпиталь, где я находился больше шести месяцев. А то, что я живой, это благодаря вот этой милой медсестре и ее маме. Они оберегали меня, как родного. У меня особое чувство к Наде. Если она и вам понравится, может стать вашей не-

весткой. Я ведь не знаю, какая она. Говорили, что она очень красивая. Решать вам».

Надя была действительно симпатичная девушка. И первой, кто высказался по поводу будущей невестки, была мама: «Она станет самым дорогим членом нашей семьи». Гурик был бесконечно рад. И когда слова матери перевели Наде, та счастливо улыбнулась и нежно поцеловала маму.

Конечно, нам было тяжело мириться с постигшей брата участью. Утешало, радовало только то, что он вернулся живой.

Нас интересовал вопрос, почему молчал до сих пор, почему не давал знать о себе? Обо всем рассказала Надя маме в присутствии отца, когда они уединились на кухне.

Из рассказа Нади:

«Первые месяцы он молчал и ни с кем не общался. Дважды пытался выброситься из окна, но я вместе с его товарищами по палате в обоих случаях успела вовремя остановить его. Он все твердил одно: «Кому я теперь нужен, кому? Ведь мне всего двадцать один. И всю жизнь ходить в темноте? Быть обузой моим родителям? Нет, я не выдержу такое». Раненые старались ободрить его, рассказывали случаи, когда люди с таким же недугом со временем оправились и устроили свою жизнь. Кто-то напомнил ему и об Островском, о его книге «Как закалялась сталь». Обнадеживающие слова врачей тоже не успокаивали его. Ничего не помогало. Гриша молчал почти два месяца. Через какое-то время мы с ним крепко подружились. Что греха таить, я влюбилась в него. Видимо, он почувствовал это. Стал спокойнее, улыбчивее. Рассказывал армянские анекдоты. Все воспряли духом. А когда он попросил у меня гитару и начал петь, даже самые тяжелобольные подпевали Грише. Его любимая песня «В далекий край товарищ улетает…» из кинофильма «Истребители». Как-то рядом с ним лежащий солдат заговорил о родителях, спросил, где живут его родители, кто есть у него. Мать? Отец? Братья? Сестры? Сообщил ли он им о своем местонахождении? У Гриши опять упало настроение. Для него самое дорогое в жизни — это его любимая семья. Я старалась очень осторожно поинтересоваться его семьей. Про-

шло еще немного времени, и, когда его выписывали из госпиталя, мы уговорили Гришу вернуться домой. Он хотел поехать в другой город и остаться для родителей без вести пропавшим. Главврач госпиталя сказал ему: «Гриша, тебя дома ждет *мать!*» Он согласился. Но с условием, что о возвращении не сообщаем никому. Вот так, без предупреждения и отправились в путь».

Мама долго держала Надю в своих объятиях, целовала ее и сказала: «Ты приехала к нам как невестка, а стала мне дочерью».

Да, мы радовались, но, как поется в песне, со слезами на глазах.

Не было дня, чтобы в доме не звучала музыка, шумные тосты, поздравления. Приходили папины друзья, близкие товарищи среднего брата, Шагена. Да и мои друзья заходили посмотреть на брата, послушать его пение. А как он пел! Как играл на гитаре! Ведь до армии Гурик в руки не брал этот инструмент. И вот, на тебе, такое замечательное исполнение. Сюрприз для всех.

Прошло месяца полтора. Вдруг из Казани получаем телеграмму на имя Нади. Случилась беда. В телеграмме сообщалось, что мама Нади при смерти и что все домочадцы просят ее срочно вернуться. Весть эта, конечно, привела нас в шок. Особенно сильно переживал Гурик. Он хорошо знал маму Нади, она часто бывала у него в госпитале и очень помогла ему восстановиться. И брат первым сказал: «Надо ехать!» Мы все были уверены, что неожиданное расставание с Надей будет недолгим. Провожали ее всей семьей, пожелали скорейшего возвращения…

Через месяц от Нади получаем письмо примерно следующего содержания: «…Прости, мой дорогой человек, прости тысячу раз. «Смерть» мамы была предлогом вернуть меня домой. Я в отчаянии. Мама умоляла, просила, чтобы я осталась с ней. Она действительно тяжелобольная. Мне очень больно смотреть на нее, видеть, как она мучается. Родной мой, любимый, видимо, это судьба. Помнишь слова нашего главврача: «*…Гриша, тебя дома ждет МАТЬ!*» Да, это невероятное чувство — материнская любовь. В те короткие дни, которые я провела у вас дома, общаясь с твоей матерью, я по-настоящему оценила потребность в материнской ласке. Прости, прости еще раз, Гришенька, я… *остаюсь!* Но всегда буду помнить все, что связано с тобой, вечно любить тебя и до-

рожить теплыми отношениями твоей доброй семьи. Я верю, что когда-нибудь мы встретимся, и ты *здоровыми глазами*, лично оценишь мою красоту. Вечно твоя, Надя…»

Вот приблизительно такого содержания мы получили письмо от Нади.

Брат, конечно, сильно переживал разлуку с любимой, но… жизнь есть жизнь… Она продолжалась. Со временем брат смирился с горькой действительностью.

К нам в гости ходило много молодежи: парни, девушки. Они любили общаться с Гуриком, слушать его пение, игру на гитаре. Бывало очень шумно, но соседи не ругали нас, понимали. А вот родители присматривались к приходящим девушкам, втайне лелея надежду найти среди них подругу для сына.

Прошел год. Мама ушла с работы, полностью посвятив себе Гурику. Подумывали с отцом о его лечении. Вскоре брат изъявил желание учиться. Хотел поступить в университет на юридический факультет. Мы не поверили. Как? Ведь… «…Я обязательно поступлю и не позже, а именно в этом году». Вот так!

Вначале родители посоветовались с известным офтальмологом Армении Мелик-Мусяном, который был хорошим знакомым отца. После консультации было принято решение сделать операцию. Так как левый глаз брата был «очень сильно поврежден» и «не подлежал лечению», профессор решил вначале удалить его, а правый лечить. Левый глаз удалил, а правый профессор отказался лечить. Почему? Оказалось, что брату удалили здоровый глаз. Все это выяснилось, когда отец отвез брата в Одессу к академику Филатову. Да, это был удар страшной силы для всех нас, а брата безответственность ереванского врача подкосила и морально, и физически.

Академик Филатов взялся лечить правый глаз, конечно, предупредив, что зрение восстановится только на 10–20 процентов. Большего не гарантировал. Вскоре так все и произошло...

Вопрос об учебе брата возникал постоянно. Родители уговаривали повременить, но Гурик настаивал, чтобы документы отнесли в университет. Сопротивляться не имело смысла.

И мама эту миссию взяла на себя.

Ректор университета, осмотрев документы, не мог поверить, что слепой человек желает учиться в высшем учебном заведении. Он «тактично» сказал маме: «*Простите, но принять решение я не могу. Обращайтесь…*» И мама с письмом этим отправилась к министру образования Армении, который, прочитав заявление, «сердобольно» сказал: «*Милая женщина, вы же мать, вам сейчас надо думать о его здоровье, а не об учебе. Человек потерял зрение на фронте, пережил такой стресс. И вообще, вы пред-*

Диссертация
Григория Захаряна

После защиты диссертации в журнале «Огонек» была опубликована эта статья, где рассказывалось о Гурике как о впервые окончившем университет незрячем человеке. На фото в газете: Гурик со своими детьми Аликом и Армиком

Фото внизу: Гурик во время защиты диссертации

ставляете, каким мучением будет для него учеба? Ведь он… Извините, но принять документы я не могу».

Мать не остановилась на этом, отправила письмо в Москву, союзному министру образования. Москва дала свое согласие на зачисление брата на юридический факультет без экзаменов. А мама пошла на прием к министру образования Армении и, положив на стол разрешение, сказала: «*Не верили? Так вот что я вам обещаю: когда наш сын окончит институт, первым уголовным делом его будет суд над вами!*»

У брата началась новая жизнь.

В то время специально для слепых издавалось огромное количество книг русской и мировой литературы, тексты которых были составлены по системе Брайля. Гурик быстро освоил эту систему и вскоре уже бегло читал, заново приобретая радость чтения, познания. Однако, к сожалению, по юриспруденции учебников по этой системе пока не издавали.

Мы с Шагеном стали его «глазами» — читали текст учебников вслух. Потом нас заменила Эмма, однокурсница Гурика. Они вместе готовились к занятиям, она читала ему вслух учебники и книги. Со временем их отношения переросли в большую и крепкую любовь… Но это отдельная история.

Мы же вернемся к моим школьным делам. Нашу школу перевели в новое здание. Здесь было намного удобнее, но я себя там вообще чувствовал, ну скажем так, как в казарме.

На дворе был май 1945 г.

Страна восторженно праздновала великую Победу над фашизмом. Ликующие толпы ереванцев заполнили все улицы столицы. Музыка, громкие разговоры, крики «ура», танцы… Словом все радовались долгожданной Победе. Ну, конечно, и мы с ребятами тут, со всеми: кричим, поем, танцуем. Толпа направилась в сторону площади Ленина. Чтобы видеть все происходящее лучше, мы уцепились за какую-то балку и оказались выше всех. Радости нашей не было предела. Но вдруг, я так до сих пор и не понял, что случилось, я сорвался с балки и оказался на земле. С двухметровой высоты я упал на спину, острый камень вонзился в меня в области лопатки. Я потерял сознание. Дальше — больница, опера-

Гурик и Эмма.

ция, боль в спине… А на теле впоследствии у меня остался шрам, теперь уже четвертый по счету.

Год я просидел дома и только на следующий вернулся в школу, но уже в другую, имени А.С. Грибоедова. Да и она не стала любимой. Это, конечно, смешно, но до сих пор мне снятся кошмарные сны: я никак не могу сдать экзамены и окончить школу… Единственное утешение — в те годы я приобрел преданных друзей, с которыми дружу и по сей день: Володя Халеян, Альберт Барсегян, Михаил Саркисян. Сегодня каждый из них личность, профессионал. А дружба наша, проверенная годами, только крепнет. И еще. В школе, самое главное, я продолжал заниматься любимым делом: ставил театральные постановки, руководил детским хором. Однажды во время концерта к нам пришел известный армянский дирижер М. Тавризян. После концерта он подошел ко мне, с восторгом сказал: «*Прямо, как Мелик-Пашаев,* — и, повернувшись к нашему директору, добавил, — *Берегите этого мальчика. Он рожден для музыки. Я восхищен*».

Да, было и такое в моей жизни.

Семья наша очень музыкальная. Отец, Гурик и я играли на таре, Шаген — на бубне. Шаген и мама прекрасно пели старинные армянские песни. Голос у мамы прекрасный, мягкий, теплый тембр ее голоса до сих пор звучит в моих ушах. Мы устраивали семейные концерты. Вскоре я поступил в музыкальное училище, очень хотелось стать композитором. Учился вместе с Альбертом Манда-

куняном. Он в дальнейшем стал известным композитором. А я?.. Опять случай изменил все в моей жизни.

На киностудии «Арменфильм» дублировали советские фильмы на армянский язык. На детские роли приглашали ребят младшего возраста на прослушивание. К моему удивлению, из тридцати ребят отобрали только меня. И началась моя кинокарьера. Во всех лучших детских фильмах, которые выпускались нашей страной, главных героев на армянский язык озвучивал я. Уважаемые «дяди»-актеры признавали мою работу. В дубляже существует слово «снайпер». Его присваивают тем, кто с одного дубля синхронно попадает в цель. «Снайпер» — так обращались и ко мне заслуженные актеры. Моим голосом на армянском языке говорят герои фильмов «Сын полка», «Дети капитана Гранта», «Счастливое плавание» и др. А еще за эту «озвучку» я получал немалые по тем временам деньги. То есть их получал не я, а мой отец. Тогда я «позволял» ему это делать, но, конечно, напомнил, когда собрался в Москву поступать во ВГИК. Он вернул мою «получку», с лихвой оплатив все расходы.

В 1947 году в драмтеатре им. Сундукяна режиссер Вардан Аджемян поставил спектакль «Молодая гвардия». Роль молодогвардейца Радика Юркина доверили мне. Роль небольшая, а концовка спектакля была очень пафосной. Я проходил через переполненный зрительный зал на авансцену под музыку Рахманинова и произносил клятву. Это было незабываемое зрелище. Только я произносил первые слова, зал вставал и, стоя под ярким освещением, слушал мою клятву. Клятву молодогвардейцев. А ведь она длилась почти три минуты…

Но вот однажды чуть не провалилась эта сцена. На авансцене я довольно-таки эмоционально, как всегда с надрывом, читаю клятву Радика Юркина. И вдруг, за своей спиной, где стояли другие участники сцены, я услышал голос любимого актера Давида Маляна, он играл Проценко: «*Слушайте, что, у этого мальчика нет ни дома, ни семьи? Что он так надрывается? Ведь так и геморрой наживет себе*». Ну, как вы думаете, что со мной стало? Я рукой прикрыл рот и бегом за кулисы… В дальнейшем мне

трудно было восстановить прежнюю эмоциональность этой сцены. И все из-за юмора моего любимого актера.

Спектакль долгое время имел большой успех, ведь поставил его именитый мастер, человек неуемный, думающий, ищущий — Вардан Аджемян.

В одной из сцен, когда немцы «входят» в город Краснодон, режиссер впервые использовал зрительный зал. Это было впечатляющее зрелище. В темном зале, с зажженными фонарями мимо зрителей под музыку Шостаковича проходили «фашисты», чеканя шаг, и поднимались на сцену. Удачная режиссерская находка очень действовала на зрителей.

Этот спектакль решил и мою дальнейшую судьбу…

Я стал популярным. В школах, в детских садах устраивали встречи со мной, просили рассказать о роли, о молодых героях-краснодонцах. И каждый раз, когда после спектакля я выходил на улицу, ребята кидались ко мне, дарили цветы, выражали свое восхищение.

После окончания школы я поступил в театральный институт на актерский факультет без экзаменов, благодаря своим театральным успехам.

Я наслаждался! Приглашал на спектакль своих школьных преподавателей. Они были восхищены моей игрою, особенно учитель по математике, великолепный, мудрейший, добрый был человек-фронтовик, уроки которого для меня были ужасно трудными. А после спектакля проблема с математикой была решена: тройку по предмету я себе обеспечил на всю оставшуюся школьную жизнь.

В этом же году в семье произошло еще одно событие: Гурик и Эмма решили пожениться. Радость охватила всех — и родственников, и близких.

История их любви — шекспировская повесть. Эмма — уроженка Тбилиси, дочь довольно-таки богатых родителей. Они прочили ей в женихи других молодых людей — богатых, достойных их семьи. А она предпочла слепого, моего брата, которого очень любила. Все попытки родителей Эммы вернуть ее в лоно семьи закончились крахом. Эмма осталась с Гуриком в нашей семье.

Братья навеселе!

Вскоре, узнав о беременности Эммы, наши тбилисские родичи стали вести «мирные переговоры» с нами. Отец Эммы, хнами Айк, приехал, мы помирились, и он уговорил Эмму ехать рожать в Тбилиси. А потом мы все встречали ее и маленького Александра — Алика Захаряна на вокзале Еревана. Особо радовался Гурик, ему не терпелось скорее «увидеть» сына. Он подошел, вернее, я подвел его к жене и сыну. Эмма протянула ему ребенка со словами: «А вот наш папа». Гурик со слезами на глазах медленно и очень осторожно стал ласкать лицо малыша. После недолгой паузы сказал: «*Похож!*» — и нежно поцеловал Эмму.

А через два года, в 1950 году, у них родился второй сын Арменак. Алик и Арменак — мои любимые племянники. Алик, любимый внук моей матери, в детстве жил у нас. Итак, в маленькой квартире нас стало восемь человек. Конечно, тесновато. Гурик предложил снять квартиру и семьей жить отдельно. Тем более, что и Шаген собирался уже жениться.

С большим трудом мама согласилась с решением Гурика: их уход очень тревожил ее.

Наша любимая невестка оказалась хорошей домохозяйкой, верной и любящей женой, а главное, прекрасной матерью. Так что беспокойство мамы сразу исчезло, тем более что Гурик с семьей сняли квартиру в нашем дворе, и мама ежедневно ходила к ним с полными корзинами продуктов…

С нами жила и двоюродная сестра Роза, дочь маминого брата Драстамата. Роза приехала из городка Мегри поступать в сельскохозяйственный институт и осталась жить у нас. Сдав с отличием экзамены, она поступила в институт, хорошо занималась и была предана выбранной профессии! Моя мать очень любила ее, и это было взаимно. Много шутливых сцен было связано с ней. Как-то мать, находясь на кухне, позвала Розу к себе. Роза не отвечала. Мама крикнула еще несколько раз. Когда вошла в комнату Розы, увидев ее безучастно сидящей на диване, спросила: «Ты что, не слышишь? Сколько раз можно звать?» В ответ Роза с усмешкой ответила: «Я хотела, чтобы ты побольше «полаяла»». Когда мать рассказывала историю нам, мы умирали со смеху. Мы любили Розу за ее юмор и непосредственность. Но когда она ушла жить в общежитие, нам ее не хватало.

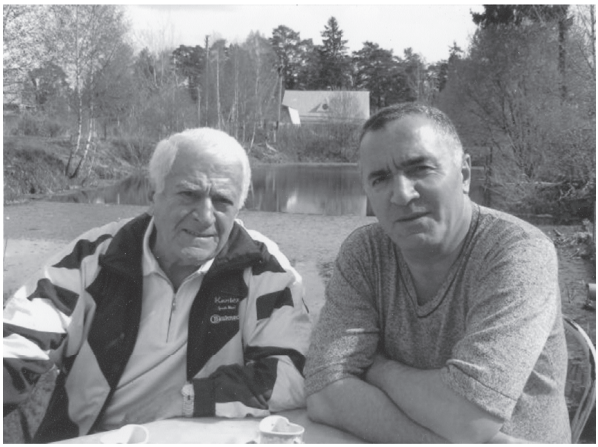
Однажды она пришла с парнем, Жорой, и представила нам его как жениха. Он нам понравился: доброе лицо, необыкновенная улыбка. Гурик прозвал его «Бубня». Так мы его и звали все время, потому что, играя в карты, он вместо слова «бубны» говорил «бубня». Они поженились в Кировакане, там образовалась дружная семья, родился вначале сын Эмиль, а потом и дочь Карине. Все мы радовались их счастью, но недолго…

Скоро у Жоры обнаружили рак мозга, и через какое-то время мы потеряли дорогого человека. Ему было всего 37 лет. Роза осталась вдовой, одна воспитала сына и дочь, радовалась их успехам, дала им великолепное воспитание, образование. Дети сегодня обожают и берегут свою мать. Спасибо им!..

Недавно Эмиль переехал в Москву. Мы встретились. При встрече меня поразило его удивительное сходство с отцом. Вылитый Жора! Такой же добрый, щедрый, любит своих детей. Он рано потерял любимую жену и, как Роза, один воспитывал детей, дал им хорошее образование, поставил на ноги, открыл им свободный, самостоятельный путь к жизни…

Мы очень любим Эмиля.

Мой брат Шаген к тому времени работал в кинотеатре «Москва» старшим киномехаником. В нем мне нравилось умение все делать самостоятельно, аккуратность: каждая мелочь имела



Эмиль со своей сияющей улыбкой. Теперь мы часто встречаемся и радуемся

свое место. И так всю жизнь. Вот эта черта характера свойственна и мне. Он не получил высшего образования. Но его настойчивость и знания привели к писательской деятельности. Он читал произведения армянских и русских классиков. Толстой, Достоевский, Куприн, Шолохов — любимые авторы брата. Читал и великих писателей всемирной литературы, знал почти наизусть их лучшие произведения. И очень часто в разговоре или в споре приводил цитаты любимых писателей. Пройдут годы, он станет писателем и великолепным журналистом.

Но это все потом, а сейчас мы всей семьей едем на вокзал встречать Шагена и его молодую жену. После «легкой» свадьбы в Тбилиси они возвращались в Ереван.

А со мной на вокзале вот что приключилось.

Я с друзьями приехал на вокзал раньше, решил сфотографировать моих товарищей. И вдруг подошел милиционер и подозрительно спросил: «Что мы тут снимаем, молодые люди?» Я ответил: «Фотографируемся на фоне товарища Сталина». (Тогда стоял памятник вождю на ереванском вокзале.) «…Так-так! На фоне товарища Сталина, говоришь? — продолжал милиционер, — аппарат навел на друзей, а снимаешь перрон, да?» «Какой перрон?» — Я был в недоумении. — «Причем тут перрон?» «А притом, молодой человек, что перрон снимать не разрешается!..» «Да мы…» Он вы-

хватил у меня фотоаппарат и сказал: «Сейчас выясним, что вы тут нарисовали. А пока заходи сюда». Он проводил меня в участок, какому-то старшему милиционеру доложил о моем поведении, отдал ему мой аппарат. Этот старший оказался не умнее своего подчиненного. Он вытащил из камеры пленку, естественно, засветил ее, подошел к окну и начал просматривать. «Ты что, ничего не снимал?» — Повернувшись ко мне, спросил «умник». Ребята, что стояли рядом, начали громко смеяться. Это взбесило милиционера. Он приказал увести меня в «кутузку». Сняли с меня ремень и втолкнули в темную комнатку.

А тем временем наша семья уже встречала Шагена и его жену. Друзья успели рассказать о случившемся родителям.

Вскоре они ворвались в участок и освободили меня из «тюрьмы». После этого случая друзья придумали мне кличку «Законник!».

Прошли годы.

В 1951 году по всей стране опять начались аресты людей. Все повторилось, как в 1937 году. Из всех республик целыми семьями высылали людей на Восток. Опять страх, волнение, слезы, горе… Узнаем, что родителей Эммы отправляют в далекий Казахстан. Почему, за что? Не оттого ли, что они родились в Тегеране? Абсурд! Айк хнами был опытным красильщиком кожи, мастером своего дела, очень добрым, отзывчивым человеком, помогал всем. Из всех городов огромной страны к нему приезжали и за заказами, и учиться его делу. За что наказывают его, его семью? Их выслали из Тбилиси в 1951 году в город Чу.

Очень переживала Эмма. И в 1952 году она с сыновьями, двухлетним Армиком и четырехлетним Аликом направилась в дальний путь на встречу с родителями. Несмотря на то что Гурик был против этой поездки, Эмма приняла окончательное решение: ехать. Мы провожали их со слезами в глазах, особенно мама, она все время повторяла: «*Ну как же ты так, с маленькими детьми в такую даль? Ради Бога, держи их при себе, не отлучайся от них ни на минуту. А родителям самый низкий поклон. Береги себя…*»

Да, это был героический шаг нашей дорогой невестки.

Слава Богу, они благополучно вернулись домой через месяц.

А в 1954 году вернулись к своему очагу, в свою квартиру и родители Эммы. Много трудностей пережили они за эти годы, однако и дома их ждали неприятности. Недобрыми, неблагодарными и просто мерзкими людьми оказались, так сказать, «коллеги» и «друзья» Айка хнами. Никто из них не вернул ему деньги, которые он им доверил. А это были большие деньги. Не вернули материалы, мастерскую. Все его предали, отвернулись от него. Это был удар в спину для него, человека, который всю жизнь делал людям добро. Он сильно переживал, места себе не находил.

Вскоре вся семья Айка по предложению Гурика переехала в Ереван и обустроилась у него в доме… Жизнь наладилась постепенно.

А как моя жизнь?

Наконец, я добрался до десятого класса. И мне следовало уже думать о профессии.

Тем временем Гурик и Эмма окончили институт. Гурик успел защитить диссертацию, стал кандидатом юридических наук, уже преподавал в университете. Брат предлагал мне поступить в медицинский институт и одновременно учиться на заочном отделении юрфака, то есть приобрести профессию судмедэксперта. Конечно, это было заманчивое предложение. В роду нашем много было хороших медиков, но я и медицина — понятия несовместимые. С детства меня тянуло к искусству — к театру, кино, музыке. Я выбрал свой путь — решил поступить на режиссерский факультет театрального института. Как назло, в том году набора на этот факультет не было. Я принял решение поступить на актерский с тайной надеждой через год уехать в Москву во ВГИК и так осуществить свою заветную мечту — стать кинорежиссером.

Студенчество

1953 год. Я снова в Москве. Уже взрослый, самостоятельный человек. Приехал сдавать экзамены на режиссерский факультет Института кинематографии. Курс в тот год набирал великий педагог Герасимов Сергей Аполлинариевич. Какая была радость, когда узнал об этом! Помочь мне в поступлении я попросил режиссера Генриха Оганесяна. Я знал его. Он работал актером в Сундукяновском театре вместе с моей мамой. А в Москве работал с С.А. Герасимовым над картиной «Молодая гвардия».

Генрих был удивительным человеком. Аккуратный, элегантный, подтянутый. Шутки просто сыпались из него. Внешне он был похож на стилягу . Его пестрая, яркая одежда многих шокировала.

В театре он не блистал. Играл второстепенные роли, получал 60 рублей в месяц и наслаждался шутками. Вот случай… Тогда директором театра был замечательный режиссер и педагог Армен Гулакян. Однажды Генрих опоздал на спектакль, и Гулакян вызвал его к себе. На вопрос, какая зарплата у него в театре, Генрих, опустив голову, тихо ответил: «120 рублей». «Идите, с сегодняшнего дня вы будете получать 100 рублей», — сердито заявил Гулакян. А «наказанный» Генрих стал получить на 40 рублей больше.

Он мечтал переехать в Москву, обязательно работать в кино, и обязательно у Герасимова… Чтобы осуществить свою мечту, Генрих придумал очередную «хохму»: Надел рваные одежды, проник

в кабинет Герасимова, встал перед режиссером на колени и стал умолять устроить его на студию на любую работу. Герасимов от неожиданности вызвал кадровика и попросил разобраться с таинственным пришельцем.

И на следующее утро шикарно одетый Генрих стоял у входа студии. Приезжает Сергей Аполлинариевич. Генрих останавливает его машину и просит водителя показать пропуск. Водитель возмущается. Генрих повторяет просьбу. Герасимов узнает в нем вчерашнего «бомжа», подзывает к себе и, выслушав объяснения, тут же назначает своим первым ассистентом…

Очень смешная история произошла и со мной в первый день пребывания в Москве. Еще в Ереване кто-то из взрослых «объяснял» мне, как вести себя в Москве: «Главное — не останавливайся, все время иди вперед. Остановишься — арестуют». Следуя этому совету, я весь день пробродил по Москве, не останавливаясь ни на минуту. Вечером, изнывая от боли стертых в кровь ног (у меня были новые ботинки), я решил «сдаться» милиционеру. Подошел к постовому, и: «Арестуйте меня, я больше не могу ходить». На их вопрос: «За что?» Я рассказал им о совете, который мне дали в Ереване. Хохот милиционера я слышу до сих пор.

Годы спустя я сполна «заплатил» ереванскому шутнику.

Сняв у местного дворника комнату недалеко от старого университета, что на Манежной площади, я стал готовиться к экзаменам.

Записался в библиотеку им. В.И. Ленина и целыми днями пропадал там, усердно занимаясь.

В то время каждая республика имела возможность прислать одного абитуриента на учебу во ВГИК. Это место должен был занять Фрунзик Довлатян. Фрунзик был лауреатом Сталинской премии, и поэтому его приняли без экзаменов. Мне же пришлось сдавать их все, и только два балла не хватило мне для поступления.

Памятной стала для меня встреча с Сергеем Аполлинариевичем. После множества вопросов и ответов он произнес: «Молодой человек, не спешите поступить во ВГИК в этом году. Оканчивайте театральный вуз и возвращайтесь к нам с более крепкими знаниями и большим жизненным опытом».

Трудно было возвращаться домой, но я вернулся.

Братья и родители подбадривали меня, обещали в дальнейшем помочь.

Рады были моему возвращению однокурсники и педагог Вагарш Богданович Вагаршян. Он хотел, чтобы я стал театральным актером.

Вагаршян — выдающийся актер, великолепный педагог, эрудит, мастер своего дела. Мы восхищались им. Красивый, статный седой мужчина, всегда в белом костюме. Ходил он грациозно, с высоко поднятой головой. Ездил на автомобиле марки ЗИМ тоже белого цвета.

Мы часто посещали его спектакли и восхищались образами, им созданными. «Егор Булычов», «Иванов», Барон («На дне»), Протасов («Живой труп»). А Гамлет? Это была вершина актерского мастерства. Он блистал и в пьесах армянских драматургов.

Вагарш Богданович никогда не появлялся в общественных местах. Зритель никогда не видел его на улицах, в магазинах или на каких-то общественных мероприятиях. Он строго соблюдал этот принцип сам и нам говорил:

«Актер не должен появляться перед зрителем вне театра. Он должен остаться в их памяти таким, каким был на сцене. Не разочаровывайте зрителя, потом не восстановить свой актерский авторитет…»

Вот так воспитывал нас Великий актер двадцатого века.

Многое рассказывал о нашей актерской профессии, давал советы, был примером для нас. Часто повторял: *«Счастлив тот, кто правильно выбирает ПРОФЕССИЮ и ЖЕНУ!»* Он считал себя счастливым человеком.

Первое мое знакомство с Вагаршем Богдановичем состоялось в детстве.

Мама меня всегда брала с собой в театр. Во время спектакля «Гамлет», чтобы хорошо видеть сцену, я тайком пролез на боковой осветительный портал и очень удобно устроился там.

А на сцене Гамлет и его мать. Прекрасная сцена, где Гамлет — Вагаршян, сняв с груди медальон с портретом отца, подносит его матери:

Вот два изображенья: вот и вот.
На этих двух портретах — лица братьев.
Смотрите, сколько прелести в одном:
Лоб, как у Зевса, кудри Аполлона,
Взгляд Марса, гордый, наводящий страх,
Величие Меркурия, с посланьем
Слетающего наземь с облаков.
Собранье качеств, в каждом из которых
Печать какого-либо божества,
Дающих званье человека. Это
Ваш первый муж. А это ваш второй.
Он — словно колос, пораженный порчей,
В соседстве с чистым. Где у вас глаза?..

В этот момент прожектор, который висел над моей головой, осветил Гамлета. Увидев меня под фонарем, Вагарш Богданович окаменел. Казалось, он забыл слова. А я, сидя на своем теплом месте, восторженно улыбаясь, поприветствовал его. Он громко крикнул: «Занавес!» Занавес опустили, Вагарш Богданович подошел к порталу и громко крикнул: «Кто позволил тебе туда забраться? Вон сейчас же!..»

Впоследствии эту историю мы часто вспоминали с Вагаршем Богдановичем, и каждый раз со смехом…

По возвращении из Москвы я обнаружил, что у нас на курсе новички: Лейла Хачатурян, племянница композитора Арама Хачатуряна, Ася Суджян, Миша Галоян (Старик) и Фрунзе Мкртчян, парень из Ленинакана, с совсем не актерским лицом.

…Сегодня 09.07.2010 года. Я печатаю свои мемуары, вдруг звонок из Еревана. Мой брат сообщает ужасную весть: на 79-м году жизни скончался мой старый и верный друг Альберт Барсегян, с которым дружили 70 лет. О нем я намеревался написать чуть позже в рубрике «Мои друзья». Но захотелось сейчас вспомнить о человеке, которому я верил и который был верен мне всю жизнь.

Я долго думал, с чего начать. Решил написать письмо его детям, родным мне людям. Вот это письмо:

Снимок сделан во дворе института. Я с мастером после дипломной работы

«...Дорогие мои, любимые Лиана и Рузанна, весть о кончине папы потрясла меня. Я понял, что ЮНОСТЬ, которая все время шагала рядом вот уже 79 лет, сразу оборвалась. Ведь она связана с моими верными и преданными друзьями. Когда они живы, еще рядом, тебе кажется, что ты еще юн, молод. Родной и дорогой мой человек унес с собой то, что принадлежало нам обоим почти 70 лет. Очень трудно поверить, что никогда не увидим друг друга. Склоняю голову перед его памятью, прощаясь навсегда. Родные вы мои Лиана и Рузанна, я потерял друга, а вы потеряли неповторимого ОТЦА. Как он любил вас, как берег! Как был счастлив внукам! Он ушел, оставив вам пример великой отцовской любви. Будьте мужественными!

ПРОЩАЙ, МОЙ БЕСЦЕННЫЙ ДРУГ!!!»

Когда Фрунзик уже был народным артистом СССР, как-то гостил у меня дома в Москве. Смех, веселье заполнили наш очаг. Он подарил моему сыну свою фотографию с добрыми пожеланиями. Такую же мне и Алле, только больше размером, с надписью: «Им воты тох барии лини дзер таны». («Пусть мой приход добро принесет в ваш дом».) Уходя, обращаясь к моей жене, сказал: «Вы знаете, Алла, лучшее в моем актерском искусстве я заимствовал

у вашего мужа. Жаль, что он не стал артистом. Звание народного было бы у него !..»

Нашего всенародного любимца уже нет в живых.

Хочу предложить отрывок из моих воспоминаний, написанных, когда мы отмечали 75-летие Фрунзика. Но… уже без него.

...И вдруг — бум!.. На курсе появились две очаровательные красавицы, Лейла Хачатурян и Ася Суджян, а вместе с ними — ужасно некрасивый, худой, но с необычайным шармом Парень из Ленинакана — так сразу мы его прозвали всем курсом. Тогда ему было всего 23, но выглядел он намного старше. Наверно, из-за двух очень глубоких морщин у самого рта. Я думаю, именно они придавали его лицу некую «старческую» мудрость. Был он худ, достаточно бледен, невероятно подвижен и удивительно пластичен. Глаза — такие выразительные, красивые, но грустные, излучали доброту и казались «мокрыми», влажными. Но самым замечательным на его лице был Нос. Великий Нос, могучий, неповторимый. Он знал «силу» своего носа, силу его воздействия на зрителя. Поэтому когда потом, много лет спустя кто-то предложил ему пластическую операцию, он удивленно произнес: «Зачем, вся прелесть моего лица в нем».

…Он сразу стал талисманом нашего курса. Своим талантом, своей неповторимой непосредственностью, умом и сердцем обеспечивал успех нашим маленьким студенческим спектаклям, которые играли на разных театральных подмостках Армении. Мы все понимали, что к нам пришел зрелый профессиональный актер, о котором не зря так много говорили еще до его прихода в институт.

По всем предметам, кроме актерского мастерства, учился он плохо. Никак не мог понять, зачем актеру марксизм–ленинизм, что вообще означает политэкономия? Поэтому игнорировал эти лекции, аргументируя тем, что духовность актера не в марксизме-ленинизме, а в ТАЛАНТЕ, который рождается вместе с человеком. Вот этот ТАЛАНТ и нужно развивать, шлифовать — ТРУДОМ. Именно поэтому он очень уважал и ценил нашего педагога по актерскому мастерству и не пропускал ни одного его урока. Особенно ценил великого актера Ваграма Папазяна. Воспро-

изводил сыгранные им роли, с невероятной точностью подражал мастеру, показывая Отелло, Лира, Арбенина. Это было потрясающее зрелище! Парень из Ленинакана каждый день удивлял и поражал нас талантом и эрудицией.

Его появление в институте лично для меня, признаюсь, было не очень желательным. Потому что до него, скажу без скромности, на курсе я был на первых ролях. Хоть актерское искусство не так уж грело меня, все же актерский талант во мне есть. Убедительно определил это Вагарш Богданович, сказав после очередной сыгранной мною роли: «*Великолепно*»! Особенно в комедийных и характерных ролях. Пройдут годы, Парень из Ленинакана скажет мне: «*Ты был прирожденным комиком, но я рад, что эту нишу ты оставил мне*».

И вот с приходом Парня из Ленинакана получилось так, что мы с ним играли одни и те же роли в студенческих спектаклях. Как принято говорить, мы с ним были дублерами. И самое интересное, я играл, как ни странно, в первом составе, а он во втором, потому что не мог выучить текст ролей, забывал. И в будущем он часто жаловался на это.

Но это не мешало ему превращать любой выход на сцену в праздник. А мы только восхищались. Фрунзик творил прямо на сцене: импровизировал, фантазировал, придумывал мизансцены, находил новые нюансы, которые невозможно было повторить.

Да, это был Праздник, это было Чудо!..

…Вспоминаю первую встречу с ним на уроке ритмики. Естественно, мы все ходили на этот урок в спортивной форме.

И вот в зал входит наш Парень. Боже мой, мы все ахнули, увидев его в длинных черных трусах: такой худой, согбенный, невзрачный — один только Нос торчит на его ужасно смешном лице. А когда начался урок, надо было только видеть, как он выполнял заданные движения, как он танцевал. В один миг на наших глазах Парень превращался в изящное, грациозное, бесподобно пластичное существо.

Да, таким был загадочный наш Ленинаканец…

…Мы с ним дружили. Эта была теплая, бескорыстная дружба, которая продолжалась до самого заката его жизни. В дальнейшем,

Урок «История театра». Слева направо: Ася, Фрунзик, Ашот. Как всегда, урок сопровождался рассказами анекдотов…

когда я стал кинорежиссером, он упрекал меня в том, что я его не снимал в своих картинах! Всегда говорил, что его как актера лучше меня никто не знает. Да, действительно. Я знал его актерские возможности. Это правда. А вот почему не снимал? До сих пор не знаю.

Пытался разгадать тайну его гениальности, его неординарности. Я искал главное, что украшало его талант, и понял — МУДРОСТЬ! Вот суть его искусства.

…В 1991 году, когда я собирался покинуть мой родной Ереван и переехать в Москву, он позвонил мне и пригласил к себе домой — попрощаться.

Мы жили в одном доме.

В то время он жил один. Квартира неухоженная, неуютная. Нет, он не был неряхой, наоборот: одевался аккуратно, всегда при галстуке и всегда подтянутый. Последнее время, видимо, его сильно что-то тревожило.

А что?..

На столе стояла бутылка водки, два-три помидора, хлеб. И все.

Поставив две рюмки на стол, спросил:

— Все-таки уезжаешь?

— Решился! — садясь рядом с ним, ответил я.

— Права была твоя мама, говоря, что русская жена все равно потянет за собой, — почему-то вдруг вспомнил слова моей матери.

— Не жена, а семья! Дорогой мой! Если б не она, я не был бы тем, кем стал.

— Да. А мне она (он имел в виду свою жену) всегда мешала! Помнишь, как определил «счастье» Вагарш Богданович?

— Человек счастлив тогда, когда он правильно выбирает профессию и жену.

— А теперь определи, счастливый ли я человек?

Я понял, к чему он клонит, поэтому попробовал отвлечь его:

— Ты самый счастливый человек на свете. С профессией, слава Богу, все хорошо. А насчет семьи — огромная популярность, всенародная любовь. В любом уголке нашей просторной страны каждый готов принять тебя, обнять, обласкать. Ты что!?

— Нет, Вилен, это совсем не то. Мне не хватает *ТЕПЛОТЫ!* Понимаешь? Мне не хватает сильно греющего домашнего ОЧАГА!

…Да, в этом плане, действительно, ему не повезло.

Он очень сильно переживал, когда говорил на эту тему.

Надо было видеть его в тот момент. Человек, который своим могучим талантом, с такой легкостью, с таким неповторимым обаянием мог смешить огромную страну, становился беспомощным и, как он говорил, «*никому не нужным человеком!*».

Напоследок Фрунзик запел свою любимую песню «Сарер к канчем!»…

Как он пел! Он жил песней. Как было тепло на душе рядом с ним! Боже мой! Что б он ни делал: пел, танцевал, говорил, показывал, играл, *РИСОВАЛ* — во всем проявлялась его индивидуальность. Через всю свою жизнь он пронес самое важное для творца — свое собственное «*Я*» и в жизни, и в искусстве.

…Эта была моя последняя встреча с *НИМ.*

Через три года его не стало.

…Да, действительно, до сих пор не могу понять, почему у нас с ним не состоялась киновстреча? А ведь я мечтал об этой встрече.

1956 год. Фрунзик и Ася Суджян во время студенческих гастролей по городам Армении. И здесь он «травил» анекдоты

Мечтал и о том, что в моей картине в титрах, вместо Народного артиста СССР ФРУНЗЕ МКРТЧЯН, я бы написал — «*ПАРЕНЬ ИЗ ЛЕНИНАКАНА!..*»

…Итак, я включился в студенчество, осваивал мастерство актерского искусства, но мысли о ВГИКе не давали покоя. Однако, сознавая важность того, как необходимо мне окончить театральный вуз, я продолжал познавать актерское мастерство. Ведь быть актером и режиссером — это же самое удачное сочетание!

На нашем курсе образовался своеобразный квартет: я, Лева Аветисян, сын народного артиста СССР Авета Аветисяна, Рубен Оганесян и Ашот Симонян, который был самым младшим. Наша дружба длилась очень долго. Она продолжалась и после института, когда мы все, кроме Ашота, работали на телевидении. Как сложились судьбы моих друзей в дальнейшем?

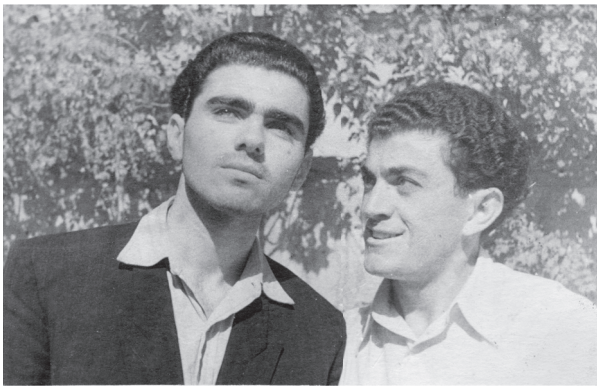
Трагична была судьба Левы. Он работал режиссером на телевидении в разных редакциях до 1978 года. А последние годы в спортивной редакции. За два года до начала Олимпиады 1980 года в Москве Госкомитет радио и телевидения поручил республиканским комитетам подготовить отдельные телевизионные группы, которые должны были обеспечить спортивные трансляции Олимпиады. Каждая республика должна была освещать определенный вид спорта. Армении достался водный спорт. Группой руководил Лева.

В 1978 году армянская группа вылетела в Минск, где проходили союзные соревнования пловцов. Через три дня работники гостиницы в номере, где жил наш друг, обнаружили его мертвым. Как, почему, что было причиной смерти? Мы так и не выяснили. Медицинское заключение гласило — инфаркт. Вот так, не дожив до своего 48-летия, ушел от нас друг, прекрасный семьянин: муж, отец. Это был очередной удар для меня. Какие великолепные дни мы с ним проводили, сколько радости и веселья было там, где мы собирались с друзьями! Он отлично играл на аккордеоне и хорошо пел. Вообще всегда был душой компании. Как он радовался, когда присвоили мне звание Заслуженного деятеля искусств Армении. Принес ко мне домой огромный бочонок пива, и мы праздновали до утра.

Эта печальная весть застала меня в Москве, где я работал над фильмом «Я гражданин Советского Союза» из цикла «Дети страны Советов». В Останкино я случайно встретил ребят, которые с Левой были в Минске. Вот они и сообщили об этой трагедии…

Как-то на очередном Всесоюзном телевизионном кинофестивале в Минске я был членом жюри музыкальных фильмов. По прибытии в столицу Белоруссии первым делом разыскал ту гостиницу, где жил наш друг. Нашел. Администрация гостиницы помнила этот инцидент. Мне показали номер, где произо-

Лева, Ашот, я, Зулум и Фрунзик. 1956 год



Я со студенческим другом Рубеном.
1956 год

шла трагедия. Красную розу, которую я захватил с собой, положил около двери, где нашли бездыханное тело Левы. Он так любил жизнь!

Рубен с успехом работает режиссером на телевидении по сей день.

Ашот Симонян стал актером, служил в театре юных зрителей. Получил звание заслуженного артиста Армении. Ну, а потом уехал в Америку к дочери. К сожалению, связь с ними прервалась после моего переезда в Москву.

В институте неожиданно у меня проснулось какое-то необъяснимое чувство к однокурснице. Об этом я рассказал Леве, самому верному и преданному другу. «Нет проблем.… Потерпи, скоро она будет твоя!» — заключил мой друг. Она казалась мне недосягаемой. Импозантная, красивая, очень умная и талантливая. Она была племянницей Арама Хачатуряна. Очень плохо говорила по-армянски, но роли выучивала легко и играла с необыкновенным блеском. Звали ее Лейли. В нее был влюблен наш сокурсник. Видимо, Лева умело поговорил с ним, и тот «переключился» на другую сокурсницу. Теперь мне надо было привлечь ее внимание. Как это сделать? Я решил активно включиться в репетиции, этюды, новые роли исполнять так, чтобы выделиться, понравиться ей. И мне это удалось. Она стала обращать на меня внимание, обо мне заговорили на курсе. Однажды после репетиции этюда, который, кстати, написал я, чтобы выразить свое восхищение,

Лейла под аплодисменты сокурсников обняла меня и нежно поцеловала. В первый и… последний раз.

До четвертого курса наши отношения то штормовали, то переходили в штиль. Признаюсь, я влюбился без памяти. Это была моя первая любовь…

По утрам, подходя к ее дому, я насвистывал «Школьный вальс» Дунаевского (это был наш пароль), она выходила, и мы направлялись в институт. Это длилось целых три года…

И вот дипломный спектакль. Мы играли «Сиреневый сад» Цезаря Солодара. В главных ролях Лейли, я и Ашот. В зале в первых рядах приемная комиссия и Арам Хачатурян, он приехал полюбоваться своей племянницей.

Перед спектаклем мы с Лейли поссорились. На мой вопрос, любит ли она меня, готова ли выйти за меня замуж, Лейли ответила: «Поговорим после сдачи диплома». Я потребовал ответить именно сейчас. Она настаивала на своем. Тогда я психанул и пообещал провалить спектакль. Она дерзко посмотрела на меня, сказала: «Ты что, с ума сошел?» Повернулась и ушла. К нам за кулисы пришел Вагарш Богданович и его сорежиссер, всеми нами любимый педагог по актерскому мастерству Саркис Кочарян. Они пожелали нам успеха и ушли в зал.

Зал был переполнен, пришли все студенты и театрального отделения, и художники. Прозвучал звонок. Погасло освещение. Зал замер в ожидании. Со словами: « Добро пожаловать в наш дом отдыха «Сиреневый сад», — я должен был выйти на сцену. Но я стоял в кулисах и дрожал от волнения: я принял свое жесткое решение. Занавес поднялся, я медленно вышел на сцену и замер, как вкопанный. Стою, молчу… одну минуту, две минуты. Зала не вижу, в глазах потемнело, из зала и из-за кулис слышу, как мне подсказывают текст. А я продолжаю упорно молчать. Слышу и ее голос, но все равно молчу. Ведь я ей обещал сорвать спектакль. И вдруг голос Вагарша Богдановича: «В чем дело?» В этот момент в институте гаснет свет. Спектакль отменяют, так как подключить свет долго не удается. А я? Я все же выполнил свою угрозу.

Хотя за мою «игру» мне досталось — вызвали к ректору. Я рассказал правду. Ректор Ара Саркисян, редкой доброты человек, по-

нял меня и, рассмеявшись, сказал: «*Ну, парень, ты будешь замечательным артистом. Иди, и пусть твоя подруга запомнит — любовь побеждает всегда!*»

В этот вечер мои товарищи потребовали объяснить причину провала. Я сидел в кресле и молча смотрел на Лейли. Вдруг она подошла ко мне и неожиданно громко рассмеялась. Я резко встал с места и был готов ударить ее. Смеясь, она сказала: «Дурачок! Как можно не любить тебя? Люблю, конечно, люблю. Ты доказал, что я дорога тебе и что ты мне предан».

На следующий день спектакль прошел на самом высоком уровне.

Через какое-то время наступило разочарование.

Как-то мы с сокурсниками собрались у Лейли дома на вечеринку.

Отец Лейли, Вагинак Ильич, знал о наших отношениях. И в какой-то момент мы оказались с ним одни на балконе. В этот вечер от него я узнал то, что все эти три года утаивала от меня моя «любовь». Оказывается, она была обручена с композитором Таривердиевым, а потом связалась с другим композитором, это уже в те дни, когда мы с ней дружили. Вагинак Ильич дал отцовский совет: «*Береги свою молодость, найди себе достойную. Ты хороший парень, у тебя замечательная перспектива. Поверь мне, как жена она не для тебя*».

Все разрушилось в моей жизни...

После окончания института я сразу вылетел в Москву.

Мои родители на этот раз не препятствовали, даже были рады, что я уехал от своей «любви».

Потом я узнал, что Лейли вышла замуж за очень мне дорогого и уважаемого художника Рафика Бабаяна.

Честно говоря, при всем моем уважении к Рафику, эта новость для меня была полной неожиданностью.

Бог с ними. Главное, я уже был предупрежден отцом Лейли. Так что переживать не стал и даже был рад, что она выбрала достойного человека…

В этот год во ВГИКе курс набирал известный режиссер Лев Рошаль…

Маленькое отступление:

В год защиты дипломной работы я старался сдать все предметы на отлично и получить красный диплом, чтобы при поступлении во ВГИК проблем не было. Была у нас педагог Луиза Самвелян, которая преподавала историю античного театра. Не знаю почему, но с первого же курса у нас не сложились отношения. Она недолюбливала меня и по поводу или без всякий раз повторяла: «Нечего тебе оставаться в этом институте». Почему? Я так и не понял и решил на ее уроки не ходить до конца учебного года. Больше мы ни разу не встречались. В число государственных экзаменов входил предмет по истории античного театра, т.е. я должен был сдать экзамен по этому предмету, а на лекции я ведь не ходил… Понимая, что придется туго, я стал заниматься с Левой. Он очень хорошо знал данный предмет. Усердно занимаясь, был готов удивить моего «любимого» педагога своими блестящими знаниями. Все предметы до этого я сдал на отлично, и, казалось, красный диплом уже в кармане… Но Самвелян не забыла ничего. Несмотря на мою подготовленность, она поставила оценку УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО! И я разозлился, бросил на стол зачетную книжку, сказав: «*Я не мог представить, что женщина такой красоты могла так жестоко отомстить! Ничего, пройдет время, ах как вы будете сожалеть об этом*».

Вот так я лишился красного диплома…

Конечно, пройдут годы, и мадам Самвелян в одной из статей о моем творчестве напишет и о своем раскаянии. В дальнейшем у нас завязалась творческая дружба. Будучи невероятно умным, подготовленным профессионалом, она давала мне дельные советы, к которым я прислушивался, сожалея, что пропускал ее лекции в течение четырех студенческих лет.

Интересная встреча состоялась с Арамом Ильичом Хачатуряном, когда я снова приехал в Москву. По просьбе племянницы его Лейли, композитор обещал помочь мне в поступлении во ВГИК.

В Москве в инженерно-физическом институте учились мои друзья Ашот Мирзоян и Норайр Санасарян. Ашот снимал комнату у милой старушки, которую мы очень уважали и любили. Я поселился у Ашота. Узнав, что я должен пойти к Араму Ильичу,

Ашот тут же смело и уверенно позвонил ему по телефону, представился и, как ни странно, получил приглашение маэстро. Мы отправились к Араму Ильичу.

Дверь открыла домработница, но тут же появился сам мэтр, поздоровался и пригласил нас в кабинет. Он узнал меня. Вспомнил нашу дипломную работу, даже несколько хвалебных слов сказал в мой адрес. Конечно, оценка великого маэстро для меня была бесценна. Все время, пока сидели в кабинете, мы чувствовали запах шашлыка. Конечно, мы с Ашотом подумали, что это по поводу нашего прихода, друзей его племянницы, маэстро приготовил угощение, но… В конце беседы Арам Ильич пообещал позвонить Рошалю и попросить помочь мне в поступлении во ВГИК. Мило попрощавшись и пожелав успеха, он проводил нас к выходу.

Запах шашлыка преследовал нас с Ашотом еще очень долго…

…Итак, я готовлюсь вторично испытать свою судьбу во ВГИКе. К сожалению, одновременно со мной с сопроводительным письмом из Еревана приехал поступать на режиссерский факультет Арман Манарян, с которым в дальнейшем мы стали большими друзьями. Рошаль был знаком с Арманом. Кажется, судьба и в этот раз отворачивалась от меня.

Экзамены я не провалил, но мне не хватило одного балла до проходного.

И я пришел к декану режиссерского факультета Киму Тавризяну со своими оценками, а у меня по профильным предметам были 4 и 5, с просьбой зачислить меня условно. Ответ был суровый и, главное, очень странный:

— Пока я декан, забудьте о ВГИКе. Слишком много армян тут собралось. Поезжайте к себе на родину, и пусть там определят ваши способности.

— Но ведь вы тоже армянин с такой громкой и уважаемой фамилией…

Его дядя был главным дирижером в нашем оперном театре. Великолепный мастер, высокопрофессиональный педагог. Интеллигентный, образованный человек, любимец публики. Помните, я рассказывал, как однажды к нам в школу пришел дирижер Тав-

ризян и, послушав наш школьный хор под моим «дирижерством», похвалил меня, сказав: «Как Мелик-Пашаев»? Теперь его племянник так относится к представителям своей нации.

— Повторяю, — продолжал Ким Арташесович, — пока я хозяин факультета, ВГИКа вам не видать. Понятно?

— Если бы вы знали армянский язык, я отправил бы вас в такое место, где земля горит под ногами неверных.

— Вон из моего кабинета!

Узнав о моей неудаче, Норик, Ашот и наша общая «бабушка» переживали со мной, утешали, советовали вернуться домой, подготовиться и потом еще раз попытать свое счастье.

Кстати, о моих московских друзьях!

Оба стали великолепными физиками, докторами наук, уважаемыми людьми. А для меня до сих пор самые дорогие друзья. Мы и сегодня общаемся, воспоминаем нашу юность, считаем себя счастливыми, несмотря на пережитые трудности…

Все-таки мы честно жили, добились определенных успехов каждый в своей профессии. У нас прекрасные семьи, дети, внуки. Это наше богатство. Удалась наша жизнь, раз мы дожили до глубокой старости.

…Горьким и безрадостным было мое возвращение домой — в Ереван.

Я ни с кем не общался, сидел дома и упорно готовился к третьей попытке. Мои однокурсники уже работали в разных театрах. Только я и Лева оказались не у дел. Хотя нас и приглашали в разные театры, но мы отказывались. Лева просто не хотел идти в актеры. Я же готовился ехать в Москву, испытать еще раз свое счастье: писал маленькие сценарии, разрабатывал режиссерские варианты, занимался серьезно и упорно.

Однажды меня познакомили с молодым человеком, который только что вернулся с целины. Оказалось, что и он хочет поступать во ВГИК. Ему нужна была моя «консультация» как «опытного», «знатока» этого дела. Первый вопрос, который я задал ему: «Есть человек, который может тебя протолкнуть? Без протекции ничего не получится. Особенно с армянской фамилией».

«Будем пробовать!» — был ответ моего «ученика».

А «ученика» звали Дмитрий Кесаянц, который в дальнейшем стал одним из ведущих режиссеров студии «Арменфильм».

…Мы начали совместно заниматься. Год пролетел стремительно.

Родители и братья уговаривали меня бросить эту затею. Особенно переживала мать. Она считала меня талантливым актером и хотела, чтобы я поступил в театр. Но уговорить меня было невозможно. Я верил в свою судьбу, и вскоре поезд уже мчал меня в Москву.

1957 год.

Год Всемирного фестиваля молодежи в Москве.

Мы с Димой подали документы на факультет режиссуры. Курс набирал великолепный мастер Григорий Козинцев.

В стенах института я встретился со старыми знакомыми — с Фрунзиком Довлатяном и Арманом Манаряном.

В секретариате мой третий приезд достойно оценили и от души пожелали удачи.

Первый и второй тур мы с Димой прошли удачно.

На третьем, заключительном, я получил две четверки, а Дмитрий 4 и 5.

Честно говоря, я не знал, что Дмитрий получил направление от министерства культуры Армении для поступления вне конкурса. Что уж там говорить: в конечном итоге, мой «ученик» поступил, а я опять остался за бортом.

Маленькая смешная деталь. Надо было сдать экзамен по иностранному языку: английский, немецкий или французский. Так как ни одного из них я не знал, мы с ребятами бросили жребий. Мне выпал французский язык.

Вошел в аудиторию, вытащил билет и стал «готовиться».

Когда пришло время отвечать, педагог подозрительно спросила: «Вы готовы?»

Не знаю, как пришло мне в голову спросить: «Простите, а вы знаете армянский язык?»

Неожиданный мой вопрос удивил «француженку»: «Откуда мне знать армянский язык. Вы что, молодой человек?!»

«Простите, а откуда мне знать французский язык?» Обаятельная «француженка» так расхохоталась, что мне показалось, что…

Не переставая смеяться, она взяла у меня экзаменационный листок и поставила *удовлетворительно!*

Потом случай этот рассказывали в институте как анекдот.

Баллов для поступления в институт у меня набралось достаточно, но опять вмешался Тавризян. Мы встретились в коридоре, он узнал меня и, иронически улыбаясь, произнес:

— Вы решили до старости приезжать к нам? Но ведь все без толку. Поймите, ВГИК не для вас. Вот что я вам скажу, не тратьте зря папины деньги. Сжальтесь над бедными родителями.

У меня от злости потемнело в глазах. Я готов был растерзать его. Но… только с презрением спросил:

— За что вы меня так ненавидите?

— Вы дерзкий и невоспитанный, а кино не терпит таких…

Повернулся и быстро зашагал в сторону своего кабинета.

Я стоял, как вкопанный. «Ничего, — думал я, — приеду и на следующий год. Буду приезжать, как вы сказали, до старости, пока ВГИК не раскроет передо мной свои двери».

Но больше я не стал испытывать судьбу.

ВГИК остался мечтой…

Пройдут годы. Будучи уже кинорежиссером, я часто встречался с Тавризяном в Доме кино, на отдыхе, в домах творчества в Репино, в Пицунде. И каждый раз вспоминал тот памятный день, когда я, попрощавшись со своей мечтой, вышел последний раз из ВГИКа. Жестокость этого человека, несправедливость привели меня тогда к ужасному решению. Не хотел вспоминать об этом, но… расскажу. Решение, в полном отчаянии, я принял на станции метро «Ботанический сад». Стоял на платформе и ждал поезда. Разум отключен. Уже слышу стук колес… Приготовился… Вдруг чья-то рука ложится на мое плечо: «*Молодой человек, вы не знаете, как мне попасть на станцию…*» Я вздрогнул и, резко повернувшись к рядом стоящей женщине, дрожащим голосом, невнятно выговорил: «*Этот поезд туда не идет…*»

Поезд уже стоял на перроне…

Момент ушел. Я пришел в сознание.

Здесь, на станции «Ботанический сад», благодаря неизвестной женщине, началась моя новая и долгая жизнь…

Хочу вспомнить одну встречу с Тавризяном.

В 70-е годы во ВГИКе учился брат Фрунзика Мкртчяна — Альберт. Когда в очередной раз я ехал в Москву, Фрунзик передал со мной брату деньги. Появляться во ВГИКе, честно говоря, не очень хотелось, но почему-то вдруг решил поехать.

Я стоял у входа, ждал Альберта. И вдруг передо мной вырастает «любимая» фигура Тавризяна. Чего я и боялся. Он подошел ко мне и неожиданно протянул свою дрожащую руку.

Я насторожился.

— Здравствуйте! — вежливо произнес он и повернулся, чтобы уйти. Но почему-то остановился, посмотрел на меня, что-то видимо вспомнив, опять подошел:

— Простите, вы у нас учились? — спросил он, прищурив свои маленькие глазки

— Вы меня не помните? Парень из Еревана, которому во ВГИКе не было места.

— Да, да, вспомнил, вспомнил. На режиссерский, если не ошибаюсь, поступали? И как же сложилась ваша судьба? Чем вы занимаетесь?

— Как мне тогда не хватало вашего вот этого участия, — сказал я, глубоко вздохнув, — чем я занимаюсь? Работаю на заводе, обычным сварщиком.

— Ну, вот видите. Не каждому дано быть режиссером. Судьба! Да, кстати, а что вы тут делаете? Решили еще раз испытать судьбу? — сострил мой собеседник.

— Нет уж. Возраст и профессия не позволяют. И потом, вы же еще царствуете здесь. «Пока я хозяин, ВГИКа вам не видать»! Ваши «золотые слова» чуть не толкнули меня тогда под поезд. А зачем я здесь? Просто пришел повидать вашего студента Альберта Мкртчяна.

— Кровная обида?! Не будьте злопамятным. Жизнь многому учит. Что касается меня, то уж давно я не хозяин… А Мкртчяна вы найдете на третьем этаже.

— Я просил, но меня не пропустили. Мое удостоверение — не пропуск в ваш институт.

— Какое удостоверение?

И я спокойно показал моему «нежному», «разговорчивому» старцу свое удостоверение члена Союза кинематографистов СССР.

У Тавризяна лицо сразу исказилось. Он посмотрел на удостоверение и невнятно произнес:

— Это что?.. Вы хотите сказать, что вы?..

— Что я стал тем, кем хотел стать. И, главное, без вашей помощи, уважаемый Ким Арташесович! Да. Как кинорежиссер я уже 10 лет с успехом воплощаю свои идеи.

— Ну, что могу сказать. Возможно, возможно… — с трудом произнес он. Потом стал виниться. — Да, бывало и мы ошибались. Могу только приветствовать ваше упорство и сожалеть, что мы не могли правильно оценить ваши стремления. Успехов вам! — заключил он свою речь и вышел из института, как мне показалось, подавленный.

Я уже говорил, что Москва ждала в гости Всемирный фестиваль молодежи. Готовилась тщательно. Город украсили праздничными плакатами и иллюминацией. Улицы были заполнены шумной, улыбающейся молодежью. Кругом звучал смех, музыка. Казалось, что по ночам никто не спит, все гуляют.

Возвращаться домой я не собирался. Жил у любимой тети Аси и ее мужа, которые оберегали меня, очень переживали мою неудачу. И, чтобы я остался в Москве, Ася Аркадьевна предложила мне жениться. Даже выбрала девушку, дочь своей подруги.

Естественно, к этому я еще не был готов.

Наконец, Москва встретила молодежь со всего мира.

Из Армении тоже приехала большая молодежная команда, среди которых были мои близкие друзья: Лева, Лаэрт, Акоп (Бжо), Сурик, брат Левы. Я быстро нашел их. Радость была нескончаемая. Они включили меня в армянскую делегацию, и я провел все фестивальные дни с ними.

Описать пережитые ощущения этих дней невозможно. Кругом царила теплая, дружеская атмосфера. Слышны были задушевные песни, смех, разноязычный говор. Было смешно, что москвичи не различали, кто какой национальности. Например, мы сходили за

сирийцев, грузины — за арабов, а молодежь из Тюмени — за китайцев. Все смешалось, но было весело и интересно.

Скоро пришло время расставаться и с фестивалем, и с друзьями. Хоть они все хором уговаривали меня вернуться, забыть ВГИК, трогательно рассказывали о грустных глазах моей матери, которая ежедневно ждала своего «блудного» сына, я был непоколебим. Я должен остаться в Москве! И остался, хоть очень сильно любил свою мать и всю жизнь был ей предан, что доказал и своим творчеством.

Я остался в Москве, однако вскоре решился на отчаянный шаг. В те годы по призыву партии молодежь отправлялась на освоение целинных земель в Казахстан. Меня осенило: еду с ними. Пришел в оргкомитет, представился, когда узнали о моем актерском образовании, предложили должность заведующего культурным отделом. Не раздумывая, я согласился.

В это время в Москве, в школе КГБ, учился мой давний друг Вилен Абгарян, с которым иногда встречались.

Когда он узнал о моем решении, с издевкой заявил: «Молодец. Армянский народ долго будет помнить твой сумасбродный подвиг».

Не знаю, что он предпринял, но когда на следующий день я пришел оформлять документы, мне сообщили, что место уже забронировано и есть распоряжение не выпускать меня из Москвы. Вот так майор КГБ Вилен Абгарян одним звонком решил мою судьбу.

Сегодня, конечно, я с благодарностью вспоминаю «майора». Если бы не он, как бы сложилась моя судьба?

Жаль, очень жаль, что ты, Вилен, так рано ушел из жизни…

Зимой в Москву приехал отец, поддержать меня. Я все же еще надеялся учиться во ВГИКе. Надеялся на отсев студентов после первой сессии. Мне пообещали, что если откроется место, то меня зачислят в студенты, но… не суждено было. А если честно, то на этот раз я и не очень-то переживал. Может быть, потому что отец был рядом.

Мы ходили с ним к родственникам, веселились, нас окружили теплом и домашним уютом.

Теперь о судьбоносной встрече, которая случайно произошла на Центральном телеграфе, что на ул. Горького (ныне Тверской). Это было, скажем так, легендарное место. У телеграфа назначали встречи, знакомились, приходили получать письма, переводы, посылки у заветного окошечка с надписью: «До востребования. К-9!!».

Брат Гурик прислал мне деньги из Еревана. Я пошел их получить и в операционном зале встретил Марата Мариносяна, режиссера, педагога, человека очень мне дорогого, уважаемого.

О нем мое особое слово, из моих ранних воспоминаний…

«…ОН был высоким, красивым, элегантным… Будучи студентом, я уже знал его как самого одаренного и талантливого выпускника режиссерского факультета нашего института. И мы все при общении с ним в те молодые годы получали огромную духовную поддержку. Уникальность его была в том, что он был неординарен, был примером для всех нас…

…И вот я сталкиваюсь в Москве с этой творческой «Глыбой»…

Марат был явно удивлен встрече.

И я растерялся.

Широко улыбаясь, он поздоровался:

— Ну, здравствуй, беглец!

Такое неожиданное приветствие еще больше смутило меня. И я, не находя слов, спросил:

— Марат! Какими судьбами?..

— А я приехал за тобой, — спокойно, без улыбки, серьезно ответил он.

— То есть?

— Хочешь стать кинорежиссером? Предлагаю свой вариант, — уже совсем по-деловому продолжал Марат.

Я ничего не мог понять… Почему он повел вдруг такой разговор? Ведь он меня совсем не знает. Так, иногда приходил на наши дипломные спектакли и, помню, пару раз поздравил меня с некоторыми удачными работами. И все…

— Ты о чем, Марат? — продолжал я удивляться происходящему.

— Вилен, мне все известно: Москва, ВГИК, человек, который препятствует твоему поступлению в институт. Плюнь на все это, и поехали…

— Куда!!!?

— Домой. В Ереван… Мы открыли телевидение, нечто новое в искусстве, с огромной перспективой, с большим будущим. Нам не хватает интересных, способных молодых людей. Почему бы тебе не попробовать себя в этой новой, пока неизвестной профессии, стать телевизионным режиссером. Ведь это тоже кино — оператор, камера, экран, изобразительный ряд, композиция, крупные и средние планы. В дальнейшем будут и актеры, собственные постановки… Твори, дерзай, фантазируй! Главное все новое, неизвестное — НАЧАЛО. И мы с тобой одни из первых! Поехали!

— А теперь скажи честно, Марат, что все-таки привело тебя в Москву? — спросил я.

Марат хитро улыбнулся и после недолгой паузы сказал:

— Я ушел из театра. Сейчас я главный режиссер на телевидении у нас в Ереване. Приехал в Москву узнать, что это за чудо — маленький экран. А если честно — с твоей матерью встречался.… Ждет она… Вилен!

— Нет, Марат. Я много сил потратил на то, чтобы получить режиссерское образование, хочу стать только кинорежиссером. И я не остановлюсь, пока не стану им. А телевидение для меня — как темный лес.

Марата, видимо, что-то задело:

— Ошибаешься! Вот вариант, который хочу предложить именно тебе… Попробуем с тобой в скором времени на телевидении открыть, ну, скажем для начала, киносъемочный отдел. Приобретем аппаратуру, съемочную технику, создадим свою собственную студию и начнем снимать фильмы — телевизионные фильмы. Представляешь!? Ведь это тоже новое — ТЕЛЕФИЛЬМ! Ты станешь у истоков нового открытия, и мечта твоя сбудется! Я больше чем уверен, ты станешь кинорежиссером и без ВГИКа…

Как вдохновенно говорил он! С какой верой и любовью! Как был убежден в своих предсказаниях!

Он продолжал еще что-то говорить, но я уже витал в облаках, старался вообразить свое будущее, которое было похоже на сказку.

— Поехали!? — повторил Марат, крепко сжав мои плечи…

Вот эта случайная встреча с Маратом Мариносяном в Москве в 1957 году на улице Горького, у Центрального телеграфа стала для меня роковой и судьбоносной…

Моя судьба была предрешена.

Вера преданного, надежного, умного, высокопрофессионального человека привела меня на «необитаемый остров» — ТЕЛЕВИДЕНИЕ.

С того дня по сей день я благословляю эту встречу, благословляю человека, который стал моим крестным отцом в постижении профессии режиссера.

Московские обещания Марата, вернее, его предсказания о будущем телевидения, о создании студии телефильмов, о том, что я стану кинорежиссером, — все это стало явью…

Прошли годы…

Марат стал для меня Маратом Гургеновичем, учителем, педагогом. Я открыл в нем для себя много нового, интересного, неординарного. Он стал для меня верным и преданным ДРУГОМ — навсегда…

Самое главное качество Мариносяна — любовь к людям. Он никогда не позволял себе грубить, оскорблять кого-либо, унижать человека. Его оценка — он хороший человек — была дорогая, самая ценная для всех нас, потому что сам он был *Че-ло-век! Гражданин!* Каждый раз, начиная новую работу, я вспоминаю его напутствие: «*Человек-творец должен иметь свое «Я»! Индивидуальность в нашей профессии — это высшая точка творчества*».

Спасибо, что он был в моей жизни!..

Через месяц после встречи с Мариносяном, попрощавшись с добрыми, безгранично любимыми родственниками, опекавшими меня целых два года, я направился в родной Ереван.

Меня встречали радушно, особенно мать. Она очень изменилась за эти два года, похудела, ее волосы, я их очень любил, еще больше поседели. Я извинился перед домочадцами за то, что доставил им столько хлопот. В ответ не услышал ни одного упрека. Наоборот: по случаю моего возвращения устроили пир, на который пришли и школьные, и дворовые, и студенческие друзья. Все

рады были моему возвращению, веселились, пели, плясали. Ведь мы не представляли жизни друг без друга.

Вскоре по приезде я пошел к Мариносяну и дал согласие работать с ним на телевидении. Лева тоже загорелся этим желанием. На следующее утро Марат Гургенич, я, Лева, Карине Мнацаканян, очень красивая молодая девушка, ставшая впоследствии одним из лучших дикторов на армянском телевидении, были в кабинете председателя. Это было 11 января 1958 года. Нас зачислили в штат новорожденного армянского телевидения: Карине диктором, а нас с Левой в музыкальную редакцию, в качестве ассистентов режиссера.

С этого дня началась моя трудовая телевизионная деятельность!

РАБОТА

Маленькое отступление!

В 1956 году на экраны Союза вышла картина Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь». Я просмотрел ее раз десять, благодаря брату, который в то время работал шеф-механиком в кинотеатре «Москва». С ним киномехаником работал одаренный самородок, умелец — Степан Мартиросян. Мы с ним дружили. Он верил в меня, в мои способности и всегда повторял: «*С помощью ВГИКа или без, ты все равно станешь кинорежиссером, потому что очень этого хочешь! Я верю. Придет это время!*»

Когда в Ереване открылось телевидение, Степа первым поступил туда телеоператором. И вот теперь Степа уже опытный телевизионщик, сказал мне: «*Это именно то, что необходимо тебе*!» Марат и Степа, два человека, верили в мои способности, они подтолкнули меня на верную дорогу, по которой я успешно шел и творил почти 40 лет.

СПАСИБО вам, друзья!

В сентябре 2010 года Степану Михайловичу Мартиросяну исполнилось 80 лет. Я не мог не откликнуться на эту дату. Из Москвы отправил ему «Письмо-воспоминание».

ПИСЬМО ДРУГУ!

«Дорогой мой друг! Сижу и думаю, как так быстро, в миг, пролетели наши с тобой годы?.. Именно пролетели... Потому что, кажется, это было совсем недавно…

Помню! Когда на экраны вышла картина «Карнавальная ночь», по твоей инициативе придумали свой вариант фильма. Сидя у тебя в проекционной будке, записывали музыку «Карнавальной ночи», и не просто записывали, а создавали музыкальный фильм без изображения. Какой ты был молодец! Какие золотые руки у тебя.

Помню! Первый автоматический переход от одного проектора к другому ведь придумал ты. Еще страна не знала о таком чуде. Дальше каждый день какое-либо новое творение в области техники выходило из-под твоих рук. Меня это восхищало. Восхищает и сейчас.

Да, в этой проекционной будке и началась наша крепкая дружба.

Помните! Только человек невероятно способный, с большим творческим потенциалом, с большой любовью и преданностью к искусству мог сделать такой скачок от киномеханика до ведущего телеоператора. Твоему воображению и фантазии можно было только позавидовать. Даже режиссеры не оспаривали твои предложения.

Помню! Твою большую работу — «Саят-Нова!».

Помню! Как ты вместе с Мариносяном клятвенно обещал создать на базе телевидения свою киностудию, где я смогу осуществить свою мечту. Это обещание было выполнено, и я уже мог реализовывать свои творческие планы.

Помню! Как ты вдохновлял меня, советовал, направлял, подавал новые идеи. Все мои лучшие передачи я сделал с тобой. Результаты нашей совместной работы всегда имели успех. А когда сформировалась наша маленькая студия телевизионного кино, ты стал ее первым кинооператором. Как эта профессия стала тебе родной? Уму непостижимо! Ты начал снимать фильмы, которые принесли тебе успех и славу.

Помню! Нашу первую телевизионную игровую картину «Голос совести». Она была первой не только на нашей студии, но и в Союзе. Для нас с тобой этот фильм был символичным. Ни ты, ни я за свою жизнь не доносили, не предавали, не воровали, не клеветали, всегда работали честно, и фильмы получались добрые.

Вспомним! Лучшие наши работы: «Мелодия Ширака», «Последний бросок», «Хижины надежды» и многие концертные номера, ко-

торые вошли в золотой фонд студии «Ереван». Как ты работал! Сколько технических и творческих новинок ты внес в эти работы! Высший пилотаж профессионализма! Меня поражала твоя неутомимость… Маленький, щупленький, но сильным духом. Мастер. Я верю, что и сейчас ты такой!

Помни! Дорогой верный мой друг! Ни годы, ни километры нам не помеха. Я ни на минуту не расстаюсь с тобой. Наша дружба давно проверена. И я, и моя семья любим вас.

Помни, Степа, джан! Мы жили счастливо и радостно, конечно, не без потерь и горя. Но мы выжили. Выжили, так как преданы нашему делу, дружбе, семье. Выжили, потому что никогда не завидовали успехам других, только радовались и гордились их удачами. Совесть наша чиста, мы уйдем, оставляя «Голос совести» нашему поколению.

80 лет!

Будем жить дальше. Мы имеем на это право!

Преданные тебе Вилен и Алла».

Встреча с чешским режиссером Ферро

…Итак, началась моя трудовая деятельность на телевидении.

Пока мы осваивали специфику нового детища, передачи уже шли.

Что же показывали первые месяцы? В основном демонстрировали кинофильмы. И музыкальная редакция крутила, так сказать, «механические» концертные номера, то есть старые концертные номера, исполняемые мастерами искусств, снятые на кинопленку, мы демонстрировали в эфире.

Здесь я встретил Жирайра Аветисяна. Мы одновременно учились в театральном. Помню дипломную работу Жирика, в которой мы все участвовали, а потом шумно праздновали его успех. Теперь он тоже работал на телевидении и стал одним из его основателей.

Почему телевидение? Да потому, что только здесь мы почувствовали себя в мире кино.

…Прошу прощения у читателя за очередное лирическое отступление.

Сегодня 1 февраля 2011 года. Мне исполнилось ровно 80. Моя супруга спрашивает: «*Это хорошо или плохо?*» Я отвечаю: «Конечно, хорошо». Жил долго, прекрасно, приобрел любимую профессию, о которой так мечтал и которая помогла мне реализовать свои творческие идеи, достичь определенных высот.

Я родился и вырос в дружной трудовой семье. Был окружен теплотой и вниманием замечательных родителей, братьев. Я был окружен верными, настоящими друзьями, которые со мной по сей день.

А главное, у меня прекрасная семья, во главе с моей дорогой и любимой женой, с которой вместе уже 48 лет. И еще столько же мы проживем. Да-да, я уверен, потому что настоящая любовь бессмертна.

У меня замечательный сын. Я им горжусь и восхищаюсь. Он хирург, хороший хирург. Профессия нужная, несущая людям добро. Сегодня люди, которым он помог, говорят ему: «Спасибо, доктор». У меня есть добрая, милая невестка — Марина. И она прекрасный врач, жена, мать. Мы любим ее, она стала нам дочерью. И, наконец, у меня есть внук. Он собирается продолжить дело своих родителей. Мы верим, надеемся, что и он добьется мно-

гого и будет радовать нас успехами, а больные будут и ему говорить: «Спасибо, доктор».

Вот какое богатство я приобрел за 80 лет и горжусь этим.

Ну, а *плохо* то, что мало осталось наслаждаться этими приобретениями.

Вернемся, однако, к встрече с Жирайром Григорьевичем. Я рад был ей, т.к. уверен, что вместе мы сможем осуществить нашу мечту.

А пока мы с Левой работали в музыкальной редакции, ассистировали нашему шефу Мартину Абрамовичу, проводили живые передачи выступлений известных музыкантов и т.д. Но мне уже страшно хотелось что-либо сделать самостоятельно. У меня возникала идея: снимать отдельные сюжеты на кинопленку, а потом вставлять их между концертными номерами. Мое предложение руководство редакции поддержало. Директор студи Нерсес Восканович Каграманов, эрудит, профессионал, одобряющий любое новшество, приносящее пользу молодому детищу, распорядился незамедлительно купить для съемок кинокамеру «КОНВАС», которая потом стала любимой. Создав отдельную съемочную группу, мы с Жирайром приступили к съемкам на кинопленку. Под названием «Ереванская хроника» на экранах телевизоров ереванцев вскоре появились отснятые нами различные объекты: новые магазины, строящиеся дома, красивые пейзажи, лирические зарисовки. Эта работа стала для нас трамплином на дальнейшую большую кинематографическую дорогу, что радовало и вдохновляло. Однако бывали и неприятности. Дело в том, что телевидение все больше влияло на умы зрителей. Наши новости выходили оперативно, и реакция на них была молниеносной. Поэтому если в кадр попадали негативные сведения о каком-либо, например, заводе, то дирекция объекта старалась нас подкупить, чтобы отснятый материал не показывали по телевидению. Мы могли бы стать богачами?! Но у нас была заветная мечта. Идти к ней по грязной дороге мы категорически не хотели. Честность и порядочность, верность профессии — вот чем мы руководствовались, и в жизни, и в творчестве…

За монтажным столом: я, Жирик и Ферро

На документальной студии «Арменфильма» не приветствовали нашу инициативу, ревностно отнеслись. Там событийные темы снимали долго и показывали с большим опозданием в кинотеатрах перед игровыми фильмами, а мы успевали раньше их осведомить зрителя, показать все новости. Да, мы с каждым днем становились все популярнее. Я имею в виду не только нашу кинодеятельность, но и телевидение в целом.

Я был доволен своей работой, но однажды и она, моя любимая работа, сыграла со мной злую шутку.

Я познакомился у моего друга Ашота с его родственницей (имени ее не помню). Была она красива и очень женственна. Я заинтересовался ею. Родители ее умерли, поэтому жила она у тети. Вскоре мы с Ашотом оказались у них в гостях: приехали к ним на «смотрины». Только сели за стол, надо же было, вдруг тетя обращается ко мне с просьбой починить их телевизор, который давно нормально не показывает. Бедная тетя думала, если я работаю на телевидении, то могу и чинить телевизоры. Ничего не понимая в устройстве телевизоров, я гордо подошел к хозяйскому «ящику» и включил его. На половине экрана появилась картинка. Не знаю почему, попросил отвертку. И, как «бравый мастер», начал копаться в телевизоре. Спиной я чувствовал взгляды сидящих за столом гостей. И вдруг, не знаю, на что я нажал, произошел такой взрыв, что волной отбросило меня в одну сторону, а телевизор в дру-

Телепередача: «Александр Арутюнян». 1959 год

гую. Я услышал тревожный возглас моей новой знакомой.

— Как вы? — со страхом в глазах спросила она…

— Жив!!!

Вдруг «невеста» очень громко засмеялась.

К ней присоединились все остальные.

— И что дальше? — после недолгой паузы с огорчением спросила тетя.

— Я приведу друга — мастера, и он все восстановит, — еле пролепетал я.

Таким образом, «смотрины» с взрывом телевизора закончились… От стыда я быстро собрался и вылетел из квартиры. Естественно, за мной и Ашот. Больше эту девушку я никогда не видел.

Вот так популярное телевидение неудачно, а может быть, удачно, откорректировало мою личную жизнь.

Жизнь в нашей маленькой студии кипела. Я выпускал телевизионные фильмы-портреты, посвященные известным людям Армении. «Гусан Ашот», «Арам Мерангулян», «Александр Арутюнян», «Романос Меликян» и другие. Они воспринимались зри-

телем с интересом. Вскоре за эти фильмы мне присвоили звание режиссера второй категории. За два года мною были созданы авторские циклы: «Учитесь танцевать» с великолепным танцором и балетмейстером Максимом Мартиросяном в роли ведущего; «Поют солдаты», на студии звучали песни, посвященные воинам, служившим в нашей республике. В передаче «Встреча в загсе» мы снимали новобрачных во время церемонии, а потом через какое-то время снова приезжали к ним, снимали, рассказывали об их счастливой жизни. Естественно, все это показывалось по телевидению в прямом эфире.

Настало время, и в этой студии начали ставить телеспектакли. Режиссеры Марат Мариносян, Ким Арзуанян, Ольга Мелик-Вртанесян, Жирайр Аветисян, ключевые старожилы по очереди осуществляли интересные телеспектакли. Работы для телезрителя были новшеством и имели большой успех.

В эту крепкую и уважаемую группу вскоре вошел и я.

Первую телепостановку, которая называлась «Скрипач», по сценарию моего брата, я осуществил с участием великолепного артиста Гегама Арутюняна. Потом был снят спектакль «Встреча с Лениным», где роль вождя впервые на экране телевидения играл молодой актер Театра имени Станиславского — Армен Джигарханян. Спектакли были полезными для нас, начинающих режиссеров. Эта работа еще больше укрепила мою уверенность: профессию я выбрал правильно…

1959 год. В те годы каждая из 15 советских республик должна была отчитываться в Москве о своей работе. В этот год был черед Армении. В программу входил отчет партии и правительства о проделанной работе в различных сферах: политика, экономика, образование, культура, и, конечно, все должно было завершиться большим концертом из лучших сил республики.

К этому серьезному и ответственному показу студия готовилась долго и очень тщательно. Подбирался самый лучший, самый интересный материал. Республику следовало показать достойно. Ударить в грязь лицом было нельзя. Ответственным режиссером всего этого был назначен я. Работали долго. Материал уже почти весь упакован в 40 коробках. А я и монтажница Аэлита Симонян

еще продолжали склеивать последние кадры. Работали в маленькой, так называемой самодельной монтажной комнате, отведенной нам в здании Госкомитета. Стол завален пленкой. Вокруг коробки с пленкой. Идет напряженная работа... И вдруг... Из розетки вылетает искра, пленка на столе мгновенно вспыхивает, я получаю удар в лицо... Аэлита , крича: «ПОЖАР», вылетает из комнаты. Как я, прикрыв ноющие глаза, встал, нашел выход и выбежал, до сих пор не понимаю. Огонь перекинулся на коробки. Вспыхнул пожар огромной силы. Он охватил все правое крыло здания Комитета. Крики, паника, суета... А я оказался в больнице. Два месяца лечил глаза. Слава Богу, все обошлось, но... я попал в «подозреваемые в умышленном поджоге». Меня допрашивали-допрашивали следователи из КГБ. Не найдя ничего криминального в моих действиях, оставили в покое. Однако я лишился только что полученного звания «режиссер», стал опять ассистентом.

Несмотря на все эти злоключения, через год мы, Н.В. Каграманов и я как ответственный режиссер, все-таки показали нашу программу в Москве с большим успехом.

Вскоре я стал писать маленькие музыкальные сценарии, которые снимал не на сцене, а на природе, в парке. Скажем, известная певица Белла Дарбинян поет не на сцене, а сидя на качелях. Другая певица — в магазине цветов. Поют в самолете, на трапе самолета, поют в лифте жилого дома. Известный певец Жан Татлян снимался у озера. Многих исполнителей сняли тогда на пленку. Белла Дарбинян, Раиса Мкртчян, Георгий Минасян, Лола Хомянц, Арташес Аветян, Жан Татлян, Офелия Амбарцумян, Квартет девушек, композитор Мартин Вартазарян и его оркестр, мастера балета и танцоры из ансамбля «Танцы Армении» — вот неполный перечень участников нашей концертной программы. Одним словом, мы старались во все музыкальные номера внести зрелищность, обогатить форму сюжетной линии. Цель наша была одна — вывести исполнителей с концертной сцены на природу, дать им свободное пространство, показать, что они являются не только замечательными мастерами в своем искусстве, но и блестящими драматическими актерами. В некоторых случаях мы приглашали знаменитых актеров из разных театров, которые в музыкальных

номерах вели сюжетную линию. Так по моему сценарию родился фильм-концерт «Все билеты проданы» с участием Армена Хостикяна и Норайра Геворкяна.

Потом вышел на телевизионный экран фильм-концерт «Вас ждет Ереван», опять-таки по моему сценарию.

Музыкальные фильмы, концертные номера стали неотделимой частью моего творчества.

Еще хочу без ложной скромности отметить, что все то, что мы делали в то время на нашей маленькой студии, было новшеством не только в Армении, но и в Союзе, можно сказать, мы были первыми ласточками в этой области. И я горжусь этим.

Концерты концертами, но я очень хотел снять игровой фильм.

И вот в 1960 году мое желание осуществилось.

Один случай в нашем городе стал основой сценария «Голос совести», который написал мой брат Шаген.

Сюжет фильма таков.

…Рассеянный кассир, выходя из такси, оставляет в машине портфель, набитый деньгами. Водитель обнаруживает находку, лишь приехав в автопарк, и никак не может решить, что делать. Вернуть деньги или оставить себе. Не заявив о находке, едет домой. Долго не решается рассказать о находке жене. Но проницательная жена чувствует, что с мужем происходит что-то неладное. Она начинает задавать мужу вопросы. После изнурительного «допроса» жены таксист «раскалывается». Радость женщины неописуема. Но узнав, что муж собирается отвезти деньги владельцу, устраивает истерику: как посланное Богом богатство можно бросить на ветер?

Страшные сны не дают покоя нашему герою. Ему снятся несчастный кассир, его семья. Мучает совесть.

Утром водитель такси со стареньким портфелем в руке направляется в автопарк…

Картину, которая длилась всего 30 минут, мы отсняли быстро.

Наша съемочная группа, сформированная, можно сказать, из любителей-«киношников», создала первый игровой фильм, первый ТЕЛЕФИЛЬМ в Союзе. Да еще на конкурсе Всесоюзного ко-

митета радио и телевидения эта картина получила диплом первой степени как единственный художественный телефильм.

Радости и гордости за сделанное не было предела.

Вот так мы открыли дорогу будущей студии телефильмов «Ереван».

Кто же эти энтузиасты? Степан Мартиросян, оператор, Лева Аветисян, ассистент, Володя Арутюнян, осветитель, и я, бесконечно благодарный им и помнящий до сегодняшних дней.

С особым чувством благодарности вспоминаю я и замечательного актера Овака Галояна, так правдиво сыгравшего роль таксиста. Он помог мне правильно решить главную задачу фильма. Спасибо ему!

Постепенно я приобретал популярность благодаря телепередачам и этому первому фильму, который прошел с большим успехом, за который я получил первую категорию как режиссер.

Но расслабляться было еще рано. С большим энтузиазмом и творческой фантазией я продолжил работу.

Еще одно маленькое отступление…

Съемочная группа: оператор Мартиросян, ассистенты: Володя и Сурен, я, Галоян и Левон Аветисян

Мы с Галояном

В институтские годы «сколотилась» дружеская коалиция: я, Лева, Рубен и Ашот. Мы договорились получение каждой стипендии отмечать в доме одного из нас. Не скрою, эти дни были самыми радостными и запоминающимися. Мы увлекались алкоголем, притом пили в основном портвейн. Так продолжалось целых четыре года. Естественно, не могли не подорвать свое здоровье. И отзвуки институтского веселья напомнили о себе через пять лет.

…В конце 1960 года у меня обнаружили язву в острейшей форме. Первые страшные боли в животе я ощутил во время съемок фильма «Голос совести», но понять причину не мог. После обследования поставили диагноз — язва. Врачи советовали поехать в санаторий Боржоми и провести курс лечения. Обеспокоенные родители срочно достали путевку и готовились отправить меня в вышеуказанный санаторий. Вдруг из Кишинева получаю телеграмму от моих друзей по отдыху в Крыму. С приглашением на свадьбу одной из девушек нашей компании. И это все под Новый год. Естественно, не долго думая я решил ехать, а заодно встретить Новый год с друзьями. Родители и братья мое решение приняли в штыки. В знак протеста 31 декабря 1960 года я сел в поезд и уехал в Боржоми. Так что 1961 год я встретил в поезде в полном одиночестве. Это была моя страшная ошибка. Я слишком дорого заплатил за свой каприз, не выполнив совета матери…

1961 год стал для меня годом борьбы за жизнь.

Приехал я в Боржоми рано утром и поселился в пансионате. Казалось, все нормально. Новые знакомые, новые друзья. А главное, замечательные врачи. Изумительная минеральная вода «Боржоми», конечно, помогла мне, и какое-то время я отдыхал без болей. Если бы не эта проклятая язва! Физически я был довольно-таки крепким. Долгое время каждое утро занимался с гантелями и всегда был в форме.

20 января я пошел на почту позвонить моей ассистентке Нелли, поздравить ее с 20-летием. Когда возвращался, вдруг почувствовал непонятную слабость. Начали дрожать руки, ноги и постепенно ослабло тело. Проверяю пульс: 120–140 в минуту. По глупости, сразу не обратился к врачам, решив, что это просто какое-то недоразумение. Ночью мне стало совсем плохо. Я почти потерял сознание. Встав, решил пойти к дежурному врачу. Иду по коридору и шатаюсь. Ощущение — будто стоишь на корабле в девятибалльный шторм. Не дойдя до кабинета врача, я рухнул на пол, потеряв сознание. Смутно помню, в конце коридора стояли отдыхающие. Вдруг слышу далекий тревожный женский голос: «Да ведь он мертв!..» И больше ничего не помню.

Меня перевели в санаторий «Ликания», через день поставили диагноз — прободение язвы, то есть кровотечение. Положили меня в отдельную палату, и началась борьба за мою жизнь. Слава Богу, кровотечение остановили довольно-таки быстро. И главное, спасли меня без операции. Благодаря замечательному молодому врачу Нодару, к сожалению, фамилию не помню, и старшей сестре Элико Амашукели, да и вообще всему медперсоналу я выжил. Они стали для меня и моей семьи самыми дорогими людьми.

Огромное спасибо ИМ!

Через два дня в Боржоми приехали мама с братьями. Я никогда не забуду, как плакал мой старший брат, как он переживал, как беспокоился. Сидел рядом со мной и ни на секунду не отходил. Озадачен был и средний брат. А что касается мамы, то, когда я увидел ее, мне показалось, что она очень постарела. Она ничего не говорила, даже не плакала. Всегда была сильной и выдержанной. Свои слезы она таила от нас. Через несколько дней, ког-

Спасибо Лаэрту, который приехал в Боржоми с моими родными и запечатлел наш выход на природу…

да мое состояние чуть улучшилось и, как сказал врач, «опасность миновала», братья уехали домой, оставив маму со мной.

Прошел месяц. Наконец, мне разрешили встать. Первое, что мы с мамой сделали, — вышли на балкон. Я почувствовал запах природы и — жизни.

На прощание Нодар посоветовал, вернее, предупредил: «*В случае повторения кровотечения, а это не исключается, если не будешь соблюдать строгую диету, спасти тебя уже будет очень трудно. Сейчас рана зарубцевалась. Кровотечение остановлено. Советую через пару месяцев обязательно сделать операцию. Благодаря молодому организму ты спасся. Не болей, будь здоров!*»

Еще раз хочу принести свою благодарность всему медперсоналу санатория, пожать их руки за заботливое, внимательное отношение ко мне.

Память об этом дружном коллективе останется в моем сердце навечно.

В Ереване встретили меня коллеги по телевидению. У всех было приподнятое настроение. Я почувствовал искреннюю тревогу за мое здоровье. Вскоре я забыл о своей болезни. Я вновь ожил…

Мама, моя дорогая мама. Что она пережила! Как она выдержала? Какая все-таки она молодчина! За все время, что находилась со мной, она только улыбалась и даже иногда тихонько пела

Три девушки, три грузинки из Боржоми, три санитарки, мои первые спасительницы. Они ухаживали за мной в самый тяжелый момент и в пансионате, где у меня открылась язва, и в Ликании, куда перевели меня на лечение. Вас не забываю, милые, нежные подруги. Стыдно мне, но имена ваши, к сожалению, забыл. Вы верили в меня, и вы победили. Вот мне уже пошел 82-й год. Спасибо вам. Вы в моей памяти!

наши старинные армянские песни. Боже мой, она еще не знает, какие страшные переживания ждут ее впереди…

…Прошло два или три месяца. На операцию пойти так и не решился. Постепенно прибавил в весе и в итоге, находясь на строгом режиме, чувствовал себя довольно-таки окрепшим. Вскоре приступил к созданию первого фильма-балета, работе, о которой я мечтал еще до болезни. С Максимом Мартиросяном мы написали либретто по легенде «Ахтамар». Прекрасную музыку написал композитор, рано ушедший от нас, — Гриша Ахинян.

Было решено провести съемки у Черного моря, в городе Сочи. И, оснастив группу всевозможной техникой, мы выехали в экспедицию. Меня радовало то, что постепенно вырисовываются цели, задачи нашей будущей студии…

…За это время Жирайр Аветисян снял первый уже полнометражный телефильм «Шаги». Он прошел с большим успехом. Вот так мы шли к своей цели. Хотя студия телефильмов еще не была окончательно укомплектована, а мы упорно познавали азы профессии, навыки телевизионной режиссуры...

О Жирайре Григорьевиче! О моем старшем товарище. О человеке с большой буквы.

Я уже писал, что страсть к кинематографу крепко связывала нас. Я видел в нем доброго, положительного, жизнерадостного «конкурента». Удивительная личность, бескорыстный советчик, с особой любовью относился к людям. Бесконфликтный человек. Его режиссерские работы отличались высоким профессионализмом. Я многому научился у него: жизнелюбию, уважению, преданности выбранной профессии, никогда не останавливаться на достигнутом: «*быть всегда неудовлетворенным работой, которая уже завершена*». Да, дорогой мой друг, я до сих пор помню твои наказы.

А еще хочу похвастаться: на свадьбе Григорыча я играл на таре, а мне помогал на бубне Ашот. Да-да, я играл на национальном инструменте довольно-таки профессионально. У нас дома на таре играли и отец, и брат Гурик, он играл особенно хорошо, лучше всех. Я начал еще в школе. Успех был. Даже известный мастер Согомон Серянян высоко оценил мое исполнение. Но, к сожалению, со временем забросил это дело, полностью отдав себе дорогой мне кинематографии.

…Итак, наша съемочная группа вместе с балетной труппой оперного театра выехала в Сочи.

Выбрали натуру, место, где должны были выстроить небольшие декорации. Предполагалось, что картина станет первым цветным фильмом на студии. Говорю, предполагалось, потому что она не была закончена, так как я повторно попал в больницу. Но об этом потом…

Оператором будущего фильма был Лаэрт Погосян.

Кстати, о наших операторах. Вначале к нам пришел Степан Мартиросян, потом Лаэрт Погосян. Чуть позже Эдмонд Акопян. Они не были профессиональными кинооператорами, но каждый уже имел опыт в этой области. Степан долгое время работал ведущим оператором на телевидении. Лаэрт был и остался великолепным фотографом. А Эдмонд пришел со студии «Арменфильм», где работал ассистентом кинооператора. В дальнейшем они стали превосходными мастерами. Конечно, о них более подробно расскажу в разделе «Друзья».

…Декорации были уже построены художником Аршавиром Чифликяном. Балетная труппа под руководством Максима Мартиросяна начала репетиции на необычной площадке — на… песке. Естественно, труппе, привыкшей к театральной сцене, было трудно так работать. Но Максим Саакович выстроил мизансцены так уникально, с такой фантазией, что все получилось отлично. Мы восхищались!

Легенда «Ахтамар», думаю, всем известна.

Так как и у нас, и на «Арменфильме» не было машины для цветной проявки, мы договорились с «Ленфильмом» проявить у них наши отснятые материалы.

Снимали днем и ночью. И за месяц работы были отсняты основные сцены. Осталось несколько мелких деталей, для украшения сюжетной линии. Поручив Лаэрту с Максимом снять эти кадры, мы с ассистентом Борисом Липоридовичем поехали в Ленинград, захватив с собой отснятый материал.

В нашем фильме, помимо Максима, снимался замечательный танцор Вануш Ханамирян, который дал адрес своей жены Виктории, чтобы она помогла нам найти комнату для проживания.

На студии «Ленфильм» нас приняли тепло. Пока проявляли нашу пленку, мы с Борисом пошли искать Викторию. Нашли быстро. Она была дома, в окружении подруг-балерин. Как оказалось, они только вернулись из гастролей по Франции. Там остался Нуриев, и девушки бурно обсуждали его побег. «Пошумев» немного вместе с ними, назвав поступок Нуриева недостойным, предательским, мы пошли в комнатушку, выделенную нам.

Устроившись, вышли немного побродить по городу. Побывали в Эрмитаже, наслаждаясь его красотами, ходили по залам, этажам, а потом долго любовались резными воротами, так блестяще использованными Сергеем Эйзенштейном в фильме «Броненосец Потемкин». Потом мы гуляли по прекрасному Ленинграду еще около шести часов. Естественно, после столь внушительной прогулки захотелось есть. Зашли то ли в ресторан, то ли в кафе… Сейчас уже не помню…

Было это в 1961 году, в конце августа.

Дату запомнил, так как в этот день началось еще одно мое злоключение.

Заказали мы еду, бутылку коньяка и с удовольствием приступили к трапезе. Вскоре к нам присоединились какие-то моряки. Нам было весело и интересно. Трапеза затянулась до поздней ночи, конечно, одной бутылкой коньяка дело не обошлось… И, о ужас… Я забыл о предупреждении врача: «*Ни в коем случаи не употреблять алкоголь!*»

Домой вернулись поздно. Чтобы не тревожить хозяев, быстро легли спать. Я заснул мгновенно, но сон был тревожный, снились кошмары. Проснулся часа в три ночи, почувствовал слабость. Голова кружилась… От того, что я увидел потом, мне стало страшно. Кровь… Я понял: опять открылась язва. Начал будить Бориса. Спросоня он никак не мог понять, что произошло.

— Боря! У меня опять кровотечение. Вставай и срочно беги за билетами. Надо скорее лететь в Ереван.

Я заметил, как у Бори от испуга расширились зрачки. Одеваясь, сказал:

— Ты ложись и не двигайся. Я мигом в аэропорт…

Ранним утром следующего дня мы с Борей выехали в аэропорт. Конечно, я не вспомнил еще одну заповедь врача Нодари: «*В случае повторного прободения вам нужно лечь на спину и не двигаться, пока не придет помощь*».

Я не только не лег на спину, а трясся в такси всю дорогу до аэропорта, несмотря на уговоры Бори остаться и не рисковать.

У трапа самолета стюардесса, взглянув на меня, спросила: «Зачем в таком состоянии садитесь в самолет?» Ей показалось, что я сильно пьян…

Как только самолет оторвался от земли, взяв курс на Ереван, я потерял сознание.

Когда очнулся, увидел над собой людей в белых халатах и не мог понять, где я. Как потом рассказал мне Борис, из-за того, что я потерял сознание, самолет сделал вынужденную посадку в московском аэропорту «Внуково», и теперь меня должны отвезти в больницу.

Друг Борис Липоридович, дорогой мой Борис, как я могу забыть твое братское участие в тот страшный для меня день? Как я могу забыть твое волнение и даже страх за мою жизнь? Как я могу забыть те моменты, когда меня, бесчувственного, отвезли в больницу и ты, с какими-то товарищами, сопровождал скорую помощь? Как ты переживал, когда узнал, что мое положение почти безнадежное! Как я могу забыть твои искренние слезы? Да, моя жизнь висела на волоске. Ты спросил у меня, сообщить ли родителям? «Пока не надо», — был мой ответ. И ты решил остаться рядом со мной, сколько понадобится…

Ты был хорошим другом. Ты был светлым, теплым и надежным человеком. На съемках, когда ты был рядом, я был спокоен. Быть рядом с тобой всегда был большой праздник. Где бы мы ни были с тобой: на отдыхе, на работе, на студии — ты своим тонким, иногда колючим юмором радовал всех.

А как ты одевался? Как ты удивлял окружающих утонченностью, умением быть в центре внимания?

Да, все любили тебя.

Помню, когда последний раз говорили с тобой по телефону, ты с большим трудом прошептал: «*Вилен, приезжай. Умру, больше не увидимся*». Не поверил, не хотел верить! Не такой ты, чтобы так быстро угаснуть…

Я потерял еще одного бесконечно душевного, доброго, любимого друга…

…Итак, я в московской 52-й клинической больнице, в хирургическом отделении. Кто мог подумать, что пройдет 30 лет, и я буду жить рядом с этой больницей…

Моя первая встреча с лечащим врачом состоялась на второй день.

Лидия Никитична Мыскина. Невероятной красоты и с голубыми глазами, высокого роста, с неописуемой лучезарной, милой улыбкой. Такую женщину-врача я видел впервые.

Она вошла в палату, зорким взглядом посмотрела на всех лежащих, а в палате нас было шестеро, потом подошла ко мне. Села на край кровати и, очаровательно улыбаясь, сказала:

— Ну, здравствуйте, молодой южанин.

— Здравствуйте! — не отрывая глаз от ее красивого лица, еле прошептал я.

— Вы потеряли много крови. Она и сейчас еще подтекает. Первым делом мы должны остановить кровотечение. А потом решим, что делать дальше. Кто у вас есть: близкие, родные, есть, кому сообщить?

— Есть. Только, прошу вас, не сейчас, — тихо произнес я.

— Вас зовут Вилен? Что это за имя? Что-то Арменией не пахнет.

— Это всемирное имя, — попробовал я пошутить, — Владимир Ильич Ленин!

И вдруг больные палаты зааплодировали.

— Ах, вот так? Значит, мы имеем дело с очень важным пациентом.

— Выходит, что да, — продолжая шутить, ответил я.

— И как же вы с таким именем вели себя, извините, как последний глупец? Вы понимаете, что натворили? С кровотечением сесть в самолет. Да, просто какое-то чудо вернуло вам жизнь. Но это еще не все. Еще вся борьба впереди. Будем бороться!..

Почти месяц врачи 52-й больницы во главе с Мыскиной усердно пытались остановить кровотечение. И только через тридцать дней им это удалось. Теперь встал вопрос операции…

Однажды открывается дверь палаты, и вместе с Лидией Никитичной в палату входит МАМА.

Как? Кто сообщил? Ведь я просил…

Потом я узнал, что у Бориса не выдержали нервы, он и сообщил моим родителям.

Не знаю, как описать нашу встречу с матерью. Я, честно говоря, не мог сдержать слез. А она, как всегда, без показных эмоций, без слов, стояла у двери и влажными глазами смотрела в мою сторону. Заметно было, как слегка дрожали ее губы.

— И как вы могли утаить от нас такую красивую маму. А? Уважаемый Владимир Ильич? — со свойственным ей юмором спросила Мыскина. — Подойдите, Варвара Артемьевна, что же вы стоите у двери? Подойдите, подойдите, взгляните на вашего героя.

Мама медленно подошла ко мне, наклонилась и молча поцеловала в щеку. Я не выдержал, крепко обнял ее и только пробормотал: «*Прости!..*»

…Сегодня 3 мая 2011 года. Только что из Еревана позвонила Гаяне, дочь моего друга детства Володи. Чтобы с утра был звонок от нее?.. Сразу мое сердце почувствовало неладное…

Еще одна горькая потеря! «*Вышел на улицу и не вернулся…*»

Слова Гаяне пронзили мое сердце…

Последний раз он позвонил первого февраля в великолепном настроении, бодрым голосом поздравил меня с 80-летием. Как всегда, шутили, вспоминали проказы молодости, мы даже пели песни, которые всегда звучали во время наших встреч. А теперь?.. Все? Больше никогда?

Да! Еще одна частичка юности поднялась в небеса…

Из «великолепной четверки» нас осталось двое.

Володя Халеян. Красивый. Высокого роста. Умный. Профессионал, знаток своего дела. Заслуженный спортсмен. Обаятельный человек. Любимец женщин. Боже мой, какие прекрасные дни мы провели вместе. Сколько радости и горя пережили. Мы были как одно целое. Такая дружба, главная в жизни, не угасает.

…Итак, мама по зову Бориса приехала в Москву, чтобы еще раз разделить страдания, боль своего непослушного сына. Мама остановилась у тети Аси. Они подружились с моим врачом, Лидией Никитичной, которая делала все возможное и невозможное, чтобы спасти мою жизнь. К концу месяца вдруг кровотечение остановилось. Оказалось, барий, который дали мне во время исследования, «закупорил» очаг кровотечения. Это было чудо. Радовались ребята по палате, сама Мыскина, медперсонал. А как радовались мама, тетя Ася! Теперь надо было восстанавливать силы. И мама каждый день в сопровождении моей любимой тети с утра приносила мне морковный сок и много плиток шоколада. Бедная, бедная моя мама. Она ведь руками терла морковь. Боже мой, что она пережила за тот период! Как она постарела! За год два таких стресса: первый в Боржоми и вот теперь здесь, в Москве. Не знаю, кто еще мог такое выдержать.

Мать, только Мать!..

Настало время решать вопрос операции. Мама уговаривала поехать в Ереван, там ведь родственники, врачи и, главное, моральная поддержка братьев, друзей. Но я наотрез отказался ехать.

Мыскина настаивала на срочной операции, объясняла маме, что долгой дороги в Ереван я не выдержу, что все может кончиться плачевно.

…За месяц, что я провел в больнице, за мной с любовью ухаживала одна из лучших медсестер хирургического отделения, большеглазая красавица Валя Емельянова, с которой мы подружились и привязались друг к другу…

…Хочу рассказать об одной встрече, которая состоялась в больнице и которая стала основой сценария будущего моего фильма.

Встреча эта произошла до моей операции. В больницу привезли молодого парня, настоящего вора, после перестрелки с милиционерами. У него было семь пулевых ранений. Оперировать должна была Мыскина. Парень один лежал в соседней палате, а у двери сидели два милиционера — охрана. После удачной операции к нему стали приходить следователи. Честно говоря, мне очень было интересно узнать о нем побольше, поговорить с ним. Я попросил Лидию Никитичну устроить с ним встречу. Она объяснила, что это невозможно по той простой причине, что он преступник. Но я очень просил, просто умолял, и она поговорила со следователем, представив меня кинорежиссером, который готовится снять картину об убийце, приговоренном к высшей мере наказания. Подействовало. Наконец, мне дали возможность встретиться с удивительным человеком.

Я зашел к нему вечером. Он знал, что приду. Стоял у окна. Высокий, красивый, голубоглазый. Повернувшись ко мне, тихо, незлобно спросил:

— Чего тебе надо? Пришел им помочь? Я знаю тебя! Мне рассказывала Валя, медсестра. А от меня–то что нужно? — видимо, от боли, он чуть поморщился.

Честно говоря, я не знал, с чего начать. Первое, что пришло в голову, спросил:

— Больно?

— Терпимо!

— Мыскина — замечательный хирург. Она залечит твои раны,– сочувствующим тоном сказал я. Потом, после маленькой паузы, посмел спросить: — Правда, что в тебя всадили семь пуль?

— Давай закончим допрос. И так менты покоя не дают. И ты еще тут? Выйди и закрой за собой дверь…

В дальнейшем у нас с парнем завязались дружеские отношения. Я часто заходил к нему в палату. Говорили о разном. Он рассказывал о своей трудной и несчастливой жизни, о том, что рано потерял мать, отца, бросил учебу и в итоге выбрал «легкий» путь выживания.

Следователи, конечно, интересовались, о чем говорим. Ответ был коротким: «О жизни!..»

Настало время выписки моего нового «друга».

На последней встрече Юра, так звали его, поведал мне о своей любви к медсестре Рите.

— Что хочу тебе сказать, — начал он тихо, проникновенным голосом, — не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба, но Рита перевернула мою жизнь.

Я ответил:

— Знаешь, Юра, ты мне дал такую пищу для фильма, что готов сейчас же написать сценарий. Обещаю тебе, как выберусь из больницы, будет картина о тебе…

— Береги себя, кавказец. Хороший ты парень!.. — это были его последние слова.

Утром я встал, вышел в коридор. Юры уже не было. Его увезли ночью.

Очень хотел встретиться с Ритой, узнать, какое чувство она испытывала к нему. Оказалось, это было взаимное увлечение…

Пройдет много времени, и я обещание, данное Юре, выполню: создам двухсерийный художественный фильм под названием «Поклонись наступившему дню».

Наконец, настал день моей операции. Вдруг в палату, чем-то взволнованная, врывается Лидия Никитична. И сразу ко мне: «Что же это такое? Звонят со всех сторон, интересуются, как состояние Захаряна. Нет, подумать только, кто звонит? Композиторы Арам Хачатурян, Арно Бабаджанян. Звонят из ЦК комсомола. С центрального телевидения. Весь Ереван. И как мне быть, дорогой ты наш необыкновенный пациент? Я спокойно готовилась к операции, как всегда, как обычно, и вот, на тебе. Какую от-

ветственность свалили на меня. Чего молчите? Кто вы такой, что такие важные люди интересуются вами? Да! Теперь мне придется идти на операцию с дрожащими руками…»

Потом я узнал, что моя первая любовь, Лейли звонила Араму Ильичу и Арно Бабаджаняну с просьбой помочь мне. А что касается ЦК комсомола и центрального телевидения, это постарался наш директор студии Нерсес Восканович Каграманов. Естественно, было приятно вмешательство в мою судьбу таких знаменитых персон…

Всем огромное спасибо!

В те годы мне очень нравилась песня «Я люблю тебя, жизнь…» композитора Колмановского. И перед тем, как меня увезли в операционную, по радио я услышал ее в исполнении Марка Бернеса. Что это было? Совпадение или судьба? Валя подошла ко мне, сказала: «Вот видишь, любовь к жизни! Все будет хорошо».

Я передал ей мои часы, которые подарила мне мама, и так называемую «завещательную» записочку с просьбой: «*…не открывать , пока не будет ясен результат операции. А если все кончится… передай записку маме…*»

«Глупый. Ты просто не знаешь Мыскину…» — успокоила меня Валюша.

После того как мама приехала в Москву, Боря, попрощавшись со мной, уехал в Ереван. Мы расстались без надежды увидеться. Это я так думал. Но Борис со свойственным только ему юмором сказал: «Я еду домой подготовить пышную встречу тебе. Так что выше нос, и скорее возвращайся. Нас еще ждут совместные фильмы…»

В больницу ко мне приехал друг юности Рудик. Мы долго говорили, сидя в холле. Он рассказывал, как беспокоятся коллеги на студии, вдохновлял и поддерживал меня. Потом я узнал, как мой друг ни на минуту не отходил от матери. После моей операции каждый день сопровождал ее в больницу, помогал ей делать покупки, приносил продукты мне.

Рудольф Нерсесян. Среди дворовых моих друзей он был младше всех. Любимец моей матери. Отца его после войны считали без вести пропавшим. Мать ушла к другому, а Рудика воспитывала

Мама с Рудольфом

его любимая бабушка, Арусяк майрик. У нас были особые отношения. В нашей семье он был родным, принимали как моего младшего брата.

В юношеские годы я часто ходил в театры, не пропуская ни одной новой постановки. Ходил на концерты, особенно симфонические, в картинные галереи, не пропускал оперные постановки. Всегда и везде Рудик был со мной. Можно сказать, что все эти «культпоходы» сильно повлияли на его мировоззрение…

Сейчас не помню, какой этот был год, если не ошибаюсь, 1953-й. Вдруг мы услышали крики бабушки Рудика. Она кричала и одновременно рыдала. Соседи выбежали во двор. Оказалось, домой вернулся «без вести пропавший» отец моего друга. Это был шок для нас.

Соседи организовали торжественную вечеринку. Рудик был на седьмом небе. Впервые он тогда взял в руки бокал вина. Алкоголь, к сожалению, со временем станет причиной его неизлечимой болезни…

Дядя Каро, так звали отца друга, очень хотел вернуть жену, мать Рудика, но та отказалась. Через какое-то время он женился на другой. Почему так долго не давал о себе знать Каро, так и осталось загадкой.

Жизнь шла своим чередом, а наш товарищ как жил, так и продолжал жить один, без семьи.

Он занимался легкой атлетикой, толканием ядра. Особенного успеха не имел, но все же этот вид спорта дал ему краси-

вую осанку, силу. Часто ездил на соревнования в другие города. Но надо было думать и о профессии. Когда мы создавали студию телефильмов «Ереван», я предложил ему работу директора картины. И что интересно, первой его большой работой в этой должности была моя картина, юбилейный фильм — «Ованес Туманян».

За короткое время Рудольф овладел этой трудной, но интересной профессией. Работал грамотно и, главное, с любовью. В дальнейшем был директором многих моих картин, на которых приобрел опыт и стал одним из лучших директоров картин студии.

О Рудольфе Карповиче могу написать целую книгу. Но сегодняшняя моя цель — коротко вспомнить всех тех друзей, которые были по-настоящему верны мне всю жизнь.

Да, Карпыч, ты был и остался до конца своей жизни верным и преданным другом…

Ему было всего 55…

Грустная история произошла с ним после женитьбы на красивой и умной девушке Асмик. Через год у них родился сын Нерсес. В 1973 году, когда Нерсесу исполнилось 10 лет, Асмик, получив согласие Рудика, вместе с сыном уехала в Париж, к своей сестре, казалось, на «месяц». Но… Это была большая ошибка моего друга, давшего согласие увезти сына. Они больше не вернулись. Все старания Рудика вернуть сына не увенчались успехом. И он с болью в сердце ждал сына до тех пор, пока оно не перестало биться.

Мы с московским приятелем Борей Саавковым написали сценарий на реальную тему, связанную с «похищением» сына Рудика.

Сценарий получился интересный, а снимать я должен был на студии «Арменфильм». Это была бы моя первая картина для большого экрана, но… На редколлегии студии сценарий провалили мои «лучшие друзья-коллеги…». Имена называть не хочу. Полученная рана до сих пор болезненна, дотронуться до нее ужасно больно.

Моя операция, длившаяся, как мне сказали, почти пять часов, прошла успешно.

Дорогая Лидия Никитична подарила мне новую жизнь!

Валентина, моя спасительница!
Спасибо тебе, дорогая!!!

Я проснулся после наркоза и увидел маму, стоящую у моей кровати. За ней стояла Мыскина. Они обе улыбались.

Валя, возвращая мне часы и записочку, которую, как я понял, она не читала, напевала: «*…Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!*»

А что было в «завещании», пусть так и останется тайной…

На третий день после операции у меня возникли проблемы. Из-за скопления газов в животе мне стало очень плохо. Живот превратился в огромный шар, временами я терял сознание. Швы могли разойтись. Был воскресный день. Мыскиной в больнице не было. И вдруг в палату буквально врывается Лидия Никитична, призывает на помощь дежурного врача и медсестер, начинаются различные «спасательные действия». Наконец, все разрешилось удачно. Она, тяжело дыша, садится на стул и кричит: «Ура!»

И маме разрешили войти. Оказывается, все это время она стояла за дверью. Когда мама вошла, врач тепло сказала: «Паршивец ваш сын… Проходите, проходите. Теперь он будет жить сто лет…»

Лидия Никитична Мыскина. Врач-фронтовик, прирожденный хирург, невероятной духовной красоты женщина, отдавшая свою жизнь людям, спасая их от различных недугов. Когда она входила в палату с доброй улыбкой на устах, со сверкающими синими-синими глазами, больные оживали. Ее ожидали, как дорогого человека. Как она разговаривала с пациентами, как «ругала» за невыполнение предписаний! Ее любили все больные. Мыскина стала

Лидия Никитична
с Шагеном и Гуриком

для меня второй матерью, дорогим человеком нашей семьи. Она приезжала в Ереван не как гость, а как самый любимый член нашей семьи. Ни одно торжество не проходило без ее участия…

Больно, тяжело было расставаться с ней. Но жизнь есть жизнь! Самые дорогие уходят от нас…

Бог взял ее к себе. Такие люди нужны, видимо, и на небесах.

Вы, милая Лидия Никитична, в моем сердце пока оно бьется!

…На девятый день после операции меня выписали из больницы. Прощание было трогательным. Весь персонал хирургического отделения вышел проводить меня. Мне было трудно расставаться с Валей. Мы обещали друг другу писать письма, говорить по телефону.

Спасибо всем! Спасибо 52-й клинической больнице! Спасибо за новую жизнь, подаренную мне…

Я покинул больницу с еще одним шрамом на теле…

В сопровождении тети Аси и ее супруга, мы с мамой приехали на Курский вокзал. Попрощались с родственниками, сели в поезд и отправились в Ереван. Мне еще трудно было и сидеть, и стоять, и лежать: боли давали о себе знать. Мы ехали в вагоне СВ. Комфортно и удобно все, кроме тряски. Она беспокоила меня.

…Интересная встреча произошла в поезде. О ней не могу не вспомнить.

К нам в купе стал заходить мужчина, лет пятидесяти, в пижаме. Он старался познакомиться с мамой, одновременно узнать

Ереван. Никитична со мной и Гуриком

и обо мне. Интересовался моим самочувствием, сопереживал, приносил какие-то вкусные вещи, рассказывал о космонавтике, о Германе Титове. И так почти двое суток. Это стало раздражать, может быть, потому что меня мучили боли. Однажды я попросил маму: «Я прошу тебя, сделай что-нибудь. Пусть сидит в своем купе, и нечего сюда ходить. Он достал меня». Не знаю, что сказала мама ему, но человек в пижаме больше не появлялся.

Наш поезд подъехал к Тбилиси. На перроне было шумно: играл оркестр, люди оживленно кричали. Мы поняли: встречают какую-то знаменитость. Вышли посмотреть, а навстречу наш новый знакомый. Он был в костюме, на лацканах которого красовались две звезды Лауреата Ленинской премии и медали Госпремии СССР. Вот, оказывается, кем был наш «человек в пижаме» — уважаемым героем, которого с почетом встречали. А я не захотел, чтобы он навещал нас. Шок… Он любезно попрощался с мамой, поцеловав ее руку, сказал: «Вы очень красивая женщина, Варвара Артемьевна». Затем обратился ко мне: «Тебе, молодой человек, желаю крепкого здоровья и успехов». Вот как бывает. Я проигнорировал человека, а кто он был, так и не узнал.

Случай этот стал для меня большим уроком.

…Наш поезд мчался по территории Армении.

Подъехали к станции Октемберян и вдруг услышали возгласы: «С возвращением, Вилен, наш дорогой…» Поезд остановился. В купе ворвались мои коллеги — неожиданно, шумно, радостно.

Этот поступок моих друзей до сих пор меня волнует. Их преданность и дружба помогли забыть и боли, и трудности.

Спасибо всем, кто своей искренней поддержкой дал мне силы к новой жизни.

Спасибо другу Боре, он сдержал свое слово…

…В Ереване встречали радушно. Хотя я еще плохо себя чувствовал, но началась новая жизнь! Благодаря усилиям матери, я постепенно приобретал прежнюю форму. Делал зарядку с гантелями, встречался с друзьями, коллегами, которые подбадривали, но и ругали за мое безрассудное поведение.

Что касается картины «Ахтамар», ее закрыли в связи с моей болезнью. Я очень переживал. Ведь она должна была стать первым фильмом-балетом на союзном телеэкране. Подготовка длилась два года: написание музыки, постановка балетных номеров, работа художника, выбор натуры — все было сделано на высшем уровне. И съемки начались по плану, но все рухнуло мгновенно!.. У меня были большие надежды, связанные с этим фильмом. Эта была моя первая неудача… Но что же делать? Так сложилось!

…Через три месяца я вернулся на родную мне студию. Здесь еще раз убедился в искренности друзей и хорошем отношении руководства. Борис, верный себе, организовал торжественную встречу. А тамадой был Нерсес Восканович Каграманов, он произнес тост за мое здоровье и неожиданно достал из кармана бумагу: «Вот тебе, дорогой наш Вилен Христофорович, путевка в санаторий в Карловы Вары на 28 дней. Будешь лечиться, окрепнешь, отдохнешь и вернешься таким Виленом, каким мы тебя знали, — переполненным творчеством. Доброго пути тебе! Мы будем ждать и надеяться, что твой талант и профессионализм не раз обогатят отечественное телевидение». Все присутствующие поддержали его аплодисментами и криками «Ура!».

Спасибо, дорогой Нерсес Восканович, за заботу. Вы заботились о нас — молодых, не всегда еще правильно ведущих себя работниках, вдохновляли и поддерживали наши идеи, помогали их осуществлять. Мы воспитывались вами и хорошо помним период,

когда вы руководили студией. «Золотой период творчества студии» — так мы называли это время.

Я помню вас всю свою жизнь, СПАСИБО!

Дома обрадовались за меня. Ведь подлечиться надо было. Мама, конечно, напуганная пережитым, боялась отправить меня в столь дальнюю дорогу. Но, сказав: *«Дай Бог, не повторилось бы. Я не переживу»,* — отпустила меня.

Путь в Карловы Вары лежал через Москву, чему я был очень рад: повод встретиться с Лидией Никитичной и, конечно, с Валей. Времени было мало: утром прибывал в столицу, а вечером должен был уехать.

В то время в Москве в гостинице «Будапешт» жил Грачья Капланян. Его пригласили в Малый театр поставить очередной спектакль. Я поехал к нему, чтобы немного пообщаться. После недолгой дружеской беседы с ним я направился в район станции метро «Октябрьское поле», где жила доктор Мыскина. Она ждала меня, так как я позвонил ей заранее. Дверь открыла сама. С непривычки, увидев ее не в белом халате, не сразу узнал. Но… глаза, ее синие-синие глаза… Мы тепло обнялись, и я поставил на стол пакет с разными вкусностями от родителей: *«Это все от мамы. А коньяки с особой благодарностью от отца и братьев. Большой привет от всех с пожеланием встречи в Ереване…»* Лидия Никитична открыла бутылку коньяка, налила мне в большую рюмку: *«Давай, Виленчик, за твою маму, за героическую женщину. Много матерей я видела на своем веку, но то, что я увидела в твоей матери, надо изучать, чтобы понять, какая она, настоящая материнская любовь. Давай!..»* Я поблагодарил за теплые слова, но к рюмке не притронулся.

— Ты что? Не будешь пить? — с удивлением спросила Лидия Никитична.

— Вы же сами запретили: «Год не притрагиваться…»

— Правильно! Но со мной рюмочку можно! Ну!

Я с опаской опустошил рюмку коньяка и сразу захмелел. Мыскина громко засмеялась.

— Да не волнуйся, у тебя все в порядке. Это просто от того, что долго не нарушал дисциплину. Молодец!

Конечно, ни я, ни Мыскина больше не притронулись к рюмкам. Она одобрила мою поездку в Карловы Вары и посоветовала регулярно принимать местную лечебную воду.

В разговоре я спросил о Юре — о моем «друге» по больнице, его судьбе. «Насколько мне известно, суд приговорил его к высшей мере...» — после паузы ответила Лидия Никитична.

Я расстроился.

Мы тепло попрощались, пожелали друг другу успехов, и я покинул ее гостеприимный дом.

В гостиницу я приехал умиротворенный. Забрал чемодан, который я оставил на хранение у Капланяна, и поехал на вокзал.

В Карловы Вары — чудо-курорт — я приехал рано утром. Устроился в двухместном номере отеля. Вскоре ко мне, о судьба! подселили молодого человека из Ленинакана, общительного, веселого. Манвел, так его звали, был директором ленинаканского механического завода. Он меня узнал по работам на телевидении. Это была большая радость: встреча двух армян далеко от родины. Наша дружба с каждым днем крепчала.

28 дней пролетели, как миг. Лечение и чудодейственная минеральная вода сделали свое дело: и я, и Манвел восстановили свое здоровье.

Маленький смешной случай того времени.

Мы обедали за разными столами, но каждый из нас с иностранцем. За столом Манвела сидел американец. Однажды я увидел, что сосед Манвела прикрывает грудь руками. Что такое? Присмотревшись, я понял: Манвел не справляется со столовыми приборами. Ведь он привык есть руками, а здесь, из приличия, надо было с ножом и вилкой. Вот и летели кусочки мяса из-под столовых приборов Манвела прямо в грудь соседа. Смешная история разрешилась на следующий день. Американец, весело улыбаясь, уже сам ел все руками вместе с довольным Манвелом.

Какова сила убеждения!? Это была большая победа Манвела!

В санаторной столовой работали две Яны — официантки. Одна обслуживала мой стол, другая — Манвела. Обе были красивы, говорили по-русски. Конечно, мы влюбились. Но вскоре «моя» Яна почему-то стала невежливо просто швырять еду на стол. Я не

мог понять, в чем дело. Пытался объясниться, но тщетно. Попросил Манвела разузнать у «его» Яны, что случилось. Однажды мы втроем оказались в пивном баре, где, по словам местных жителей, бывали и Гитлер, и Геринг. Даже стулья с их именами на спинках сохранились. Каждый норовил на них сесть. Мы заказали закуску и, конечно, пиво. Как можно не выпить чешского пива! В зале музыка, романтическая обстановка, и вдруг… появилась «моя» Яна. Красивая, прекрасно одетая — принцесса. Она подошла к нам, мы шумно, аплодисментами встречали ее. Она пригласила меня на танец.

Потом она рассказала, что сразу же обратила на меня внимание, даже влюбилась. Но так как я был якобы невнимателен к ней, это ее раздражало, и она стала дерзить. Мы объяснились, поняли, что оба влюблены.

Неожиданно возник наш роман. Мне было комфортно и приятно с ней. Мне льстило, что эта эффектная, милая девушка влюбилась в меня, худого, больного, скучноватого парня.

Однажды, ничего не сказав Яне, я позвонил домой: «*Мама, я женюсь на чешской девушке! Вопрос решен. Так что готовьтесь*». В трубке молчание. «*Мама, ты меня слышишь?*» В ответ я услышал голос отца: «*Да. Слышим. Только не надо удар за ударом наносить матери. Тебя отправили лечиться, а не дурака валять. Видимо, ты еще под наркозом?! Возвращайся, и без глупостей…*» Отец еще никогда так не разговаривал со мной. Он во всем защищал меня. А тут… Дальше его голос звучал уже спокойнее: «…Приедешь, обсудим твое «радостное» сообщение. Лечись!..» Я понял, что свадьбы мне не видать, что родные никогда не одобрят «такой мальчишеский поступок»…

Яне об этом я ничего не сказал. Но за два дня до моего отъезда Яна исчезла. Что случилось? Какова была причина?..

Тайна, которую никто из нас не разгадал. Больше мы не встречались…

Разъехались мы и с Манвелом. Он направился в любимый Ленинакан, а я в Ереван на улицу Абовяна, дом 23, квартира 2.

Дом, где все жили одной большой семьей. Боль и радость делили поровну. Дом, где я родился и вырос, отсюда пошел в шко-

лу, в институт, на работу. 60 лет стены этого дома грели, лелеяли меня. В этом доме я навсегда попрощался с моей дорогой мамой. В последний путь проводил и своего легендарного отца.

Теперь этот дом — жертва новых порядков. Он стал частным владением, где обитают «уважаемые господа», превратив его в кафе-рынок… Больно!

А тогда… Я подошел к нему и, постояв у подъезда, прошептал: *«Здравствуй, дорогой! Здравствуй, мама! Я вернулся. Жизнь продолжается!»…*

Мой первый рабочий день.

Пока я отдыхал, Лаэрт Погосян, ведущий оператор, с ансамблем танца Армении съездил в Чехословакию для съемок. Ехать мы должны были вместе, но я уехал на лечение. Радовало, что впервые на съемки за границу ездил кинооператор именно нашей студии «Ереван».

Каграманов попросил меня ознакомиться с отснятым материалом. Текст к будущему фильму собирался написать он сам, а мне предложил заняться монтажом. Материал был разнообразный, многое оператор снимал с рук, снимал, что видел. Танцевальные же номера ансамбля вовсе не снимались.

Вначале хотел отказаться, но, решив, что дополнительный материал можно доснять в Ереване, согласился.

Каграманов написал замечательный текст. Я тщательно смонтировал и озвучил фильм. «Чехословакия аплодирует» — так была названа картина, и представил ее руководству. А премьера состоялась в Доме кино. Торжественная обстановка. Много зрителей, представителей разных министерств, кинематографистов…

Начался показ. В титрах я вдруг прочитал: режиссер монтажа В. Захарян. Это меня насторожило… Но…

Я пригласил на просмотр маму, она сидела рядом, мы наслаждались происходящим на экране.

Показ прошел блестяще. Много выступающих, слова благодарности, приветствия, и все это только в адрес Лаэрта и Каграманова. А меня как будто и не было ни на экране, ни в зале. Мои «друзья» не сказали в мой адрес ни слова. Что это? Стало больно, обидно. Особенно обидно за мать.

Ведь она, наверно, ждала услышать слова благодарности и в адрес сына, но… увы…

Люди ушли, не пожав мне руки.

Оскорбленный, я под руку с мамой направился домой. Она, крепко сжимая мою руку, шла медленно. Я чувствовал, как она напряжена. После долгого молчания мать тихо, чтобы слышал только я, прошептала: *«Ничего, бала джан. У тебя еще все впереди. Главное, береги свое здоровье. Оно сейчас нам больше нужно, чем эти аплодисменты. Ты еще покажешь им, кто такой Вилен Захарян. Главное, разберись в твоих друзьях. Слишком доверчив ты, сын мой…»*

Конечно, потом и Лаэрт, и Каграманов извинялись, говорили всякие оправдательные слова, но обида, осадок от случившегося у меня остались надолго.

В дальнейшем мы с Лаэртом много работали, и успешно.

На студию «Ереван» перейти работать уговорил его я. По образованию он был геологом, но с удовольствием, профессионально занимался фотографией. За короткий срок он приобрел навыки кинооператора и стал ведущим оператором. Мы сняли вместе много фильмов, которые оценили и зрители, и профессионалы, они получили признание и на многих фестивалях.

Два оператора студии «Ереван» — Степан Мартиросян и Лаэрт Погосян, были очень разные. Первый — взрывной, неспокойный, непредсказуемый, но ищущий, думающий.

Второй — спокойный, с замедленными действиями, иногда казалось, что он все делает слишком медленно. Однако мы работали слаженно.

1963 год. Я на отдыхе в Сочи.

Здесь знакомлюсь с прекрасной семейной парой — Евгением и Дианой и их трехлетней дочуркой Катей. Скоро к нам присоединяется еще одна пара — Люся и Анатолий. Вместе проводим все дни, вечера. Беседуем, плаваем, путешествуем. Эта встреча стала основой нашей крепкой дружбы на долгие годы. Она продолжается по сей день…

По возвращении из Сочи я приступил к своей любимой теме — съемкам музыкальных номеров, как сейчас называют, музыкаль-

ных клипов. Они были разные. В основном снимали ведущих артистов-певцов на фоне красивой природы и на определенные сюжеты.

Вскоре со Степаном Мартиросяном сделали попытку снять полнометражный фильм-концерт. И эта попытка удалась. В картине «Все билеты проданы» участвовал прекрасный дуэт, два моих любимых актера-комика: Армен Хостикян и Норайр Геворгян. Произошло чудо: прекрасная мини-комедия на музыкальном фоне. Результат превзошел все мои ожидания. Поздравляя меня с успешной работой, Марат Мариносян сказал:

«Во ВГИКе ты потерял бы свою индивидуальность. Я рад, что тогда уговорил тебя вернуться в Ереван. Дальнейшего успеха тебе желаю!»

Вообще, 1963 год оказался весьма плодотворным, хотя после больницы мне показалось, я охладел к кино, что-то утратил. Но нет! Надо было немного потрудиться. Фантазия, воображение били из меня ключом. Идеи рождались каждый день. Надо было только выплеснуть их на пленку. И я делал это с удовольствием и много, каждый раз убеждаясь, что успех не приходит без труда. Труд и еще раз труд. Талант — дар божий, раскрывается, когда родители правильно направляют своих детей, помогают правильно выбрать профессию, учат самостоятельному труду. И я трудился, трудился…

Конечно, родители очень тревожились за меня. Особенно мать: *«Сынок, посмотри, в кого ты превратился. Еще худее стал. Ведь только-только пришел в себя. В восемь утра уходишь, возвращаешься поздно ночью. На что это похоже? Неужели забыл пережитое тобой и нами? Я понимаю, ты хочешь быстрее осуществить свою мечту. Но не за счет же здоровья. Береги себя, сынок, времени у тебя более чем достаточно. Все успеешь!..»*

Да, действительно, я, наверное, слишком увлекся своими идеями. Но… Ведь это тоже своего рода БОЛЕЗЕНЬ! И лечить ее надо только ТРУДОМ!

Настал 1964 год!

Год, который перевернул мою судьбу!

Год, который подарил мне счастье!

Год, который моему творчеству дал новую окраску, новую ЖИЗНЬ!

Год, который благословляю вот уже 49 лет!

А начался он не совсем удачно.

В начале года Государственный ансамбль танца должен был ехать в четырехмесячную поездку по арабским странам. Вопрос поездки с ансамблем Лаэрта Погосяна как уже «опытного выездного оператора» решился мгновенно. Мне казалось, что после фильма «Чехословакия аплодирует» вопрос моей поездки как режиссера фильма будет решен положительно. Однако вскоре я услышал традиционное: «В ЦК партии тебя не утвердили!» И все! Я остался в Ереване и подумал: «Бог с ними! Еще вспомнят обо мне».

Ждать было недолго…

После возвращения из поездки Лаэрт устроил большую вечеринку. Были приглашены руководитель ансамбля Эдвард Манукян, солисты танца, представитель ЦК по культуре и другие почетные гости.

К собравшимся обратился отец Лаэрта, Гриша Погосян. Поздравив всех, он сказал сыну: «*Дорогой Лаэрт, я уверен, что ты в очередной раз подаришь зрителю замечательную картину о прославленном коллективе. Конечно, как всегда, в этом тебе поможет Вилен, уже давно ставший членом нашей семьи. Давайте выпьем за успех будущего фильма и за этих неразлучных друзей!..*»

Оп-а-а-а!

Дождался!

Все было понятно. Без моей помощи картине экрана не видать.

Потом ко мне подошла жена Лаэрта, Мери и, ехидно улыбаясь, спросила: «*…Будешь мстить? Не возьмешься за фильм!? Я тебя хорошо знаю. Обида до сих пор сидит в тебе. Ведь так?*»

— Знаешь, в Карловых Варах как-то мы с другом вошли в магазин: он захотел купить игрушечную змею. Тогда я в шутку спросил его: «*Ты разве не женат?*

— *Женат!*

— *Тогда зачем тебе дома вторая змея?*»

У Мери вытянулось лицо. А я, не попрощавшись, ушел.

На следующее утро меня пригласил Каграманов. Предполагая тему беседы, я настраивал себя на спокойный, сдержанный тон разговора.

В кабинете уже сидел Лаэрт. Разговор был коротким. От предложения смонтировать отснятый материал я категорически отказался. Каграманов уговаривал: «…Ты справедливо обиделся на нас. Мы очень неправильно себя вели в отношении тебя в связи с картиной «Чехословакия аплодирует». Приносим свои извинения. Но, пойми, эта новая работа большая и очень ответственная. Не хочу лукавить, без твоего участия нам не обойтись».

Лаэрт дипломатично молчал.

«Уважаемый Нерсес Восканович, дорогой мой человек. Я в пожизненном долгу перед вами и готов выполнить любое поручение. Но я не спасатель! Я художник и буду создавать *свое* произведение. Извините, но копаться в «чужом» материале… это не для меня…»

На следующее утро Лаэрт попросил просто, по-дружески посмотреть отснятый им материал.

Честно говоря, работа оказалась интересной, мне понравилась. Был качественно отснят большой и интересный материал. Четыре месяца в изнурительных условиях, без помощника, без направляющей руки режиссера отснять две тысячи метров пленки мог только высокопрофессиональный оператор. С этим я поздравил Лаэрта и, протянув ему руку, произнес: «Берусь!» Мы улыбнулись друг другу, как бы закрепив этим наш договор.

Через месяц картина была готова.

Прошла она с большим успехом. Мы получили благодарность от руководства Комитета и от коллектива ансамбля танцев Армении.

Где бы ни показывали фильм «101 день», так мы назвали его, везде Лаэрт особо подчеркивал мою работу, мое участие в создании картины…

1964 год. Бурную деятельность нашей дружной компании в деле развития нового жанра — телевизионное кино — признали все. Вскоре я, Жирайр Аветисян, Степан Мартиросян и Лаэрт Погосян стали членами Союза кинематографистов СССР. А потом нам

с Лаэртом посчастливилось поехать в подмосковный Дом творчества СК «Болшево».

В «Болшево», разместившись в добротных номерах, мы втроем, Лаэрт приехал с женой, моей «симпатией» — Мери, пошли изучать территорию Дома творчества.

Он находился недалеко от вокзала, на окраине поселка. Белоснежный двухэтажный дом стоял в зеленом парке. Вокруг дома, среди больших деревьев, расположились уютные коттеджи, в которых, как потом мы узнали, проживали, вернее сказать, творили мэтры советской кинематографии: Юлий Райзман с женой Сусанной Андреевой, кстати, нашей соотечественницей, Александр Алов и Владимир Наумов, Иван Пырьев, в то время председатель СК СССР; Арнштам, Марк Донской, Лев Кулешов, Эмиль Брагинский, Леонид Зорин. Здесь отдыхали и замечательные актрисы и актеры.

Среди этих глыб мы были молодыми и неоперившимися. Однако это не мешало нам общаться с ними. Со многими мы подружились, и общение с ними стало для нас творческой школой. В частности мне были очень интересны и полезны беседы с Юлием Райзманом. Я старался использовать шанс, который подарила судьба, задавал ему вопросы, которые помогли мне понять, как протекают съемки, как он монтирует фильмы, обращал внимание на детали в его работах.

Например, в фильме «А если это любовь» есть сцена, где героиня после ужасных неприятностей, после того, как она от отчаяния попыталась отравиться, разочарованная, с «пустыми» глазами и разбитой душой старается вернуться к жизни. И вот в этот момент режиссер снимает кадр: героиня выходит из квартиры как бы из глубокого «кинозатемнения», открывает дверь, на которой зритель видит почтовый ящик, с газетной наклейкой « Советская Россия».

Во время очередной игры в бильярд я спросил Юлия Яковлевича: «*Вы осознанно или случайно приклеили на почтовом ящике название газеты «Советская Россия»?* После недолгой паузы, красиво ударив по шару, он с усмешкой произнес: *«У Райзмана случайного кадра не бывает».* Этот урок я запомнил на всю жизнь: ничего случайного в кадре не должно быть.

В Доме отдыха жизнь текла неординарно. Было весело, особенно по вечерам, когда после ужина собирались в кинозале, в биллиардной или просто в коридорах. Шумели, подтрунивали друг над другом, разыгрывали. Смех, беседы, танцы…

Однажды на двери столовой я прочитал записку: *« Прошу того, кто нашел кольцо с драгоценным камнем, сообщить Донскому…»* Скоро под этой надписью появилась другая: *«Я свой драгоценный камень нашел и никому не отдам. Кулешов…»* Конечно, все поняли, что он имел в виду свою жену, актрису Веру Хохлову.

Выходя из столовой, я тайком содрал записку с двери и сохранил ее как память о тех прекрасных днях нашего отдыха в Доме творчества «Болшево».

В этом Доме произошла еще одна знаменательная встреча, перевернувшая мою судьбу.

Однажды мы, проходя мимо теннисного корта, обратили внимание на игравшую там девушку.

— Та, что справа, не Татьяна Самойлова? — спросил Лаэрт.

— Может быть, — ответил я, и мы продолжили свой путь.

У входа в корпус стоял стол для настольного тенниса. Соревновались супруга Райзмана Сусанна Андреевна и какая-то незнакомая нам актриса.

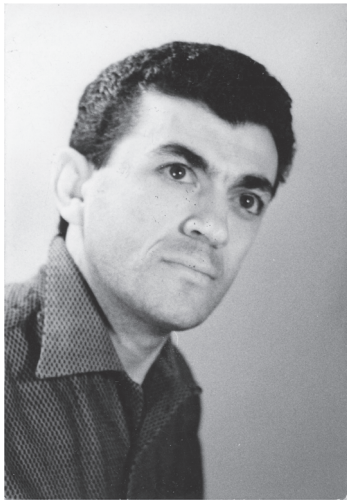
Я присоединялся к ним.

В то время эта игра была очень популярной в Ереване. Мы с друзьями сколотили стол во дворе и часто «бились» в настольный теннис. По этой причине я умел хорошо играть. В общем, стал играть и скоро обыграл обеих соперниц.

Почувствовав мое «мастерство», Сусанна остановила игру и с восхищением сказала: «Да! Такой игры мы еще здесь не видели. Браво! Знаете что, давайте пригласим сюда одну отдыхающую здесь девушку, попробуйте поиграть с ней. Она звезда. Ну, как, готовы сражаться с Аллочкой?» А Аллочка оказалась та «Татьяна Самойлова», которую мы увидели на большом корте…

После уговоров Сусанны Аллочка, смущаясь, взяла ракетку. «Ну, красавица, покажи этому пришельцу с гор, какие мы, российские женщины!» — воодушевляла Сусанна Андреевна Аллочку и активно приглашала «зрителей».

Таким я приехал в Болшево



После нескольких ударов по мячу я остановил игру и предложил Аллочке фору — 10 мячей. Она растерялась, но гордо приняла мое предложение. «Сражение» закончилось очень быстро. Уровень игры «звезды» Болшево был очень низким. Вторую партию она отказалась играть и, поздравив меня, быстро ушла с «поля боя».

Лаэрт и Мери осудили меня: не по-джентльменски я поступил. «Придется доказать, что ты не верблюд», — посоветовала Мери.

Ждать пришлось недолго.

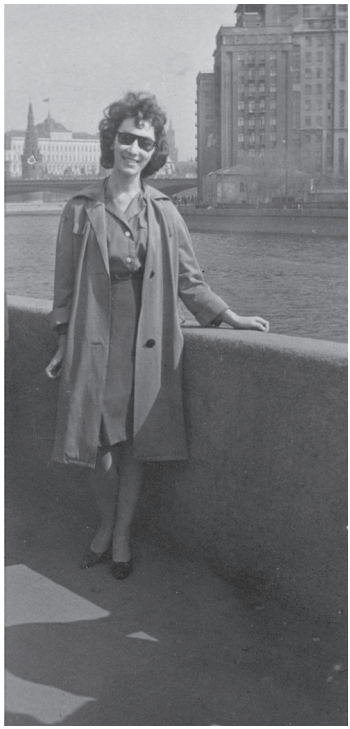
В этот день я собирался ехать в Москву на встречу с Лидией Никитичной. Вышел в холл, вдруг передо мной Аллочка — русалочка с двумя веслами в руках:

— Простите, куда это вы собрались? — с нежной милой улыбкой спросила она.

— В Москву, — почему-то растерявшись, невнятно ответил я.

— А не хотели бы прокатиться на лодке? *Я вас приглашаю.*

Дорогие мои родители! Родственники! Друзья! Близкие мне люди! Товарищи и коллеги! Слова



Вот она, «Татьяна Самойлова» — Аллочка!

Вот он, наш корабль любви

Аллы: «…Я вас приглашаю», — стали началом прекрасного периода в моей жизни. Взошло солнце, которое согревает меня уже много лет…

Как мог отказаться от такого приглашения, прозвучавшего из уст такой очаровательной девушки? Я забыл про Москву, про врача, забыл все на свете. И…

— *Принимаю!* — твердо ответил я. — Только мне надо переодеться.

— Я жду вас у реки, — сказала она и легкими шагами удалилась.

О приглашении я рассказал Лаэрту, попросил взять фотоаппарат и вместе прогуляться по реке. Лаэрт с Мери из любопытства согласились.

Хочу признаться, что в жизни я никогда не брал в руки весла. А тут пришлось мне одному грести. О, бедные мои руки! Но от удовольствия плыть в лодке по реке с хрупким созданием я забыл о своих руках. Лаэрт и Мери все время с причала бесконечно щелкали аппаратом…

После недолгого плавания, к обеду, вернулись.

Страшно было смотреть на мои ладошки: они покрылись волдырями. Но боли не чувствовал, потому что все время «видел» доброе, красивое лицо и тонкую фигурку Аллочки. Я недоумевал, что со мной происходит. Мне хотелось еще и еще раз уединиться с ней, узнать больше о ней. Как понять? Только познакомившись со мной, вдруг: «*Пойдемте кататься на лодке!*»

Я вспомнил прекрасные слова песни из кинофильма «Первая перчатка»:

«…Милый друг, наконец-то мы вместе,
Ты плыви наша лодка, плыви,
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви…»

Вот и плывет эта лодка уже много-много лет, а в ней мы — неразлучная любящая друг друга пара.

…Каждый день мы вечером гуляли около реки. Гуляли, вступая в бой с комарами. Но это не мешало нам узнать друг о друге очень многое. В один из вечеров, когда в Доме почти все спали, стоя на пирсе, как голубки, мы нежно подарили друг другу наш первый поцелуй…

Лаэрт и Мери, почувствовав, что наши отношения с Аллой уже более чем серьезные, посоветовали мне не упустить шанс и покончить с холостяцкой жизнью. Им понравилась Алла, и они искренне желали мне счастливого будущего.

О наших отношениях узнали в Доме творчества. Аллу любили все. А Сусанна Андреевна все твердила, что я приехал сюда не отдыхать, а искать свой драгоценный камень: «Вот он, бери и увози его в свою солнечную страну…»

Телефонный звонок домой был коротким: «*Мама, Дом творчества подарил мне долгожданное счастье. Конец одиночеству! Твоя мечта, наконец, сбылась. Я здесь нашел свою любовь…*»

Вскоре мы вернулись в Ереван, обогащенные творческими идеями. Встреча с прославленными мастерами была полезна, приятна. Мы многому у них научились, познали кинематографические тайны, которые в дальнейшем очень пригодились в работе.

Но главное приобретение в Доме творчества… моя Аллочка!

Моя Аллочка!

...Дома меня встретили настороженно: видимо, чувствовали, что со мной что-то произошло. У всех на лицах было недоумение. Первым не выдержал отец: «Ну, кто теперь появился в твоей любовной копилке? В Москве — раз, в Сочи — два, в Карловых Варах — три. Не сосчитать. А сейчас что? Очередное увлечение? Или на этот раз точку поставил?» Недолго думая, я ответил: «*Хорошо сказал, отец. Да. Точка! На всю жизнь!*» Я посмотрел на мать. А она подошла ко мне, обняла

На фото: наша необычайная команда. Сидят слева направо: я, Сузанна Андреевна, супруга Райзмана, Александр Алов, Юлий Райзман, Владимир Наумов. Стоят: директор кинофонда Армении Оганесян, супруга Арнштама, драматург Леонид Зорин, Мери, супруга Лаэрта, и моя Аллочка.

и тихо сказала: *«Раз по любви и ты уже принял решение, то я «за». Хочу видеть тебя счастливым!..»*

Через два месяца мы с Жирайром Аветисяном приступили к новой работе. Так как у нас собралось много отснятых концертных номеров, решили создать музыкальный фильм под названием «Вас ждет Ереван».

Для съемки мультзаставок мы поехали на одну из лучших мультипликационных студий страны в Таллин (ныне Таллинн).

Летели через Москву, и во время пересадки я успел позвонить Алле. Я еще раз убедился, что в моей жизни появился тот человек, который осчастливит меня на всю жизнь…

После долгой и изнурительной, но интересной работы на Таллиннской студии, которая завершилась успешно, мы возвращались в Ереван через Москву. Жирайр с материалами уехал, а я остался. Мне предстояло знакомство с родителями Аллы.

Мне было тогда 33 года, а Алле всего 21, но я очень волновался…

В моей жизни уже были подобные ситуации. Но все они по разным причинам закончились неудачно. Так и не «повезло» мне жениться на соотечественнице. Видимо, не судьба. Судьба готовила меня к другому. Я опять вспомнил слова моего мастера Вагарша Богдановича Вагаршяна: *«Человек счастлив тогда, когда он правильно выбирает профессию и жену!»*

Да, дорогой мой мастер, вы были совершенно правы. В профессии я не ошибся, а в жене тем более. Поэтому я счастливейший человек. Вот уже 48 лет…

Итак, мы с Аллой заходим в большую коммунальную квартиру. Затем входим в небольшую скромно обставленную комнату. На диване сидит красивая женщина. Она встала, как мы вошли.

— Вот и моя мама! Анна Павловна! А это Вилен. Будьте знакомы! — представила нас Алла.

— Очень приятно! — чуть заикаясь, тихо сказал я.

— Взаимно, — протянув руку, нежно улыбаясь, ответила она на мое приветствие, — садитесь, пожалуйста.

Мы с Аллой устроились рядом, а мама села напротив. Какой-то момент царило молчание. Честно говоря, я не знал, с чего начать. Вдруг я заметил слезы в глазах Анны Павловны.

— Анна Павловна, что вас тревожит? Я не внушаю доверия? — почти шепотом спросил я.

— Не знаю. Все произошло так быстро. Ведь вы еще ничего не знаете друг о друге, о нашей семье… Пару дней знакомства… и уже жениться. Интересно, а как ваши родители приняли такое внезапное решение?

— Как вы понимаете, мой возраст дает мне право решать вопросы самостоятельно. А что касается моих родителей, они желают, как и вы своей дочери, только СЧАСТЬЯ! Решение принято быстро? Так это и есть любовь с первого взгляда.

— Это красивые слова или мужская клятва?

— И красивые слова, и мужская клятва, — почему-то улыбаясь, ответил я.

И опять воцарилась тишина. Алла вскочила с места и, обращаясь к матери, сказала:

— Мама, может, ты накормишь нас? Ведь Вилен с дороги…

— Да-да, конечно. Простите, пожалуйста. — она встала. Молча подошла к серванту и, повернувшись к нам, спросила: — Как вы все-таки представляете себе вашу жизнь? Жить где будете? Здесь или дочь поедет с вами? — не успокаивалась Анна Павловна.

— Какое-то время, естественно, она будет жить со мной в Ереване. Там моя работа. А потом видно будет, как выстроится жизнь. Может, я перееду в Москву. Если, конечно, будет такая возможность. Но пока…

— Я не представляю жизнь без дочери. Она ведь у нас с отцом единственная радость в доме. Не знаю, переживу ли такую разлуку? — И слезы потекли по ее щекам…

— Мама!!!

Вот так прошла первая встреча с мамой Аллы. С отцом ее, с человеком, который в дальнейшем станет для меня образцом мудрости, порядочности, я встретился позже.

Когда зашел разговор о свадьбе, Анна Павловна почему-то на несколько секунд вышла из комнаты. Мы с Аллой молча посмо-

трели друг на друга. Дату и место проведения свадьбы мы выбрали еще до моего отъезда в Таллин.

Войдя в комнату с какой-то кастрюлей, Анна Павловна спросила:

— Надеюсь, свадьба состоится здесь, в Москве?

— Вначале в Москве, а потом в Ереване.

— И когда планируете?

— 16 августа 1965 года, — спокойно ответил я.

— Вот так! И почему именно в этот день? — поинтересовалась Анна Павловна, поставив кастрюлю на стол.

— Мама! — вмешалась Алла. — В этот день родилась мама Вилена. И мы решили каждый год, справляя годовщину нашей свадьбы, вспоминать и ее.

Запах пирожков, исходящий из кастрюли и наполнивший вкусным ароматом комнату, я помню до сих пор…

Я вернулся домой, обо всем рассказал близким. Получил благословение матери и с огромным воодушевлением приступил к работе. Музыкальный фильм «Вас ждет Ереван» мы с Жирайром Григорьевичем после монтажа представили руководству и, получив одобрение, поставили в эфир. Успех был большой. Особо отметили наши мультипликационные вставки.

После этой работы я продолжал снимать концертные номера. Это моя стихия…

1965 год. Лето. По поручению дирекции студии мы со Степаном Мартиросяном едем в Ленинакан снимать концертные номера Ансамбля песни и пляски железнодорожников. Руководитель Агаси Шабоян и коллектив ансамбля встретили нас очень доброжелательно. После просмотра танцевальных номеров Шабоян предложил посмотреть музыкальный театрализованный номер «Гюмрийская свадьба». Номер нам понравился, и мы со Степаном тут же приняли решение снять свадьбу полностью. Все воодушевились. А когда я предложил провести съемки на природе, коллектив восторженно согласился.

Вернувшись домой, я срочно написал и сценарий, и режиссерское видение будущего фильма с рабочим названием «Мелодии Ширака». Вскоре наша съемочная группа во главе с директором картины Владимиром Александряном взяла курс на Ленинакан.

Владимир Петрович Александрян. Все мои лучшие картины я снимал с ним. Красивый, стройный, обаятельный, он покорял всех, особенно женщин. Доброта, любовь к профессии, верность и порядочность — неотъемлемые качества его. Я ни разу не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос. Его слово было неоспоримо. Его уважали за теплоту, сердечность и требовательность в работе. Он был мудр. Решения принимал быстро, четко. Я по-мужски любил этого бескорыстного, доброжелательного человека.

Ленинакан встретил нас 40-градусной жарой, но выхода не было. Надо было приступать к работе. На вершине знаменитого тоннеля «Джаджур» построили площадку. Помогли нам военные из местного гарнизона. Все танцы снимались на этой площадке. А основные действия «Свадьбы» происходили на берегу реки Арпачай. Как проходили съемки, описать невозможно. Для ленинаканцев это был большой праздник. «Болельщики» Шабояна приезжали с мясными продуктами и всюду готовили шашлыки для всех нас. И только ждали моей команды: «ПЕРЕРЫВ!», чтобы начать угощение. А когда я чуть опаздывал с командой, «шашлычники» появлялись перед камерой и сами объявляли: «ПЕРЕРЫВ!»

Удивительный народ ленинаканцы. Патриоты своего города. Нам было уютно и комфортно среди них. Мы чувствовали их поддержку и уважение на протяжении всех пяти дней, пока длились съемки.

Агаси Шабоян! Яркий представитель своего народа. Мы были счастливы встрече с этим неугомонным человеком. Юмор и строгость — вот что отличало его от других. Он светился от счастья. Его добрая, ослепительная улыбка вдохновляла нас и его коллег. Благодаря ему была на площадке теплая гостеприимная атмосфера. Это был человек-легенда, любимец ленинаканцев. Его имя было на устах сограждан. Он любил жизнь, но слишком рано ушел от нас.

Его имя, лучезарную внешность, обаяние я ношу в себе.

…Картину «Мелодия Ширака» мы закончили за десять дней. Она длилась ровно час. Фильм показали главному режиссеру студии Киму Арзуманяну. Он отрицательно оценил нашу работу, посчитав ее низкопробной, примитивной: «*Почему, вместо концерт-*

ных номеров, вы сняли целый фильм? Кто дал вам на это право? Картину я не принимаю, о чем и доложу председателю». А председатель Комитета Акоп Рафаелович Айвазян, кстати, родом из Ленинакана, поверив словам Арзуманяна, без просмотра фильма, распорядился сделать мне выговор за самовольность и запретил ставить картину в эфир. Мою просьбу посмотреть фильм Айвазян категорически отверг…

Картина «Мелодия Ширака» пять месяцев пролежала на полке, пока не сменилось руководство.

К этому времени из театра на студию на должность главного режиссера вернулся Марат Мариносян. А председателем Комитета стал всеми любимый Джон Киракосян.

Первым делом мы показали фильм Мариносяну. Неожиданный восторг, поздравления и хвалебные слова обрушились на нас. Марат во время демонстрации все время подпевал поющим персонажам и пританцовывал, сидя в кресле. А узнав о запрете на показ фильма, позвонил Киракосяну, попросил посмотреть картину. Джон Саакович одобрил фильм и пустил картину в эфир.

«Мелодия Ширака» зрителям понравилась, студию завалили письмами с просьбой показывать ее каждый день.

Да. Успех был всенародным.

Прошло 48 лет, а фильм до сих пор живет на экране. В домах армян, где бы они ни жили, как особый талисман, есть фильм «Мелодия Ширака».

Спасибо моему учителю, верному и бескорыстному другу Марату, за достойную оценку нашей работы.

Спасибо великому человеку Джону Киракосяну.

Мы с ним ровесники, он только на два года старше меня. Жили рядом, на одной улице. В молодости, я помню, он здорово играл в волейбол. Был самым высоким среди нас. Его красивая, элегантная фигура выделялась всюду, где бы он ни находился. Мы любили его за отзывчивость и верность, за умение защитить слабого. Он был лидером среди нас. В дальнейшем жизненный путь выбрал трудный — путь к правде. Занимая в правительстве Армении в разные годы высокие посты, мужественно и последовательно защищал свои принципы и идеи, оставаясь преданным

гражданином своего народа. Основой его деятельности как ученого-историка была реализация национальной идеи — признания армянского геноцида 1915 года. В его самых значительных трудах «Буржуазная дипломатия и Армения», «Младотурки перед судом истории» и др. собраны и проанализированы многочисленные материалы на эту тему, здесь автор ставит цель — раскрыть правду о трагедии армянского народа. За эти идеи чиновники разных сортов объявили Джона Сааковича *диссидентом.*

Началась травля.

Вот такой человек возглавил в 1965 году Госкомитет по телевидению и радиовещанию. Его гибкий ум, характер, умение выслушать, точно определить цели, проанализировать ситуацию помогли Киракосяну создать на студии такую атмосферу, в которой каждый мог полностью проявить себя. С его приходом Комитет превратился в один из лучших информационных центров нашей огромной страны. Появилась новая аппаратура, качество технической службы в разы поднялось. Передачи: и музыкальные, и политические, и художественные — получили новое решение, оригинальное звучание. При нем была основана нами студия телефильмов «Ереван». А кадры? К нам шли таланты, потому что пришел руководитель, тактично, бережно относящийся к людям и очень уважительно — к их труду. Дверь его кабинета никогда не закрывалась: к нему шли за советом, поддержкой, за добрым словом. Его душевная щедрость, юмор, доброжелательность и сотрудников делали улыбчивее и добрее, работоспособнее. Нам казалось, что он заряжен солнцем. Вокруг него было много тепла и света. *До сих пор ношу в себе этот свет…*

Сдав картину «Мелодия Ширака», я стал готовиться к свадьбе, к главному событию в моей жизни.

Мы с отцом вылетели в Москву.

16 августа 1965 года состоялась наша с Аллой свадьба.

Народу было немного: самые близкие и верные нам люди.

Хочу представить пару, которая с этого дня стала самой близкой и родной для нашей новой семьи.

Лида, близкая подруга детства Аллы, и ее друг *Евгений Александрович* стали мне сестрой и братом. Они вскоре после нас со-

четались брачным союзом и живут в мире и согласии вот уже 43 года. Без этой семьи мы не представляем нашу жизнь. Доброта, отзывчивость, преданность — вот чувства, нас объединяющие. Лидия Борисовна была и остается искренней сестрой Аллочки. Я счастлив, что рядом с женой и в горести, и в радости такой бескорыстный человек.

Наша дружба проверена и зацементирована временем.

Наконец, я познакомился с отцом Аллы. У меня остались самые теплые и светлые воспоминания об этом неординарном человеке. Дочь очень похожа на него. Он был красив, статен, добр, очень порядочен. У него были золотые руки: за что ни брался, все получалось. Я тоже любил мастерить, и у меня неплохо получалось, но его изделия выглядели лучше.

Мы с ним подружились. Я его очень любил, уважал, как и все, кто был с ним знаком. Александр Александрович — заядлый рыбак, все свободное время пропадал на рыбалке. У нас всегда была свежая рыба. Он сам жарил ее или готовил уху. Кормил ею всех, кто бывал у нас дома, в том числе и мою съемочную группу. Он много читал. Кроссворды решал мгновенно. Его эрудиции мог позавидовать любой. Он знал российскую историю досконально, и не только российскую. Спорить с ним было трудно: он доказывал свою правоту, страстно обосновывая реальными фактами. Я многому научился у него, гордился, что у меня умнейший тесть, радовался, что именно его дочь стала моей любимой женой.

Но вернемся к свадьбе.

В то время в Москве Фрунзик Довлатян снимал свою знаменитую картину «Здравствуй, это я». Композитора картины Мартина Вартазаряна я пригласил на свадьбу. Он и стал тамадой.

Праздник продолжался почти до утра. Было весело. Нам с Аллой желали долгой и красивой жизни. А я дал сам себе слово быть рядом с женой до тех пор, пока мы увидим счастье наших детей и внуков.

Простите, на секунду отвлекусь — сниму телефонную трубку.

Ну вот, радостное сообщение. Сын звонил. Сегодня 10 августа 2011 года.

Он сообщил, что мой любимый внук Александр Виленович поступил в медицинский институт. А это значит, у нас уже целых три врача в семье — династия.

Интересная деталь после свадьбы.

Утром в дверь нашей спальни кто-то очень тихо постучал. Не вставая с постели, Алла спросонок сказала:

— Открыто!

Медленно открывается дверь, и на пороге появляются, улыбающиеся, мой отец и дед Аллы, Паша. У отца в руках большое красное яблоко. По армянской традиции, такое яблоко приносили молодоженам после первой брачной ночи, в знак… Ну, сами знаете, в знак чего… Алла ничего не поняла, а я с ухмылкой сказал отцу по-армянски:

— Отец, спасибо, но это произошло раньше!..

Отец восторженно закричал:

— Настоящий сын своего отца!..

Когда домашние узнали, о чем речь, долго все смеялись.

Вот так!..

Через пару дней мы вылетели в Ереван. Там тоже ждали нас, тоже хотели разделить мою радость. Я волновался. Как-то тревожно было. Как воспримут родные, близкие, друзья мой брак с русской девушкой?

Прилетели рано утром. С нами были Анна Павловна, тетя Ася. Встреча была теплой. Братья, мать и еще какие-то родственники подошли к Алле, мама поцеловала и сказала: «*Добро пожаловать, доченька, в наш старый, но дружный семейный очаг. Пусть счастье сопровождает вас до самой старости…*» Поцеловала трижды Аллу и подошла к Анне Павловне: «*Нас должна объединять дружба, а еще любовь наших детей. Я уверена, они вместе построят счастливую семью…*» Естественно, мать говорила по-армянски, а переводил отец. Анна Павловна, кивая головой, как бы соглашалась с ней.

В доме ждали все-все родственники и с папиной, и с маминой стороны. В этот день я убедился, что меня любят. А дядя Дро сказал: «…*Слишком долго мы ждали этого дня. Ну, что это такое: в 34 года только взялся за ум. Главное, свершилось! Пусть всег-*

Первые дни после свадьбы в Ереване!

да у вас будет много радости в доме. Крепкого здоровья вам, чтобы моей сестре подарили много-много внуков…».

Жизнь входила в свою обычную колею.

На студии искренне поздравили меня друзья, руководство, а Марат Гургенович сказал: «*Ну, хотел остаться в Москве, видишь, Москва сама переехала к тебе. Поздравляю от всей души. Теперь твой творческий потенциал повысится многократно…*».

Как всегда, этот доброжелательный человек был прав. Действительно, за какую работу ни брался, она получалась безупречной.

Через несколько дней Анна Павловна вылетела в Москву. В аэропорту она, не сдерживая слезы, сказала: «*Вилен, береги дочь, она у меня, как знаешь, одна. Ваши нравы незнакомы ей. Единственная опора — это ты. Как она выдержит незнакомую среду, обычаи, традиции, не зная языка, — все зависит только от тебя. Не знаю, настоящая ли у вас любовь, но, если она такова, вы пройдете все трудности без преград!*» Я ответил: «*Поверьте, у нас все настоящее!*»

Дома жена и мать привыкали друг к другу. Мать учила невестку премудростям армянской кухни, знакомила с нашими традициями, обычаями. А тетя Шушик, мамина сестра, и мои невестки наперебой говорили и говорили с Аллой по-армянски. Алла нравилась всем. Ее доброта, умение дарить людям тепло, уважи-

тельное отношение к взрослым подкупали, и она вскоре стала любимицей семьи.

А я продолжал работать. Естественно, старался больше бывать дома.

В конце 1965 года я вернулся к теме, которая долгие годы не покидала меня. Как-то в одном из номеров журнала «Советский физкультурник» я прочитал заметку «Решающий бросок», герой которой, болгарин по национальности, вспоминал одну историю времен войны.

Группу военнопленных солдат, среди которых был молодой человек-баскетболист, вывели немцы на площадку для расстрела. А потом решили позабавиться. Наскоро сколотив баскетбольный щит, предложили: *«Кто забросит в корзину из десяти мячей восемь, спасет всех от смерти».* Молодой баскетболист берется за нелегкую задачу, забрасывает не восемь, а все десять мячей. Но и этим не спасает своих друзей.

Тема, давно меня волнующая, дождалась своего часа. Я написал сценарий, показал Марату Гургеновичу и Джону Киракосяну, получил *добро*.

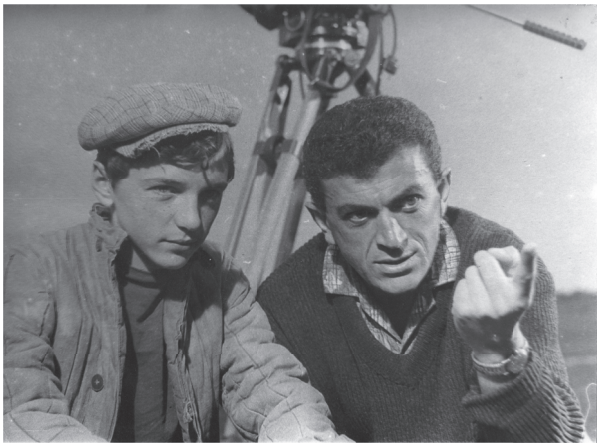
И в начале 1966 года приступил к картине «Последний бросок».

Но до этого радостного часа у нас с Аллой случилось большое горе. Мы потеряли своего первого ребенка. Настроение, естественно, ужасное, но через какое-то время мы смирились с утратой. Чтобы Алле было спокойнее и уютнее, я отправил ее в Москву к родителям, ведь она еще училась в институте, надо было сдать весеннюю сессию. А я продолжил работу над фильмом.

Итак, в середине мая я со съемочной группой выехал в Краснодар для выбора натуры.

В драматическом театре Краснодара нашли актера на главную роль — Владимира Мартенса, которого утвердили без пробы. Он нам понравился в одном из спектаклей, и другие актеры были приглашены из этого же театра. Роль героя была поручена Левону Тухикяну, из театра Грачя Капланяна. А вот младшего героя фильма никак не могли найти. Помог случай. Однажды, мы со Степаном отдыхали, сидя на скамейке в парке. Мимо прошла группа мальчишек. Степа вдруг сказал: «Смотри! Вот наш ге-

Вот он — наш младший герой



рой!» Вскочил с места, догнал ребят и уговорил Игоря, так звали одного из мальчиков, сниматься у нас. Потом мы узнали, что ему 16 лет, что он играет в баскетбол. Это была удачная находка. Все складывалось хорошо…

До начала первого съемочного дня я позвонил в Москву. Аллы не было дома. Отец ее на мои вопросы отвечал вначале как-то невнятно, а потом сообщил жуткую новость: Алла лежит в больнице с сотрясением мозга. Ее сбила машина. Первое мое решение — ехать в Москву. Отец Аллы по этому вопросу рассуждал очень трезво и предложил продолжить работу над картиной, а за Аллой они с матерью поухаживают. На том же настаивала и съемочная группа, так как для картины нам был отведен очень короткий срок: если я уеду, то фильм не будет снят. Значит, моя мечта останется мечтой. В Москву я не поехал!..

Алла до сих пор иногда попрекает меня за это, но все же понимает: приехал бы, не было бы фильма, моего любимого — «Последний бросок». Хорошо, что меня поддержали и родители Аллы, и моя съемочная группа. Все обошлось: Алла выздоровела, фильм успели снять к сроку.

Работали с семи утра до поздней ночи. В массовках мы снимали местных жителей, бывших фронтовиков. И в этом был успех картины, его достоверность и правдивость. Участники, увлеченные работой, часто не хотели покидать съемочную площадку. А ведь

тогда оплата была низкая: каждому участнику массовой сцены выдавалось 70 !!! копеек в день. Актерам по 3 рубля. Стыдно говорить, но я как автор и режиссер за картину получил всего 200 рублей. Сейчас, конечно, все это кажется смешным. Но тогда… Да что уж теперь говорить об этом…

За 10 дней мы завершили съемки. А через месяц картина вышла на экран.

Интересный случай произошел в период съемок.

Вечером, когда мы возвращались домой, наш автобус остановил мужчина, попросил довезти до Краснодара. Вошел в автобус и окаменел. Ребята пригласили его сесть, а он ни с места. Стоит и стоит, вытаращив глаза. И вдруг мы расхохотались — поняли, в чем дело. Ведь в автобусе ехали актеры в немецкой форме, с автоматами и собаками. Пассажир, видимо, сильно напугался, попросил высадить его. А мы и потом весело шутили и смеялись. Но недолго длилось веселье. У поста ГАИ нас остановили вооруженные милиционеры. Как потом оказалось, наш горе-пассажир позвонил им и предупредил: на автобусе к городу едут вооруженные немцы. Веселью и нашему, и гаишников не было предела.

В начале ноября 1966 года в столице Украины проходил Первый Всесоюзный фестиваль телефильмов. По военной тематике были представлены два фильма: многосерийный Сергея Колосова «Вызываю огонь на себя» (показать должны были только первую серию) и наш короткометражный «Последний бросок». Участников, зрителей, профессионалов кино было много. Система показа следующая: демонстрировался фильм по телевизору, стоящему в зале, и на экранах зрителей Украины. Впервые зрители имели возможность голосовать, выразить свое отношение к просмотренному, т.е. зритель как бы становился «членом жюри».

Настал день показа «Броска». Волновались мы ужасно. После просмотра в зале на время воцарилась тишина. Мы слышали даже биение своих сердец… Неужели провал?? Секунды казались вечностью. И вдруг… Зал встал. Аплодисменты! Крики «Ура!» Это была победа!

При подсчете голосов жюри оказалось в затруднительном положении: кому дать большой приз? 80% зрителей проголосо-

вало за «Бросок». А приз только один. Решено было присудить два главных приза: за полнометражный фильм — картине «Вызываю огонь на себя» и за короткометражный — «Броску». Нас везде встречали зрители, поздравляли, желали успехов. Однажды во время обеда к нашему столу подошел режиссер грузинского телевидения и, поздравив с успехом, поставил на стол бутылку шампанского, на которой мы прочитали: «*Чтобы это был не последний бросок!*»

После фестиваля я прилетел в Москву разделить успех с любимой женой. Она чувствовала себя уже лучше, но еще мучили головные боли. Кстати, прошло 48 лет, а боли эти до сих пор дают о себе знать. Всей семьей отпраздновали мою большую удачу, и, главное, я получил прощение Алены.

Тем временем нашу картину отправили в Тбилиси на Кавказский кинофестиваль «Прометей». К сожалению, я не был там. Вскоре мне позвонил Степа и сообщил, что «Бросок» получил Большой приз, а мне вручили приз за лучшую режиссуру.

Кадр из фильма «Последний бросок»

Кадр из фильма «Последний бросок»

Да, «Последний бросок» стал моим талисманом на всю жизнь…

Я совершенно уверен, что картина имела успех не только из-за сюжета и режиссуры. Музыка композитора Мартина Вартазаряна стала еще одним героем фильма. «Булик», так мы дружески называли Мартина, этого милого, с большим чувством юмора, улыбчивого, с добрым сердцем человека. Он проникся сюжетом фильма, создал прекрасную музыку. Его музыкальные акценты в трагические моменты жизни героев, его отточенная партитура — это 50% успеха фильма.

Благодарю тебя, друг мой, за успешную совместную работу.

Вскоре я вернулся в Ереван, чтобы приступить к новому фильму. На студии меня ждал сюрприз.

Утром следующего дня я был приглашен к Джону Сааковичу. Он, выйдя из-за стола мне навстречу, сердечно приветствовал и поздравил с большим успехом картины. Затем положил передо

мной лист бумаги. Прочитав его, я от неожиданности смог только пробормотать: «*Что это значит, Джон Саакович?*»

— Это письмо от председателя Госкомитета радио и телевидения СССР. Предлагают тебя переехать в Москву, на вновь открывающееся объединение «Экран» при Останкино. Ну, как, заманчиво?.

— Неожиданно. Даже не знаю, что и сказать… — с трудом выговорил я.

— Почему неожиданно? Все правильно. Выбирают лучших. А ты своим фильмом доказал это. Перед тобой откроется большая перспектива! Москва есть Москва! Ты не спеши с ответом, подумай и решай. Посоветуйся с Маратом Гургеновичем, с родными. Мне очень приятно, что они выбрали именно тебя. Это после киевского и тбилисского фестивалей. Только, честно говоря, мне будет очень больно расставаться с тобой…

Дорогой мой человек, как всегда, оказал на меня благотворное влияние.

Разговор с Мариносяном был долгим и как всегда полезным.

Мы сидели у него в кабинете и вели приблизительно такую беседу:

— *Что касается приглашения, я в курсе,* — начал Марат, — *только я долго думал, стоит ли тебе ехать? Да, Москва поможет развить твои способности, осуществить интересные идеи и проекты. Окружит тебя интересными людьми. Только вот, понимаешь, в Москве очень сильна редактура и цензура. Малейший политический промах может обернуться не в пользу художника. А, как знаешь, никто от такой ошибки не застрахован. А здесь ты дома. Ты наш! Мы верим в своих людей. Мы открыли вам дорогу и отвечаем за вас. А там, извини, ты «чужой», новенький. Все надо начинать сначала. Понимаешь? Конечно, решать тебе…*

Домашние единогласно поддержали предложение Марата Гургеновича остаться на студии. Главный человек жизни, моя мать, не сказала ни слова. Она сидела на диване и молча смотрела на меня. И этого было достаточно. Все! Решение было принято мгновенно. Я не в состоянии был, вернее, не имел права подвергать еще одному испытанию мою мать.

Я отказался от приглашения!

И Марат Гургенич, и Джон Саакович с восторгом приняли мое решение.

А как восприняли Алла, ее родители мой отказ? Ведь я обещал, что при первой же возможности перееду в Москву. А тут, вот тебе. Конечно, мой поступок похож был на обман. Но меня успокоило мнение моей жены. Она поняла, приняла мое решение и одобрила его.

65-й, 66-й и 67-й годы для меня были удачными.

Самой большой радостью в 1967 году было сообщение Аллы: «*Мы ждем наследника!*»

В 1967 году 2 апреля мы официально зарегистрировали наш брак, и Алла выехала в Москву к родителям на сохранение нашего будущего малыша…

В начале 1967 года студия планировала фильм о композиторе Арно Бабаджаняне.

Здесь я хочу ознакомить вас с моей статьей «*История одной фотографии*»…

…Рассказ мой пойдет о фотографии, вернее, о встрече двух великих армян за игрой… в нарды, которая стала исторической…

…В 1967 году мне посчастливилось приступить к съемкам картины «Арно Бабаджанян — твой современник», которая посвящалась замечательному композитору и по значимости должна была занять высокое место.

Сценарий написал мой друг, талантливый драматург, великолепный мастер Андрей Вердян, к сожалению, очень рано ушедший от нас. Он нашел оригинальный ход для повествования о композиторе, пианисте и человеке — Арно Бабаджаняне. Необычное сочетание — слияние музыки с дикторским текстом — стало образцом для многих, пишущих для современного кино.

Имея под рукой крепкий сценарий и режиссерские разработки, мы готовились приступить к первому этапу картины — подготовке. Вдруг нам сообщают из Москвы, что Бабаджанян тяжело болен и находится в подмосковном санатории «Архангельское» Министерства обороны СССР.

Слева направо: Арно Бабаджанян, его сын Араик, я, оператор Лаэрт Погосян, Тигран Петросян и ассистент фильма Владимир Григорян

Дирекцией студии было срочно принято решение: без подготовительного периода сразу приступить к съемкам и немедленно снимать кадры, связанные с Бабаджаняном.

Через пару дней съемочная группа уже находилась в санатории «Архангельское».

Арно Арутюнович уже знал о нашем приезде и с радостью дал согласие «беспрекословно» выполнять наши требования.

Мы спешили…

Врачебное заключение нас очень тревожило. Ходили слухи, что Арно обречен и надо быть готовым к самому худшему.

А Арно Арутюнович, неисправимый оптимист, шутил, «травил» анекдоты, рассказывал о своей жизни, о товарищах-коллегах. Его неповторимый юмор, порою колючий, всегда уместный, красной нитью пронизал весь съемочный период.

Вот один из случаев.

Мы с Бабаджаняном прогуливались по территории санатория, вдруг он повернулся ко мне и с каким-то сарказмом сказал:

Встреча с великим Мартиросом Сарьяном. Слева Лаэрт Погосян, справа я. Мартирос Сергеевич, обращаясь к нам, сказал: «Что снимаете фильм о замечательном композиторе Бабаджаняне, это справедливо. Но АРАРАТ еще находится у них… Верните, верните священную гору. Вы еще молодые, вы еще успеете…» Кадр из фильма «Арно Бабаджанян»

— Слушай, твой оператор не теряется. К даме пристает.

Я посмотрел в сторону аллеи, где Лаэрт беседовал с незнакомкой, присмотревшись, рассмеялся:

— Арно Арутюнович, это же Тереза, ваша жена…

— Как, Тереза? Боже мой! Ты смотри, какая у нее красивая попка. А я до сих пор и не замечал. Надо же…

Вот такой был Арно…

Многих известных людей мы приглашали в «Архангельское» для встречи с Бабаджаняном.

С особым интересом, конечно, мы ждали приезда Тиграна Петросяна — чемпиона мира по шахматам.

В тот день у Арно были сильные приступы, но все же он предложил мне ждать Петросяна в парке.

На улице была весна — холодная.

Мы сидели на скамеечке и беседовали.

И вдруг Арно прервал меня и неожиданно спросил:

— Скажи, Вилен, только честно, тебе что-то известно?

— Вы о чем, Арно Арутюнович? — сначала я не понял вопроса.

— Что-то вы очень спешите, — с иронией сказал он.

Теперь я понял…

Мы действительно спешили, снимали почти без дублей, без особых разработок сцен, планов, кадров. Как только Арно Арутюнович чувствовал себя лучше, включали камеру.

Чуткий, досконально знающий всю кинематографическую кухню, он не мог не заметить нашу спешку. Секунду я был в замешательстве — что ответить?

Из довольно-таки неловкой ситуации помог мне выйти Тигран Петросян. Именно в этот момент в сопровождении нашего директора картины Владимира Александряна он прибыл.

Увидев его, я вскочил с места и почти крикнул:

— А вот и Тигран Вартанович!

Арно Арутюнович встал и, как бы только для меня, прошептал:

— А ты, Вилен, ростом маленький, но большой хитрец…

— Спасибо! — распознав иронию, довольный, ответил я.

С Тиграном Вартановичем мы были знакомы. Он дружил с моим старшим братом, заядлым шахматистом. Когда Петросян приезжал в Ереван, обязательно гостил в доме брата вместе с Лорисом Калашяном — шахматистом и ученым. Эти дни были для нас праздником.

— Моему другу добрый день! — крепко обняв Арно, тепло приветствовал Петросян.

— Барев, Тигран джан — ничего, что не мы приехали к чемпиону, а он сам к нам?

— Во-первых, наши армяне любезно доставили меня, а во-вторых, приехать к самому Бабаджаняну — это выше чемпионского титула.

— Я рад видеть тебя, Тигран джан!

Они опять обнялись.

— Познакомься, Вилен Захарян, режиссер нашего фильма. А это Лаэрт. Оператор. Как фамилия?

— Погосян, — вмешался я.

— Ну а с Владимиром Петровичем ты уже знаком, директор картины.

— А я с Виленом тоже знаком, — сказал Тигран и продолжил, — хорошо знаю его брата Григора, его семью. Милейший человек, необыкновенная личность и, кстати, хороший шахматист. Как он там? — обратившись ко мне, спросил Петросян.

— Спасибо, все хорошо.

— Мои самые наилучшие пожелания ему и его очаровательной жене, — заключил Тигран Вартанович.

— Непременно передам. Спасибо!

Петросян выглядел прекрасно, с удовольствием общался с нами, был прост и очень разговорчив, интересовался жизнью каждого, успехами армянского народа.

Говоря честно, видеть Чемпиона таким никто не ожидал, потому что многие говорили, что он горд, необщителен, амбициозен. Ничего подобного. Мы встретили добродушного Человека и были бесконечно рады этой встрече.

Нам нужно было срочно решать, как снимать двух гигантов, двух мастеров своего дела. На помощь пришел Арно Арутюнович: «*Давайте за игрой в нарды. Мы с Тиграном играем, а вы снимите нас с любой точки, как вам удобно. Заодно и поговорим*». Идея сразу мне понравилась. Я дал команду готовиться к съемке. Принесли нарды.

И тут Петросян остановил нас:

— *Подождите! Постойте! Вы не учли очень важный момент.*

— *Что такое?* — поинтересовался Арно.

— *А если я проиграю?* — серьезно спросил Тигран Вартанович.

Мы все рассмеялись, отлично понимая, к чему клонит гроссмейстер.

— *Тогда придется тебе оставить свой чемпионский титул здесь и уехать домой простым шахматистом*, — ехидно сострил Арно.

— *Ты же знаешь, что я не люблю проигрывать,* — возразил Петросян.

— *Во-первых, об этом никто не узнает, это я тебе обещаю. Правда, ребята? И во-вторых…*

— *Подожди. Ты что, думаешь обыграть меня? В нарды?* — хорохорился Тигран.

— *Я не думаю. Я уверен. Потому что я тоже не люблю проигрывать.*

— *Вы записали слова маэстро Бабаджаняна?* — обратился к нам Петросян.

— А съемка уже давно идет, Тигран Вартанович, как вы вошли в эту комнату. Так что записали не только слова маэстро, — ответил я.

— *Значит, действует система скрытой камеры? Ну что ж, будем играть. Только как вы будете скрывать побежденное лицо всеми любимого композитора, не знаю*, — продолжал шутить Тигран.

— *А ты не волнуйся. В этот момент крупным планом покажут изумленные глаза шахматного короля…*

Шутливый диалог между королями музыки и шахмат продолжался всю игру.

Началась историческая игра…

Почему «историческая»? Потому что ни до и ни после этих съемок они никогда больше не играли в нарды между собой.

А как играли! С каким настроением! Какими словами они подкалывали друг друга! Это надо было слышать и видеть.

Был момент, когда мы так увлеклись игрой, что Лаэрт забыл включить камеру. Мы следили за игрой, как заядлые болельщики…

Азарт достиг своего апогея: началось решающее «сражение».

И тут-то случилось неожиданное.

При счете 4:4! (представляете, какая эта была игра!?) Арно Арутюнович вдруг предложил *НИЧЬЮ!*

Петросян долго и громко смеялся.

Естественно, мы тоже.

— *НИЧЬЯ — это твое ХОББИ. Что смеешься?* — не очень удачно сострил Арно.

— *Дорогой мой, чтоб ты знал, все мои НИЧЬИ равны победе. Бросай, бросай!* (он имел в виду игральные кости)

Мы все дружно аплодировали.

Из рук Арно зары (косточки) заскакали по нардам.

Этот поединок закончился…

Нет, пусть простят меня читатели, хочу остаться верным клятве, данной в те дни: в фильме не озвучивать этот диалог между героями и из изобразительного ряда убрать окончание этой виртуозной баталии, чтобы по выразительным лицам героев никто не узнал ПОБЕДИТЕЛЯ!

Пройдут годы.

Арно Арутюнович в то время, конечно, выздоровел, но… ненадолго.

Я невольно вспомнил слова Бабаджаняна, адресованные Петросяну после той знаменитой встречи:

«Все виды игры для него были одинаково доступны. Великий САМОРОДОК!»

Сегодня, глядя на эту фотографию, думаю: боже мой, какая все-таки у меня замечательная профессия. Благодаря ей, я всю свою творческую жизнь встречался, запечатлевал, увековечивал на кинопленке десятки великих, талантливых, прекрасных соотечественников — людей, чьи имена сегодня с гордостью произносит не только каждый армянин, но и весь интеллектуальный мир!

Картину мы завершили через месяц. По приезде из Москвы показали руководству Комитета и студии телефильмов «Ереван». Было принято решение представить фильм на конкурс на 2-й Всесоюзный фестиваль телевизионных фильмов в Москве.

Интересный факт. Когда Арно Арутюнович первый раз посмотрел картину, мне показалось, что он был не очень доволен. «Пока ничего не могу сказать…» — как-то нерешительно сказал маэстро. А на презентации, где собрались поклонники ЕГО музыки, друзья, коллеги, ОН вместе со всеми аплодировал картине стоя…

— *Да, Вилен. Хоть ты и маленький, но… талантливый!* — крепко обняв меня, сказал Арно Арутюнович.

Съемочная группа с семьей Бабаджаняна

Итак, в декабре 1967 года «Арно Бабаджанян — твой современник» стал участником Второго Всесоюзного фестиваля телевизионных фильмов. Опять волнения. Опять переживания. Опять ожидания… Нашу делегацию возглавлял Марат Мариносян. Как всегда, полный оптимизма, он успокаивал нас, с уверенностью повторял: «*Я знаю, С ЧЕМ мы приехали на этот фестиваль! Все будет хорошо!*»

Картина получила Большой приз за лучший музыкальный телевизионный фильм. Председатель Союза композиторов Тихон Хренников вручил нам приз в виде великолепной палехской шкатулки, на которой изображен сюжет из сказки «Конек-Горбунок».

После награждения ко мне подошел грузинский режиссер Сережа Евлахишвили, сказал: «*Дорогой Вилен, пора тебе переехать в Москву. Я понимаю, тебе дорога Армения, и мне дорога Грузия. Но я решился. И не сожалею. Подумай, мой талантливый друг*»…

После успешного окончания фестиваля.
На снимке: автор сценария Андрей Вердян, звукооператор Фрунзе Амирханян, я, Зорик, брат Роберта Баблояна, Роберт, Марат Мариносян, оператор Лаэрт Погосян и режиссер Аркадий Айрапетян

СВЕРШИЛОСЬ!

В 1967 году, 30 декабря в Москве раздался крик нового ЧЕЛОВЕКА.

Родился наш сын!

Родился новый армянин!

Родился мальчик.

Родился человек, который наполнит дом Захарянов и Горнье радостью, гордостью, счастьем.

Как это было?

В тот зимний декабрьский день мы с другом Рудольфом в ресторане «Россия» отмечали успех нашего фильма. После двенадцати ночи я пошел домой. Тогда мы жили в Курсовом переулке около метро «Кропоткинская». Меня что-то беспокоило, я почти бежал.

Когда открыли дверь, я увидел следующую картину: Сан Санич, так я называл отца жены, Анна Павловна, Алена сидели в зим-

них одеждах… Я понял, в чем дело, протрезвел и тихо спросил: «Что? Уже?»

Потом узнал, что схватки у Алены начались давно, но она наотрез отказалась идти в больницу без меня.

Родная моя! Тысячу извинений! Прости!..

Мы вышли на улицу и по Гоголевскому бульвару тихо направились в сторону роддома имени Грауэрмана, что на Арбате.

Пушистый снег падал на аллею. С одной стороны поддерживал Аллу я, с другой мама, а отец при схватках растирал ей спину.

Наконец, мы дошли до роддома.

Вскоре после всех процедур за Аленой закрылась дверь РОДИЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.

Постояв какое-то время около двери, мы вышли на улицу.

Большие снежные хлопья кружили над нами. Белые, пушистые.

— Ну, что? Пошли? Ждать бесполезно, — тихим, дрожащим голосом сказал Сан Санич, — утром позвоним и все выясним.

— Вы идите. Я догоню вас.

— Пошли домой. Ты же легко одет. Не хватало еще и простудиться, — заботливо произнесла Анна Павловна.

— Я недолго. Хочу побыть один. Вы идите.

— Ну, смотри, — взяв под руку жену, уходя, сказал Сан Санич.

Когда их почти уже не было видно за снежной стеной, я сел на лестницу у роддома и, как мальчишка, разрыдался…

Утром позвонили в роддом. Сообщили, что Алена чувствует себя хорошо, но… пока ничего нового нет. Остаться дома и ждать я не мог. Вышел, позвонил Рудику, сообщил ему обстановку и попросил встретиться около роддома. Мы подошли к дежурной: «Горнье Алла Александровна. Есть новости?» — с волнением спросил я.

Ах, как долго она искала фамилию Алены.

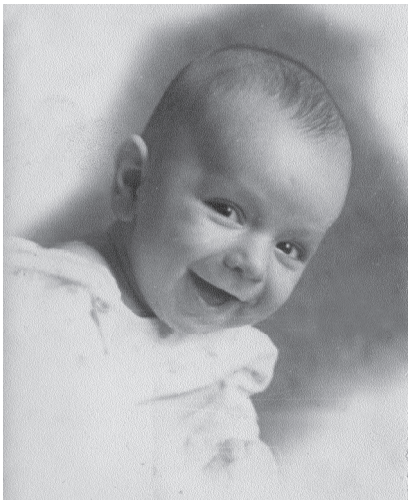
— Ну! Может, очки вам принести? — не выдержал Рудик.

— Успокойтесь, молодой человек. Вы же не одни здесь. Так, Горнье Алла Александровна…

— И?

— …Пока ждем. И вы ЖДИТЕ! — закрыв журнал, сухо успокоила нас дежурная.

Появился Сан Санич. Анна Павловна ушла на работу.



Итак, на свет появился еще один Вилен — Вилен Виленович Захарян…

Рудику нужно было пойти на К-9 получить перевод. Сан Санич остался, а мы направились к Центральному телеграфу. Оттуда я позвонил в больницу. На том конце провода произнесли: «…*Приезжайте, все узнаете*». Я переспросил: «*Она родила?*» Ответ был тот же: «…*Узнаете на месте*».

Мы с Рудольфом, не ожидая никакого перевода, устремились к роддому. Ноги мои стали тяжелыми, как будто гири привязали к ним. Волнение и страх — все смешалось.

Как только вошли в здание, услышали Сан Санича: «*У нас родился внук. У тебя сын родился, родной ты мой…*» Мы крепко обнялись и долго не могли оторваться друг от друга…

Это случилось в Москве 30 декабря 1967 года, в 15.00.

У нас с Аленой был уговор, если родится мальчик, назовем Виленом, а если девочка — Еленой.

…Встретить сына и Алену, помимо родителей, приехали мои давние друзья Роберт Баблоян с братом Зориком. Они с собой принесли армянский флаг. И когда Алена вышла с ребенком на руках, Роберт кинулся к ним и укутал малыша в этот флаг. Под общие рукоплескания мы отправились домой…

Праздничный стол уже был накрыт. Роберт с шумом «выстрелил» шампанским, и первый тост посвятили Алене. Как всегда, Роберт своей речью украсил праздник. Произнося тост за сына как нового армянина, он сказал: «*Вилен Виленович должен быть верен, во-первых, этому флагу, во-вторых, быть таким же талантливым человеком, как его отец. С праздником вас, дорогие мои!..*»

Роберт Баблоян.

Мы познакомились в Ереване. Очень быстро подружились. Я очень уважаю Роберта. Ценю его, истинного и верного товарища, человека большой эрудиции, большой души, мудрого художника, честного журналиста. Человека с добрым сердцем, любящего отца и деда, ценителя женской красоты, покорившего не одно женское сердце.

Роберт Завенович спустя годы стал тамадой и на свадьбе моего сына. Друг, который верил в будущее моего сына. Сегодня он гордится им. Искренне радуется его успехам.

Нашей крепкой дружбе уже 50 лет.

…Прости, читатель. Из Еревана пришло еще одно грустное известие. Скончался мой старый друг, сослуживец, кинорежиссер Жирайр Аветисян. Личность. С ним я работал 36 лет на телевидении Армении.

По этому поводу я написал прощальное письмо.

Вот оно:

«Дорогие друзья!

Позвольте через вашу газету сказать слова прощания моему ДРУГУ.

ДРУГУ всего армянского телевидения.

ДРУГУ студии телефильмов «ЕРЕВАН».

Большому ДРУГУ телезрителей моего поколения.

Ушел из жизни человек, дорогой всем нам, армянским служителям телевидения. Один из ярчайших людей современной Армении. Личность, отдавшая свою жизнь процветанию армянского телевидения.

Это ОН в далеком 1956 году открыл первый кадр на телеэкранах, оповестив свой народ о рождении чуда — маленького экрана.

Это ОН стал первым основателем студии телефильмов «ЕРЕВАН».

Это ОН снял первый полнометражный телевизионный художественный фильм «Шаги», где состоялся кинодебют Армена Джигарханяна.

Это ОН впервые открыл мне дорогу в большой кинематограф, в котором мы вместе жили и творили почти 36 лет.

Это ОН воспитал много молодых режиссеров и операторов, которые в дальнейшем стали известными покорителями армянского телевидения.

Ушел из жизни невероятно добрый Человек.

Ушел из жизни Человек — любимец тех, кто был рядом с ним и кто под его руководством творил истинно талантливые произведения.

Жирайр Григорьевич Аветисян.

Кинорежиссер. Заслуженный деятель искусств Армении.

Сегодня я склоняю свою голову перед моим ДРУГОМ и говорю спасибо, что ОН был, что ОН навсегда останется в сердцах друзей и моем.

Пусть это письмо будет напоминанием для молодого поколения, которое должно знать и уважать своих известных АРМЯН!..»

…После рождения сына я вернулся в Ереван продолжать работу над новыми проектами.

Рассказать, с какой радостью встретили меня, свежеиспеченного отца, мои родители, братья — наверное, не найду слов. Мать радовалась, что внука назвали Виленом. Она сияла, бесконечно обнимая меня.

Через несколько дней мне позвонили из Госкомитета. Надо срочно явиться к председателю по важному вопросу.

Джон Саакович подошел, поприветствовал, поздравил меня. В кабинете сидел незнакомый мне человек, русский. Нас познакомили.

Товарищ оказался представителем Госкомитета радио и телевидения СССР.

— Ну, что? — начал Джон Саакович. — Видимо, на этот раз тебя придется отпустить. Вот, специально из Москвы приехал представитель Госкомитета, чтобы забрать тебя в столицу. После твоей победы на Московском фестивале товарищи приглашают тебя на вновь открывшуюся студию «ЭКРАН» при Останкино, работать с предоставлением жилья. Что скажешь?

Я был в шоке. Молча смотрел на гостя. Товарищ обратился ко мне по имени и отчеству, что меня тоже поразило:

— Уважаемый Вилен Хачикович. Позвольте поздравить вас с рождением сына.

— Спасибо!

— Мой приезд в Ереван, — спокойно продолжал гость, — преследует одну цель. В прошлом году на ваше имя было отправлено письмо от председателя Гостелерадио СССР с приглашением на работу в Москву в объединение телефильмов «Экран». Это совсем новая структура, куда мы приглашаем молодых талантливых людей из разных республик. Тогда было письменное приглашение, но вы отказались. А теперь, как видите, за вами прилетел я, особый представитель. Хочу проинформировать вас, что сейчас на «Экране» уже приступили к работе более 20-ти приглашенных режиссеров и операторов. Знающие вас коллеги тепло отзывались о вас и надеются на совместную плодотворную работу. Не спешите с ответом. Подумайте. Посоветуйтесь с семьей. Я еще два-три дня побуду в Ереване. Если за это время решитесь принять приглашение, то можем вместе вылететь.

Я долго молчал. Посмотрел на Джона Сааковича. Ждал его помощи. Он понял и включился в разговор:

— Честно говоря, для нас это большая честь. И особенно приятно, что вот уже второй раз обращаются именно к тебе, Вилен Хачикович. Естественно, опять-таки решать тебе. Тем более, сейчас, когда родился сын. Будешь рядом, будете жить вместе, всей семьей.

Я чувствовал внутреннее состояние моего шефа. Почему-то на этот раз он говорил как-то не очень убедительно. Как-то невнятно. Зная его любовь и преданность нашему общему делу, я понимал: он не захочет расстаться с ценным кадром, в частности со мной, к которому относится с особым уважением.

После недолгой паузы я ответил:

— Знаете, я очень люблю Москву. Но я плохо знаю русскую среду, ее нравы, ее обычаи. Творческая фальшь для меня равна потери профессии. Мне уже 36 лет. Сами понимаете, как трудно будет в этом возрасте начинать все сначала. Мне трудно будет войти в новую атмосферу. Как воспримут меня? Как начнется моя новая жизнь? Трудно угадать. Тем более что мне надо будет преодолевать еще и языковый барьер. Что очень важно. Здесь я на родной земле. Пусть зву-

чит пафосно, но я хочу своими фильмами рассказать миру о горькой судьбе моего народа, о его талантливых представителях. Здесь это мне удается. Удается легко, потому что здесь меня окружают верные друзья, преданные коллеги, соотечественники. Я очень люблю мою маленькую Армению. Я здесь родился! И я в долгу у нее. В Москве жена и сын. Москва дорога мне, но работать там я не смогу. Прошу извинить меня. Принять довольно-таки заманчивое предложение, простите, не могу. Я отказываюсь. Приношу свою искреннюю благодарность Госкомитету за высокую оценку моего творчества, но принять это замечательное предложение не могу.

— *Ну, что же. Вы ответили аргументированно. Убедили меня в своей правоте. Дай Бог всем нам быть такими преданными своей Родине, народу. Вы достойный его представитель,* — искренне завершил гость.

Посмотрев на Джона Сааковича, я понял: он доволен моим решением.

Не знаю, правильно ли я поступил. Знаю только одно: фильмы, которые создал на Родине, я бы никогда не снял в Москве. Естественно, мои московские родители эту новость восприняли неодобрительно. И только мой главный судья, моя Алена, осознанно подошла к этому решению, одобрив его.

Еще раз СПАСИБО верной спутнице моей жизни!..

Тем временем сын наш подрос, и я просил Алену приехать в Ереван вместе с малышом, порадовать меня и моих родителей. Скоро встретил их в аэропорту. Радости не было предела. Большой, красивый, весь в маму. Очень быстро Виленчик освоил наш легендарный двор, подружился со сверстниками. Интересный факт. Чтобы сын освоил армянский язык, я просил ребят говорить с сыном по-армянски. И что вы думаете? Получилось наоборот. Дети старались говорить с ним только по-русски. Так что эксперимент прошел не в пользу Вилена.

Почти три года жила моя семья в Ереване. Сын стал крепышом, рос не по дням, а по часам, стал всеобщим любимцем.

К сожалению, моя мать не успела уделить ему много внимания и любви. Она уже тяжело болела. Но до сих пор Вилен вспоминает ее теплое отношение к нему.

Второй раз сын приехал в Ереван уже студентом медицинского университета.

Это был год, когда распался Советский Союз и Армения встала на самостоятельную жизненную дорогу…

В период работы на студии телефильмов «Ереван» я часто общался с представителями «Арменфильма» по разным техническим и творческим вопросам. Там работали друзья: Фрунзик Довлатян, Генрих Малян, Григорий Мелик-Авакян, Юрий Ерзинкян. Они были своеобразным маяком для меня. Особенно дружил с мудрым, отзывчивым, доброжелательным, замечательным режиссером Григорием Мелик-Авакяном. Блестяще владея профессией, он бескорыстно помогал молодым, делился своим опытом. Я многому у него научился. Он стал примером для подражания. *Его девиз: «Быть честным в творчестве и никогда не завидовать успехам коллег».*

Особо мы с Аллой дружили с монтажницей Асмик с того же «Арменфильма». У нее была кличка «Старуха». Асмик привязалась к нам и была членом семьи. Нас потрясла, особенно

Аллу, ранняя смерть Асмик. Ей было всего 30 лет. Часто вспоминаем ее добрым словом.

Отказавшись переехать в Москву на работу, я приступил к новому проекту. Иногда жизнь подбрасывала интересные сюжеты для фильмов.

Однажды, подъезжая к Еревану, я обратил внимание на красивую девушку-стрелочницу. Она стояла с флажком в руке и должна была отправить наш поезд в путь. Кто-то из пассажиров бросил ей розу. Девушка поймала ее, улыбаясь. И тут же раздался громкий свист: поезд наш, громыхая, промчался мимо стрелочницы. Я решил, что эта девушка, что была на полустанке, может стать героиней фильма. В голове моей закружились разные сцены, герои, события… Я взялся за ручку, и уже вскоре сценарий был готов. По приезде показал руководству, получил добро и приступил к съемкам вместе со Степаном. Назвали фильм «Мгновение».

Вот его сюжет: Летний знойный день. На одном железнодорожном полустанке работает стрелочницей молодая девушка. Она студентка. Летом во время каникул заменяла на этом месте своего деда. Провожая однажды товарный состав, она обратила внимание на то, что какой-то молодой человек выпрыгнул на ходу из вагона и остался лежать на земле.

Подбежала к нему. Увидела окровавленную ногу. Решив, что парень ногу сломал, она побежала в сторожку за лекарствами. Но, вернувшись, парня не застала. Он исчез. Странно…

Уже в сторожке девушка решила освежиться, облиться холодной водой. Ведь жара была невыносимая. Вдруг она заметила, что к окну подошел ее «знакомый» и во все глаза смотрит на нее. Через секунду он ворвался в сторожку. Девушка, прикрываясь полотенцем, закричала:

— Ты читать умеешь?

— Не понял.

— Что написано на двери? –« Посторонним вход запрещен!»

— Я уже не посторонний.

Успокоившись через несколько минут, они разговорились. Он рассказал, что отсидел в тюрьме ни за что ни про что из-за возлюбленной. Уж очень постарался ее отец — упек его в тюрь-

му. Сейчас парень едет к ним. Разобраться, поговорить! Она уговаривает его не делать этого, понять и простить, не мстить. Ведь его ждут родители, их надо беречь. После этих слов молодой человек подходит к девушке и хочет обнять. Громкий сигнал радиотелефона останавливает его. А девушка с криком: «Будет катастрофа! Рельсы не разведены!» — пулей вылетает из сторожки. Она успевает перевести рычаг стрелки, и вскоре пассажирский поезд, громыхая, пролетает мимо.

Когда она вернулась, парня не было. Он оставил на столе маленький топорик как память о «лучших годах» своей жизни, а под топориком листок бумаги только с одним словом: «Прости!»

Так подробно я рассказываю сюжет фильма, потому что его нет. Он сгорел во время пожара на студии.

Но беда не в этом.

После показа фильма в эфире на студию телефильмов «Ереван» на мое имя пришло огромное количество писем от возмущенных зрителей: как можно показывать армянскую девушку обнаженной. Картину сняли с эфира. Фильм пролежал на полке, пока не сгорел.

Вот так. Я, видимо, опередил время.

Как всегда, я опять обратился к съемкам музыкальных роликов с перспективой объединить их в полноценный фильм. Так родился полнометражный музыкальный фильм «Когда сумерки опускаются над Ереваном», где в основном прозвучали лирические песни Александра Аджемяна.

Первая встреча с Аджемяном состоялась в 1960 году в моем фильме «Голос совести». Для героя этой картины мне нужна была веселая, озорная, шутливая песня, а у Аджемяна такая была записана для радио. Я позвонил композитору и, получив согласие, использовал ее в фильме. После выхода «Голоса совести» на экран песня эта стала очень популярной и любимой. А у нас с Александром Аджемяном началась большая творческая дружба.

Александр Вартанович Аджемян — прекрасный песенник! Мелодичные мотивы его произведений становились известными очень быстро. Их пели все. Да и человек он был хороший, добрый, честный, умел слушать собеседника, понимать его. Мы вместе сделали много фильмов, понимали друг друга с полуслова.

К написанию музыки к фильму он относился ответственно, знакомился с сюжетом, сценарием, героями и только потом приступал к работе. Музыка Аджемяна в каждом фильме была еще одним полноправным героем.

К сожалению, наша дружба в какой-то момент прервалась. И вот почему.

В 1977 году я написал сценарий «Песни Александра Аджемяна». Фильм посвящался моему другу, его творчеству. К съемкам я привлек лучших исполнителей, а снимать их задумал на природе. Но вот незадача: как только выезжали на съемки, начинался проливной дождь. И так весь июль, и август тоже. Пришлось писать руководству студии объяснительную с просьбой пролонгировать срок съемок, перенести их на сентябрь. Но мои доводы не были услышаны. Мне сказали, что уже израсходовано много средств, выделенных на картину, приостанавливать съемки невозможно, надо продолжать работу. Я вынужден был отказаться от картины, написал заявление, которое незамедлительно было подписано главным редактором.

Вечером позвонил Алеша.

— Вилен, я могу узнать истинную причину твоего отказа от съемок фильма? Говорят, ты едешь в Пицунду отдыхать. Правда?

— Дорогой мой друг! Я давно отказался от отдыха и готов был продолжить съемки, но нелицеприятный разговор с директором студии вынудил меня написать заявление. Я с душой взялся за работу, однако…

— Удачного тебе отдыха! — услышал я голос Алеши в трубке.

Утром я вылетел к семье в Пицунду. По прибытии получил телеграмму за подписью председателя нашего Комитета С.К. Погосяна: «Немедленно возвращайтесь».

В общем, что уж тут говорить. Еще раз я убедился, что не все коллеги искренни: наговорили, оболгали, позавидовали, настучали… А чего добились? Погосян, во всем разобравшись, отправил меня обратно к семье.

Жаль только, фильм об Алеше я так и не снял.

Этот случай занозой вонзился в нашу дружбу…

Мы не объяснились…

Я приступил к новой музыкальной картине по моему сценарию «Все билеты проданы» с участием великолепных актеров Армена Хостикяна и Норайра Геворкяна. И, как всегда, оператор — Степан Мартиросян.

Сюжет картины прост. Директор и администратор концертной программы — маги-волшебники. Они вводят актеров в различные ситуации — шутливые, веселые, и на этом фоне идут концертные номера.

Благодаря двум выдающимся актерам, фильм получился довольно-таки забавный и имел успех.

1969 год. В Армении готовились праздновать 100-летие великого армянского писателя Ованеса Туманяна. Председателем юбилейной комиссии был назначен первый секретарь ЦК Армении Кочинян Антон Ервандович.

На студии тоже готовились к этой дате. Было принято решение создать полнометражный цветной документальный фильм «Ованес Туманян». Сценарий написал талантливый литературный и театральный критик Левон Ахвердян. Снимать фильм вначале предложили Марату Мариносяну и Овику Ахвердяну. После месячной подготовки они оба отказались от этой работы из-за каких-то разногласий, возникших между ними.

Джон Саакович Киракосян уговорил меня взяться за эту важную, ответственную работу. Ему, моему кумиру, я отказать не мог и вскоре приступил к съемкам. Надо было спешить! Успеть за полтора месяца вовремя снять, смонтировать, напечатать и вовремя сдать часовой цветной фильм, чтобы не подвести студию, себя и, главное, почетного юбиляра. Нам предстояли съемки в Тбилиси, Боржоми, Кисловодске, Ленинграде, Москве и по Армении — в Лори, Гори, Туманяне — трудная работа.

От Комитета и от студии мы получили карт-бланш. Нам выделили две автомашины, все необходимые технические средства и… благословили.

Назначение директором картины Рудольфа Нерсесяна обрадовало меня: я знал его профессиональные качества.

В те годы директором и главным редактором студии был Шаген Татикян. Правдивый, беспощадный ко всякой лжи, он говорил со всеми одним языком: «*Бездарность должна вешаться, душиться. А талант — своим трудом пробивать себе дорогу: снимать преграды, которые всюду лежат на его творческом пути*».

Это был уникальный человек! Талантливый писатель, талантливый руководитель и собеседник прекрасный.

Время, когда студией руководил Татикян, можно назвать золотым: много было снято прекрасных фильмов. И «Ованес Туманян» не только был сдан вовремя, но и принес студии и его авторам почет и славу.

Большая моя благодарность нашему шефу, другу, коллеге!

Ни секунды мы не оставались без его внимания. Деньги перечислялись вовремя, местные власти заранее были осведомлены о нашем приезде, все было готово. И мы, не покладая рук, работали с утра до ночи. Мы бывали там, где прошел в свое время Ованес Туманян: он любил пешком ходить по окрестным селам. Мы встречались с очень интересными людьми, стариками, которые рассказывали много интересного о Туманяне.

Однажды чуть-чуть похулиганили в дороге.

В горах наш транспорт попал… в окружение: стадо баранов спускалось с гор. Недолго думая, Рудольф Карпович открыл дверцу, быстро поймал овцу и втолкнул ее в машину. Кражу пастух не заметил. Я стал журить «вора», но его поддержала группа, и я вынужден был сдаться.

Вскоре устроили привал, и Рудольф с удовольствием приступил к священнодействию — превращению барана в шашлык. Шумно расположившись у импровизированного стола, мы приступили к трапезе.

И вдруг из-за холма появился ни кто иной, как Вардан Никитович Аджемян, очень известный талантливый режиссер армянского театра. Оказалось, он, член юбилейной комиссии, приехал ознакомиться, как идет подготовка к юбилею. На мой вопрос: «И как вы нас нашли?» — выбрав хороший кусок мяса, он ответил: «Запах шашлыка привел меня к вам».

Получился большой праздник под руководством мудрого тамады, могучего человека и режиссера.

Встреча в необыкновенной «аудитории», зрелищность происходящего надолго останется в памяти. А наш «хулиганский» поступок мы скоро забыли и продолжили съемки.

Однажды приехали к озеру Парвана на очередную съемку. После удачной работы нам захотелось посетить дом, где когда-то родился и жил великий лирик армянской поэзии, любимый мною поэт Ваан Терьян. Узнав у местных жителей, куда идти, мы с радостью направились туда. Дом находился недалеко от озера в поселке Гандза. И, о, ужас!! То, что увидели, не поддается описанию: покосившийся старый дом-развалюха, кругом грязь, полное запустение! Нашему возмущению не было предела. Я попросил Лаэрта все это безобразие снять на пленку. По возвращении в Ереван, написали письмо на имя первого секретаря ЦК Армении А.Е. Кочиняна, в котором подробно описали все, что увидели. Заснятую кинопленку приложили к письму и попросили Антона Ервандовича принять меры для восстановления дома поэта. Как ни странно, но очень скоро дом Ваана Терьяна был восстановлен. Горжусь, что своим скромным вмешательством я причастен к этому событию.

Хочу особенно отметить работу оператора Лаэрта Погосяна. Почти всю картину он снимал, как мы говорим, «с рук». Тяжелая камера в его руках казалась обычной детской игрушкой. Настоящий мастер, он блестяще выполнял все операторские задачи. Его изобразительный ряд потом обсуждали многие мастера-операторы.

Через месяц картина была снята полностью. А еще через 20 дней была в проекционном зале.

К большому сожалению, Джона Сааковича перевели на должность заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КП Армении.

На просмотр пришел третий секретарь ЦК Армении Роберт Хачатрян, который руководил идеологическим отделом ЦК. Ему и было поручено дать оценку картине.

Завершилась демонстрация. Зритель встал и начал аплодировать. Значит, победа! Мы выполнили свое обещание и искренне радовались успеху. Но…

Резко встав с места, Роберт Грачевич обратился к Левону Ахвердяну: «Заберите съемочную группу и ко мне, в ЦК».

Большой группой (к нам присоединились Маврик Давтян и Джон Киракосян) мы приехали в ЦК. В приемной Хачатряна почувствовали волнение, напряжение сотрудников. Что случилось? Войдя в кабинет, мы поняли… У «хозяина» зазвонил правительственный аппарат. Не обращая на нас внимания, Роберт Грачевич снял трубку и как-то подтянулся, видимо, думал услышать кого-то из членов правительства. Но, оказалось, звонил директор оперного театра композитор Геворг Арменян… Из разговора стало ясно: в театре шли споры между дирижером Оганом Дуряном и оперной примой Гоар Гаспарян. Причина ссоры — нежелание Дуряна видеть Гаспарян в роли Ануш.

Поругав директора, обозвав его «буфетчиком», а не директором театра, Хачатрян нервно бросил трубку и, раздраженный, обратился к нам:

— Вы тоже!.. Что за фильм представили? Считаете, это фильм о Туманяне? Почему кроме меня было приглашено так много людей на этот просмотр? Нужны были дешевые аплодисменты за неудавшийся фильм? Бездарность! Я не могу дать разрешения на показ фильма в праздничные дни. Позор!

— *Прошу меня извинить,* — раздраженно начал Татикян, — *вы не умеете смотреть фильм. Вот это позор. А бездарность — это ваш кабинет вместе с его хозяином.*

— Татикян опять в своем амплуа, — ехидно ухмыляясь, ответил Хачатрян и добавил, — говорите, говорите, я привык к вашим упрекам.

Кстати, чиновники настораживались при встрече с Татикяном. Они не в состоянии были спорить с ним. Он в лицо говорил им то, что думал. И они как бы «прощали» ему эти «шалости».

— *Ребята сделали заслуженную работу,* — продолжал Татикян, — *создали настоящий образ поэта, мыслителя, любящего родную землю, свою семью, детей, своих собратьев по перу. Замечательный фильм! Достойный великого поэта.*

— Разве можно так неуважительно относиться к такой работе, — вдруг вмешался Киракосян, — и оскорблять этих незау-

рядных ребят, которые за короткий срок создали прекрасную картину? Не каждый мог бы. Спасибо, ребята. Я верил в вас!

Чуть успокоившись, Хачатрян встал с места и после недолгой паузы спокойно сказал:

— Извините. Этот театр и его «великие» дирижер и певица совсем вывели меня из себя, — подошел к столу, выпил глоток воды, повернулся к нам и уже мягким, оправдательным тоном продолжал: — Да. Честно говоря, фильм меня тронул. Настоящий туманяновский дух. Но, понимаете, на юбилей приедут гости со всего мира, особенно россияне. Туманян был в тесном контакте с известными русскими поэтами: Короленко, Брюсовым, который переводил произведения Туманяна. Туманян с особым уважением высказывался о творчестве русских писателей, а в картине нет ни слова об этом. Одним словом, это надо исправить. И срочно. Все…

На следующий день мне звонит Левон Ахвердян: «Срочно приготовь фильм. Сегодня в 18.00 Кочинян будет смотреть его на своей даче». Быстро собравшись, мы в 18.00 были на даче Антона Ервандовича. Кочинян пригласил на просмотр и председателя Совмина Бадала Мурадяна.

Начался просмотр. Оба чиновника с удовольствием смотрели картину. Кочинян даже подпевал песням, которые звучали в фильме.

Кстати, музыку к фильму написал Александр Аджемян. Прекрасную обработку сделал он и песне самого Туманяна.

А как читали закадровый текст мастер слова Сурен Кочарян и замечательный артист Бабкен Нерсесян!

Интересная деталь. Когда шли титры и появилась фамилия Татикяна, Кочинян, улыбаясь, произнес: «Неугомонная личность!»… И обратился к Бадалу Мурадяну: «Ну, как?» «Очень симпатичный фильм, и, главное, сделан он с большой любовью», — был ответ Мурадяна.

— Левон, а что не понравилось Роберту Грачевичу? — обращаясь к Ахвердяну, спросил Кочинян.

— Он отметил небольшой просчет. Не рассказано о связи Туманяна с русскими писателями, с Россией.

— Ну, давайте послушаем Роберта Грачевича. Исправьте эту неточность. Он все-таки руководит пропагандой, ему виднее. А я от души поздравляю вас, получил большое удовольствие, как будто побывал в родных краях, еще раз почувствовал гордость, что я лориец. Поздравляю! Сделайте поправки, и картина выйдет на экраны. Только название «К столетию Ованеса Туманяна» надо поменять. Сейчас весь мир будет праздновать столетие Ленина. А фильм о поэте назовите, ну, скажем, «*СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ — ОВАНЕС ТУМАНЯН*».

Я сразу вспомнил русского царя, когда тот, послушав оперу Глинки «Иван Сусанин», приказал назвать оперу: «*Жизнь за царя*»…

Через несколько дней съемочная группа вылетела в Пятигорск и Кисловодск. Там отсняли нужные для ЦК кадры, после чего приступили к перемонтажу картины.

Наказ руководителей партии и правительства был полностью выполнен.

Картина вышла под названием: «СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ — ОВАНЕС ТУМАНЯН».

Во время работы над картиной мы пережили и унижения и оскорбления. Но «Ованес Туманян» получил свое признание у зрителя, был принят с любовью, имел успех. Я еще раз благодарю Шагена Татикяна, моих коллег: Лаэрта Погосяна, Рудольфа Нерсесяна, композитора Александра Аджемяна и Левона Ахвердяна.

Уход Джона Киракосяна из Госкомитета я переживал очень болезненно. Часто не хватало его мудрых советов, поддержки. Но каждый свой успех, свою удачу я посвящал, дарил ему.

В конце 1969 года в семье произошло несчастье: у мамы случился инсульт. Я находился в Москве. Получил от брата телеграмму: «Срочно вылетай. У мамы инсульт».

Весь 70-й год я находился в «простое». Ничего не хотелось снимать, ничего меня не интересовало. Мы с братьями были рядом с мамой, стараясь облегчить ее страдания. Мама не могла говорить, только плакала от отчаяния, что не может с нами пообщаться. Это длилось почти год. Благодаря усилиям врачей, нас, друзей

Создатели фильма «Ованес Туманян». Слева направо: я, оператор Лаэрт Погосян, композитор Александр Аджемян и директор картины Рудольф Нерсесян

и сестры мамы Шушик она постепенно начала вставать, ходить. Постепенно и речь восстановилась.

Дом наш ожил. Все были счастливы. Сидя у ее постели, я часто вспоминал дни, когда я лежал в больнице, как она ухаживала, оберегала меня, не смыкая глаз. Еще и еще раз почувствовал, как она мне нужна, дорога, необходима.

«Да, родная моя, ты самая сильная и самая лучшая мама на свете!»…

1971 год. Мне исполнилось 40 лет. Окрыленный выздоровлением мамы, взялся за новую работу. Я очень любил коллектив Ансамбля танца Армении, их творчество, их руководителя Вануша Ханамиряна. Руководство студии предложило снять репертуар ансамбля на студии «Арменфильм». Построили большую площадку, интересно оформленную художником Рафаэлем Бабаяном. Оператором фильма «Снимается Ансамбль танца Армении» я пригласил мастера — Арташеса Джалаляна.

Утром 1 февраля я приезжаю на студию на очередную съемку. Вхожу в павильон, а там ни души. Темно. Все как испарились. Я в недоумении. Вдруг зажигаются все прожектора и под грохот зурны и бубна на площадку выходят парни в национальных костюмах и с энтузиазмом танцуют «Кочари». Я ничего не мог понять. Камера без движения, команды «мотор» не было. В чем дело? В это время один из парней подошел к углу сцены и торжественно сбросил покрывало, под которым стоял мой портрет, а рядом ящик с шампанским. Оказалось, это идея Ханамиряна так отпраздновать мой день рождения. Очень трогательная сцена надолго осталась в моей памяти. Я с благодарностью ее вспоминаю. Рабочая обстановка превратилась в праздник.

Я услышал много добрых и теплых слов в свой адрес от друзей — коллектива ансамбля и от Вануша.

ВАНУШ ХАНАМИРЯН.

Я поклонник его искусства. Великолепный танцор, большой мастер, прекрасный организатор, руководитель. Человек, который никому не завидует, живет творчеством. Он долгие годы блистал в балетном искусстве: красивый, стройный, искрометный в танце, всегда в форме, он покорял зрителей. Мы духовно близки с ним.

Я благодарен ему и судьбе за плодотворное сотрудничество!

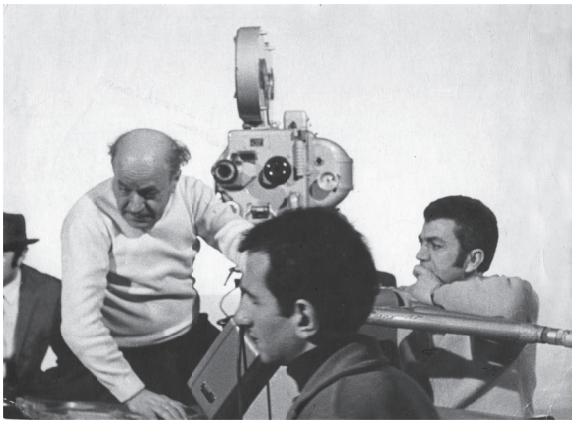
Середина 1971 года. Я опять снимаю музыкальный фильм. Давно не снимал, соскучился! И вот такая возможность появилась.

В шестидесятые годы молодежная редакция московского телевидения показывала передачу «Алло, мы ищем таланты». Вели ее Светлана Жильцова и Александр Масляков. Ведущие обратились к зрителям с просьбой искать и отправлять в Москву способных, талантливых ребят для участия в программе.

Передача натолкнула меня на мысль: сделать фильм-концерт, а в основу положить идею передачи.

Мы с братом написали сценарий (музыкальный детектив) и назвали его «Кто разбил пластинку». Герой фильма Рубен Матевосян — молодой известный певец!

Сюжет фильма таков. Старый любитель детективных романов, посмотрев передачу «Алло, мы ищем таланты», вспомнил, что од-



«Снимается ансамбль танца Армении». У камеры Арташес Джалалян, ассистент Володя и я

нажды на улице слышал молодого человека, который пел о сломанной им пластинке. Певец тогда понравился ему. Старик решает разыскать его и послать в Москву. Но как его найти? Сидя у телевизора, он мысленно представляет план поиска. В общем, разные приключения ждали нашего героя, зрителей и нас.

Съемочная группа в составе оператора Арташеса Джалаляна, директора Рудольфа Нерсесяна, композитора Александра Аджемяна и меня выехали в Эстонию, в Таллин. Там, в трудовом стройотряде, мы должны были найти нашего героя.

Особое место в фильме занимают песни, которые с любовью написал Александр Аджемян.

Картину закончили в кратчайший срок, представили руководству студии, и фильм был принят без поправок.

К этому времени в Комитете появился новый председатель — Степан Погосян, бывший секретарь комсомола республики. Посмотрев нашу работу, он положительно оценил ее и дал указание показать по телевизору к Новому году.

На следующий день после показа в центральной газете «Коммунист» вышла статья критика Дароняна, озаглавленная «Кто разбил пластинку? — Вилен Захарян!». Статья была суровая. Автор обвинял меня во всех грехах: «Пошлый и абсолютно бессмысленный сюжет, непонятные действия «героев», ложные ситуации и надуманный старик-детектив».

В общем, все плохо, картина никому не нужна, она порочит нашу молодежь. В конце статьи Даронян призывал руководство студии не допускать впредь таких ошибок.

Чтобы спасти фильм, мне предложили его переделать, оставить только концертные номера. Я отказался. Но нашлись «энтузиасты», искромсали картину и показали только музыкальные номера.

Эта была вторая творческая «пощечина» мне.

Шли годы, менялись времена и руководители, а картина «Кто разбил пластинку» все же нашла своего зрителя…

В начале 1972 года руководство Комитета предложило мне работать над фильмом «Хижины надежды». По рассказам известного западноармянского писателя Ерухана сценарий написали молодые прозаики Норайр Авдалян и Карен Симонян.

Так как действие фильма происходило у моря, было принято решение выбрать натуру в Крыму.

С художником-постановщиком Грайром Карапетяном, оператором Степаном Мартиросяном мы выехали в Крым для выбора натуры. Нашли, что самое подходящее место в окрестностях Коктебеля. Здесь, на берегу моря, по эскизу Карапетяна рабочие сцены, приехавшие из «Арменфильма», построили четыре декоративных хижины.

В августе съемочная группа и актеры в полном составе находились в Коктебеле.

Начались рабочие будни.

Все мужественно работали до конца съемочного периода. Говорю «мужественно», потому что группа подверглась нападкам, нареканиям со стороны руководства.

А дело вот в чем.

Проверить, как мы работаем, в Коктебель приехал главный редактор студии. Побывав с нами несколько дней, он похвалил нас, поблагодарил меня и группу за организованную работу и вылетел в Ереван. Нам показалось, он всем был доволен. Но через два дня я получил телеграмму от председателя Погосяна: «Срочно собрать группу и вернуться. Картину закрываем». Как выяснилось потом, «проверяющий» нас оговорил: «Там фильмом и не пахнет.

Группа вместо съемок ведет разгульную жизнь, купаются, встречаются с девицами» и так далее, и так далее. Нас перестали финансировать. Телеграмма за телеграммой с угрозами от руководства лишить всех зарплаты приходили на мое имя.

Надо было решать вопрос срочно. Мы успели еще только полкартины заснять. Все ждали моего решения. «Будем работать до конца», — сказал я, и Степа поддержал меня. «Кто считает мое решение неверным, может уехать. Обиды никакой с моей стороны не будет», — заключил я. Дал время людям подумать. В результате остались продолжать работу Борис Абгарян, ассистенты Цовик, Хачик, Ашот, Варсик, актеры Лаура Вартанян, Хорен Абрамян, Ася Суджян, Отар Оганесян, Армен Черикеджян. Самое главное, остались рабочие и техника.

Мы с Борисом Липоридовичем отправили телеграмму председателю Комитета Погосяну: «Уважаемый Степан Карпич, вся информация о нашей работе в Крыму — абсолютная ложь. Я уверяю Вас, через месяц картина будет готова. Вы сможете убедиться, что нас оклеветали. Прошу Вас не оставлять группу без финансовой поддержки. Мы продолжаем съемки. Верьте в нас. Вы еще скажете нам свое слово благодарности». Ответа долго не было. А мы работали день и ночь.

Закончил свои съемочные дни Хорен Абрамян. Возвращаясь в Ереван, он пообещал зайти к председателю и рассказать ему всю правду. Съемки продолжались. Борис, как всегда, умело и экономно расходовал оставшиеся деньги. Благодаря ему, мы смогли пережить «финансовый» кризис.

В начале ноября, когда съемки уже подходили к концу, на имя Бориса была перечислена зарплата всей группы…

Спасибо Хорену. Он выполнил свое обещание.

Несмотря на трудности, работая над «Хижиной», мы получали огромное удовольствие. Было много интересных и неожиданных ситуаций.

Были и смешные сцены.

Хочу рассказать об эпизоде, который связан с финалом фильма.

По сценарию в финале актриса Лаура (Сурбик) после трагической гибели возлюбленного, в платье, подаренном им, идет к морю

«Хижины». Ашот, за камерой Степа, ассистент Цовинар, я, Хачик

топиться. Войдя в воду и встретив первую волну, она вдруг чувствует в себе какую-то пульсацию. Женщина понимает, что в ней бьется сердце маленького существа. После этого она должна была отойти от волны, крепко держа руками живот.

Эту сцену мы репетировали раз пять. И как будто все было понятно, сцена отрепетирована, осталось снять.

С Лаурой договорились: когда она услышит от меня слово «ребенок!», то должна сразу схватиться за живот и медленно отходить от волн.

— Мотор! Начали!.. Так, идешь, идешь… Ребенок!..

Что делает Лаура? Останавливается и руками начинает «искать» по всему телу «ребенка».

— Стоп! Лаура, что ты ищешь?

— Как что? Ребенка.

— Ты что, не знаешь, где находится ребенок?

Лаура Вартанян

— Откуда мне знать? Как будто пятерых родила!

Все дружно расхохотались. А Лаура, обидевшись, ушла в одну из «хижин».

Стали придумывать новый финал фильма.

И вот я вижу: из хижины выходит Лаура с большим ножом в руках и начинает что-то нарезать. Вдруг у меня в голове рождается картина. Я вижу в кадре протянутые веревки, а на них висит чистое белье. Это белье принадлежит людям, которые убили возлюбленного Лауры. Вот эти веревки и будет она перерезать! — Промелькнуло у меня в голове. Я обрадовался, что нашел эффектную концовку фильма, подбежал к Лауре и стал ее целовать. Она, ничего не понимая, только воскликнула: «Ты что, ты что!?»

Так и сняли.

Героиня Лауры, поняв, что носит под сердцем ребенка своего любимого, в гневе разрезает ножом все веревки. Ведь на этих веревках она вешала уже чистое белье тех людей, которые «в благодарность» убили ее любовь.

Лаура Вартанян. Удивительная женщина. Прекрасная актриса. Редкой доброты человек. Она любила людей и щедро дарила им свою доброту. И красоты была необыкновенной. Сердца многих мужчин были покорены ею. Царица… На съемочную площадку многие приходили специально только, чтобы посмотреть на нее.

Рядом находился завод шампанских вин «Новый свет». Вдруг нам стали ежедневно приносить по ящику прекрасного шампанского. Что такое? От кого? Что за бред? Выяснилось, что директор

завода — молодой, интересный мужчина — влюбился в Лауру, вот и одаривает нас щедро. А взамен просит только присутствовать на съемках и любоваться нашей царицей. Я разрешил ему приходить с условием, что шампанское он присылать больше не будет.

Перед нашим отъездом, однако, он устроил, естественно, в честь Лауры, пир, который мы долго не могли забыть.

Да, ты была прекрасна! Нежная, светлая, естественная! А твой воодушевляющий смех до сих пор звенит в ушах. Ты умела дарить счастье и радость окружающим тебя.

Завершив съемки, я искренне поблагодарил всех, кто честно и преданно трудился с нами на картине.

Группа выехала в Ереван.

Вернувшись домой, узнал страшную новость: у матери обнаружили рак груди.

Боже, только недавно оправилась от инсульта, и на тебе — новый удар, да еще какой! Я приостановил монтаж фильма. И мы всей семьей стали искать пути к спасению любимого человека.

Консультации лучших врачей, консилиумы… А в результате было принято решение сделать операцию.

В начале 1973 года маму прооперировали.

Сколько лет, сколько месяцев, сколько еще дней она сможет согревать нас своей теплой материнской любовью? Врачи называли самый короткий срок.

Выходит, скоро!..

Как несправедливо, как жестоко обходится с ней жизнь!

Ведь она так любила тебя, жизнь! Как хотела жить! Факелом горела. Она дарила людям искреннюю любовь и радость. Все дети нашего двора, уходя сдавать экзамены в школе или в институте, приходили к маме: «Она счастье приносит нам», — говорили они.

В магазинах работники с особым уважением встречали ее. А ее заразительный раскатистый смех бодрил, радовал людей.

И вот, эта всеми любимая женщина должна покинуть мир, оставить нас без своей теплоты, без внимания, без материнской ласки и любви.

От одной только мысли, что ее больше никогда не будет, с ума схожу!

Я старался скорее завершить картину «Хижины надежды», хотел, чтобы она успела увидеть ее. Ведь она первая зрительница, первый критик моих картин.

С какой нежностью и вниманием относилась к маме Аллочка! В самые тяжелые дни она ни на шаг не отходила от нее. Помогала во всем: была и сиделкой, и медсестрой, и просто преданной дочерью, с любовью отдающей себя моей маме, как своей родной.

В какой-то день мама тихо позвала меня к себе и почти шепотом, прямо мне в ухо, дрожащим голосом сказала: «*Ты прости меня, сынок. Как я виновата перед Аллой, что не оценила ее раньше! У тебя замечательная жена. Теперь я спокойна. Бог простит меня за несправедливое отношение к моей невестке. Люби и береги ее*».

Потом я узнал, что мама подарила Алле бриллиантовое кольцо, сказав: «*Это кольцо я берегла, чтобы подарить тому, кто в трудные дни позаботится обо мне. Носи его, доченька…*»

Вечерами мы с Аллой и тетей Шушик садились рядом с матерью и вспоминали, вспоминали: мое детство, мои бесконечные болезни, Боржоми, Москву. Всегда она была рядом, моя золотая мама. Как берегла она меня! Сколько волнения я ей доставил! Однажды со смехом она вспомнила даже того пассажира, с которым познакомились в поезде и который оказался «большим» человеком. Она смеялась, смеялась тихо, еле приоткрывала свои красивые, но уже гаснущие глаза…

Однажды, уже в совсем тяжелом состоянии, она вспомнила фильм «Кто разбил пластинку». И очень грустно, с сожалением сказала: «*Знаешь, статья этого «мудрого» человека и убила меня*».

Тем временем монтаж фильма шел медленно. Для завершения фильма нужно было доснять еще пару кадров в павильоне. Работы вели параллельно. Эти дни для меня были тяжелыми, самыми тяжелыми. Перед глазами постоянно вставал образ матери.

Она боролась за жизнь еще три месяца.

К концу марта ей стало совсем плохо. Страшные боли мучили ее.

Однажды в комнату, где лежала мама, тихо вошел Отар. Он очень любил мать. Отар присел на пол у ее кровати и тихо, почти

шепотом запел известную русскую песню «Маруся». Мама с трудом, но с улыбкой начала подпевать Отару. Это было невероятно трогательное зрелище.

Я благодарен другу за это.

Мама в свое время очень хорошо пела. У нее был замечательный голос. Особенно любила гусанов Шерама, Ашота, Аваси, армянские народные песни. И мы получали огромное наслаждение от ее пения…

У нас часто гостили подруги мамы — певицы Араксия Гюрзадян, Шогик Мкртчян, Офелия Амбарцумян. С Арев Багдасарян была у них особая дружба. Когда матери было плохо, Арев Григорьевна приходила, играла с матерью в нарды. Отвлекала ее от страшных болей и своими шутками так заражала маму оптимизмом, что совсем ослабевшая рука матери, как бы окрепнув, бросала зары на нарды с задором…

Песня «Маруся» была ее последней песней.

Помню, однажды, сидя рядом с ней, я спросил, что ей хочется.

Потухшими глазами посмотрела на меня и с трудом сказала: «*Знаешь, хотела бы постирать полный таз белья!*»…

Удивительная женщина!

Последние дни жизни она просила меня съездить в Эчмиадзин и поставить свечи для успокоения души. Я почему-то тянул, все не находил времени, хоть и обещал. И однажды я попросил Алешу Аджемяна отвезти меня в Эчмиадзин, чтобы исполнить просьбу дорогой матери…

Волнуясь, дрожащими руками зажег несколько свечей и прошептал: «*Пусть успокоится!*» После чего посмотрел на часы. Они показывали ровно 12.00. Когда ехали обратно, почему-то просил Алешу прибавить скорость. Сердце подсказывало, что дома не все ладно. Приехали. Дверь открыла Алла: «*Вилен, мамы нет!*»

Она скончалась на руках моей Аллы.

Самое поразительное было то, что дома все часы были остановлены ровно в полдень… Мистика какая-то!

1 апреля 1973 года мамы не стало!

Прощаться пришли все, кто ее знал. Говорили добрые слова, утешали нас. Для меня это самая тяжелая утрата. Пережить трудно, невозможно. Больно! Очень больно!

Когда опускали гроб в могилу, я только крикнул: «*Мама джан*!»…

Эти слова до сих пор я повторяю перед сном…

Еще два маленьких воспоминания из жизни мамы.

Во время войны в Ереване появились немецкие пленные. Они в городе что-то строили, переделывали. А на улице Абовяна около нашего дома клали булыжник. Так как в нашем дворе был единственный кран с питьевой водой, часто сюда приходили молодые пленные с котелками и брали воду.

Мама не могла оставаться равнодушной. Каждый раз, когда кто-то из этих парней подходил к крану, мать выскакивала из дома и давала им что-то поесть. «*А может, где-то и моего сына мучает голод и жажда!*» — оправдывалась она. Да, вот такая была она, моя мама.

Так продолжалось, пока пленные не завершили работы.

И вот самый трогательный момент. Один из этих парней на прощание принес маме подарок — ВЕСЫ! Поцеловав ей руку, молча протянул две металлические тарелки, висящие на нитях и, чуть улыбнувшись, прошептал: «*МАМА!*» Это был знак благодарности.

Мы долго хранили эти весы и после ее смерти.

Много лет во двор приходил мужчина и кричал: «*Орехи, меняю орехи на старые вещи*». Мама постоянно меняла наши старые одежды на вкусные орехи. И так все время.

В очередной раз он подошел к нашему дому и начал кричать: «Орехи, орехи…» Как будто звал мать. Я вышел на балкон и тихо сказал: «*Прости, друг, ее уже нет. Ушла в мир иной!*»

Продавец орехов больше не появлялся у нас во дворе…

Обычно над сценариями я работал в ночное время. Так было мне удобно, так было все время. Часа в два-три ночи открывалась дверь моей комнаты, и мать тихо входила и ставила тарелку с фруктами на письменный стол. Если это было лето, угощала свежими фруктами, а зимой — яблоками, морковью, сухофрук-

тами. Она не могла спать, зная, что я ночью работаю. Естественно, она делала это тогда, когда Алла была в Москве.

После ее смерти я перестал работать по ночам. И через какое-то время, когда все-таки решился сесть за стол ночью, мне показалось, что открылась дверь и с огромной тарелкой фруктов в руках появилась *мама.* Она стояла у порога и, улыбаясь, смотрела на меня… От неожиданного видения я заорал: *МАМА!!!* Мне показалось, этот крик услышали все жители нашего двора. После этого мистического видения я никогда больше не садился за письменный стол ночью.

Целый месяц я не мог прийти в себя. Помог Степан. Он сказал: «Картину надо завершить, и завершить так, чтобы она была украшением памяти матери!» Картину завершили в начале июня…

Демонстрация состоялась в просмотровом зале киностудии «Арменфильм». Присутствовали авторы фильма, близкие друзья, со своей свитой пришел и Степан Карпович.

А рядом со мной была Алла, теперь уже единственная моя опора!

Закончилась картина. Наступила секундная пауза. И вдруг взрыв аплодисментов. Поздравляли все: авторы, коллеги. Особо хвалили игру Лауры. Мы за нее радовались.

Я сидел взволнованный. Вдруг слышу голос Аллы: «*Все. Очнись! Вы выиграли. Вы молодцы!*»

Потом всю группу Степан Карпович пригласил в ресторан «Ани» праздновать победу.

И вот мы, создатели фильма «Хижины надежды», сидим за огромным столом ресторана «Ани».

Я не хотел идти на это празднование: обида еще не прошла. Но опять мудрый друг Степан сказал: «*Плюнь на все. Главное, мы сделали хороший фильм. Мы победили. А это значит, что они получили пощечину*».

Ждали Погосяна. Алла сидела рядом: «*Прошу тебя, будь спокойным. Не надо спорить. Остается фильм, а не руководство. Береги себя!..*»

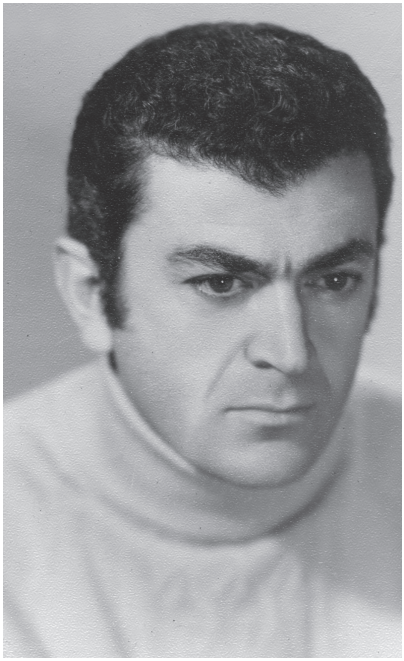
В зал вошел Погосян. Настроение у председателя прекрасное. Он поднял бокал и произнес тост: «*Дорогие ребята, доро-*

«Хижины надежды» был мой первый фильм, который не успела увидеть мама!

гой Вилен, я прошу прощения у вашей боевой группы за слабость, за то, что поверил клеветникам. Случай с фильмом стал для меня большим уроком… Да, вы сегодня победили. Честно, преданно работая, создали прекрасную картину в тяжелейших условиях. Спасибо вам. Вы сумели доказать преданность своему делу. Я поднимаю бокал за кровью созданную картину. Еще раз спасибо!..»

Все стоя подняли бокалы. А я резко встал, выбежал из зала. За мной выбежала и Алла.

Обидно было и за себя, и за ребят. Они поддержали меня в те съемочные дни. Без денег, иногда без еды напряженно работали. Я чувствовал перед ними вину, не мог смотреть им в глаза. Благодаря слаженности нашего коллектива мы добились этой победы. А как поддержали меня, когда не стало самого дорогого человека, образ которого всегда вдохновлял меня!



Да! Точно было охарактеризована работа нашего дружного коллектива:

«*…Кровью созданная картина!*»

Руководством Комитета было решено отправить картину «Хижины надежды» на очередной Фестиваль телевизионных фильмов в Ташкент.

В состав делегации входили Лаура Вартанян, Степан Мартиросян, Моника Тер-Погосян, я — во главе со Степаном Карповичем. Председателем жюри был народный артист СССР кинорежиссер Резо Чхеидзе.

Лаура, наша красавица, пользовалась особым успехом. Все старались под каким-либо предлогом познакомиться с ней, сфотографироваться. А московский шеф Анатолий Дмитрук каждый день подходил ко мне и повторял одну и ту же фразу: «Из-за Лауры я каждый день меняю сорочку и галстук».

Да, она была на фестивале царицей.

Потом я узнал, что наша картина была номинирована на Большой приз, а Лаура — на приз за лучшую женскую роль. Что произошло потом, нам неизвестно. Мы узнали только одно что некоторые члены жюри не согласились присвоить приз нашему фильму. Тогда председатель Резо Давидович позвонил в Грузию в союз кинематографистов. И через день из Тбилиси приезжает делегация. На церемонии присвоения призов вдруг Чхеидзе объявляет: *«Большой приз Союза кинематографистов Грузии присуждается картине Студии телефильмов «Ереван» «Хижины надежды». И приз за лучшую женскую роль — исполнительнице главной роли актрисе Лауре Вартанян».*

Мы были в приятном шоке. Это было неожиданно, незабываемо. Наши грузинские друзья ошеломили всех присутствующих.

Спасибо им! Спасибо моему дорогому другу и близкому сердцу ЧЕЛОВЕКУ — *Чхеидзе Резо Давидовичу!..*

После «Хижины» отношение Погосяна ко мне изменилось в лучшую сторону. Стал больше доверять мне, на фестивали ездили вместе. Госзаказы доверял только мне.

Так, в середине 1973 года Государственным комитетом радио и телевидения СССР было принято решение создать фильмы о де-

тях всей страны. Цикл назывался «Дети страны Советов». В проекте участвовали все республики Союза.

Снять картину об армянских детях поручили мне. С чувством огромной благодарности я воспринял это поручение.

Картину назвали «Я гражданин Советского Союза». Сценарий написали совместно с писателем и журналистом Арсеном Какосяном. Долго думали о форме, подаче материала. Хотелось сделать фильм оригинальным, непохожим на другие. Ведь республики должны были представить фильмы на одну и ту же тему — дети. Нам пришла в голову идея снимать картину без дикторского текста. Яркое, красочное изображение, оригинальная музыка, а… текста нет…

И когда наш фильм показывали приемной комиссии, заместитель Гостелерадио Жданова, председатель комиссии, поздравив нас, сказала: «*Вот, учитесь, как нужно делать фильм без дикторского текста. Рассказ правдив и убедителен. Самое главное, понятно все. Я вас поздравляю!*»

В итоге наши «Дети» получили премию от Госкомитета СССР как лучший фильм цикла.

Я хочу привести отрывок из книги известного кинокритика Владимира Демина:

«*…«Дети России» были одной из пятнадцати документальных картин — о детях каждой советской республики. Пятнадцать фильмов — пятнадцать воплощений одной и той же идейной задачи. Ведь можно снять красивые, радостные, счастливые лица, сады, парки, пионерские лагеря, кружки самодеятельности — и остаться информатором в метафорическом смысле — диктором, читающим по бумажке чужой текст… Можно оставаться на простейшем уровне обобщения: сделано столько-то, раньше было столько-то, намечено сделать еще столько же, как в отчетном докладе к юбилею. Можно, как Вилен Захарян, режиссер «Детей Армении», создать завораживающую визуально-музыкальную композицию. Находчиво и нешаблонно сочетая кадры солнечных улиц, свежих лиц, демонстраций, акробатики прямо на мостовой, танцев, воздушных шаров, транспарантов. Это уже стихи. НЕ доклад. Праздничная, торжественная поэма к почетной дате.*

Взгляд поэта, приподнятая патетика торжественной речи…» (Владимир Демин. «Первое лицо»)

В семидесятые годы в Московском академическом хореографическом училище почти 16 лет художественным руководителем был Народный артист России Максим Саакович Мартиросян.

Максим Саакович — мой близкий друг, с которым на телевидении Армении мы вели много совместных интересных передач. Я об этом уже писал. Пропустить такую важную тему и не создать фильм-портрет об именитом педагоге и балетмейстере я считал несправедливым не только по отношению к Мартиросяну, но и к большому кругу любителей балетного искусства.

Заявку я представил руководству студии. Ее приняли не сразу… но приняли.

Для написания сценария я привлек замечательного кинодокументалиста, прекрасного сценариста, милую женщину — Майю Меркель.

В короткий срок она представила превосходный сценарий.

Я понимал, почему некоторые «товарищи» студии противились созданию картины. Так как все съемки должны проходить в Москве, они решили, что это повод для меня находиться рядом с семьей.

Картину мы снимали с оператором Эдмондом Акопяном. Его черно-белое изображение выглядело прозрачным. Мне было очень приятно работать с Эдмондом. Его профессионализм придавал сил всем, кто с ним работал, в том числе и мне.

А теперь хочу вспомнить очередную атаку на меня со стороны руководства студии.

Мы успели снять только три-четыре танца, как в хореографическом училище появилось все руководство студии во главе с новым директором. Они потребовали немедленно показать отснятый материал. Я объяснил, что для просмотра материала немного, только лишь три танца. Работа еще не вошла в свою желаемую фазу.

— Целый месяц вы находитесь в Москве, — начал директор, — интересно, чем вы занимались?

— Был подготовительный период. Выбирали танцы, педагогов. Старались не мешать урокам, это было условие директора школы. Поэтому в день снимали два-три часа, — спокойно ответил я.

— Так, — опять вмешался директор студии. — Мы пришли к общему мнению: остановить съемки. В кратчайший срок всей группе следует вернуться на студию. Дальнейшую работу над картиной мы считаем нецелесообразной.

— Как вы можете судить о будущей картине, посмотрев лишь три танца? — неожиданно вмешалась в разговор Алла. Она работала в группе в качестве ассистента.

— Простите, Алла Александровна, — ответил главный редактор, — вы в данный момент говорите как жена Захаряна, а не член съемочной группы.

— Значит так, дорогое мое начальство, прекращать работу над картиной я не собираюсь, никакое давление не потерплю и безграмотные решения не принимаю. Поэтому прошу всех покинуть школу. Позвольте пожелать вам доброго пути…

Это был удар для «верхушки» студии.

Они тут же донесли обо всем Степану Погосяну, который в это время находился в Москве и готовился вылететь за границу.

К счастью, Степан Карпич быстро разобрался в ситуации. Возмутился, что ответственные работники ни с того, ни с сего оказались в Москве, покинув свои рабочие места. Напомнил им, какую недостойную травлю они устроили раньше, когда я снимал «Хижины». Что из-за этого студия могла не иметь фильма, принесшего ей славу и призы. И теперь все повторяется?

— Возвращайтесь домой, выбросьте из головы вашу пылающую ненависть к Захаряну. Он должен закончить картину, таково было решение Погосяна.

Через день я сидел в гостиничном номере у Погосяна. Выслушав меня, он сказал: «Я завтра лечу в Америку, возвращусь через месяц. Продолжай работу над картиной. Если завершишь ее до моего приезда, покажи здесь, в Москве, Дмитруку. Потом повезешь в Ереван».

Я поблагодарил Степана Карповича за доверие и воодушевленный вернулся к своему «ПОСВЯЩЕНИЮ».

Так мы назвали наш фильм.

По завершении картину представили в главную редакцию Союза телефильмов. Фильм был принят и имел успех. Вместе с картиной в Ереван ушло сопроводительное письмо с предложением отправить картину «Посвящение» на очередной фестиваль телевизионного кино.

За это время, к сожалению, Погосян не успел прилететь домой. Воспользовавшись его отсутствием, руководство студии утаило от меня приглашение на фестиваль и с огромной радостью праздновало свою «победу».

Вот что пишет Владимир Демин в своей книге «Первое лицо»:

«…Тот же Вилен Захарян (по сценарию Майи Меркель) поставил «Посвящение» — рассказ о Максиме Мартиросяне, прославленном руководителе хореографического училища. И остался в этом фильме самим собой, Виленом Захаряном, поэтом, прежде всего и по преимуществу. Балетные номера, красочные стоп-кадры — как бы заставки к главам-разделам. И тут же — репортажная, подчеркнуто «живая» съемка, с демаскировкой софитов, со стремительными разворотами ручной камеры. И тут же — магнитофонные записи с обмолвками, со всем звуковым «сором». И тут же — голос Армена Джигарханяна, читающий слова героя повествования в задумчивых, сценических, приподнятых интонациях… Разнохарактерный материал сплавляется воедино авторской мыслью, задачей. Перед нами этюд о страсти, о призвании, о даре, освещающем жизнь, — смена точек зрения только помогает обобщению…» (Владимир Демин. «Первое лицо», страница 209.)

В 1975 году произошло главное событие в нашей семье. Наш дорогой, любимый сын пошел в первый класс. К сожалению, меня не было в Москве, но я жутко переживал за младшего Вилена, переживал за Аллу, которая, как и я, так ждала этого дня.

Для сына это было начало дороги, по которой он уверенно и твердо идет уже много лет. Он достиг своей мечты — стал хирургом. А когда он пошел в первый класс, в письме я ему пожелал:

«…Дорогой сын! Вот настало время, когда ты вступаешь в новую жизнь. Первый шаг — школа, первый класс. Это ключ к большим знаниям. Учись, родной. Дерзай, познавай. Ты должен быть

Со своим школьным другом Алешей! Вилька слева…

верным, честным, преданным обществу, Родине — ЧЕЛОВЕКОМ! Таким мы с мамой представляем тебя, таким мы хотим видеть тебя.

Будь смелым, сильным, умным во все времена, дорогой мой!

Доброго пути тебе, Вилюш!

Целую тебя крепко, твой папа — Вилен.

Ереван, 1975 год».

…Моя любовь к архитектуре — с большим стажем. После окончания школы, так как я неплохо рисовал, многие советовали поступать в политехнический институт на архитектурный факультет. Да! Рисовать рисовал, а что с математикой? Быстро понял: это не для меня.

К архитекторам всегда испытывал особое уважение и искренне радовался их успехам.

Очень хотел снять о них фильм, рассказать зрителю, кто украшает наш любимый город и кто делает его таким неординарным. Наконец, свершилось! Моя новая работа посвящена великолепной тройке, архитекторам Артуру Тарханяну, Грачья Погосяну и Спартаку Хачикяну.

В 1960–1970 годы под руководством Артура Тарханяна они создали такие сооружения, как кинотеатр «Арарат», аэропорт «Звартноц», Спортивно-концертный комплекс, Дом молодежи.

В фильме мы вместе с оператором Лаэртом Погосяном рассказали об их творческих победах и о личной жизни.

«Великолепная тройка» стала символом Армении, символом красоты и грациозности, гордостью и славой всех армян…

Я горжусь этой работой, так как мы увековечили большой неординарный букет настоящих талантов…

В 1976 году на Всесоюзном кинофестивале под девизом «Архитектура сегодня» наш фильм получил вторую премию с денежным вознаграждением.

В этот же год мне посчастливилось вместе с группой кинематографистов из разных республик СССР вылететь в зарубежные страны: Филиппины, Индия, Сингапур, Непал, Таиланд… Это было интересное, очень познавательное путешествие. В какой бы стране мы ни были, каждая удивляла своими обычаями, красотой, нравами. А самое приятное — везде окружали нас исключительной теплотой.

Радовали интересные встречи, особенно в Индии. Там, побывав на киностудии, мы познакомились со многими известными актерами индийского кино. Нам показывали рабочие моменты съемок. Разрешили присутствовать во время съемок, задавать интересующие нас вопросы. Ответ на один из наших вопросов поразил. Оказывается, в год студия выпускает около 1000 картин!!!

…Я вспомнил тогда следующую ситуацию. Перед отъездом из Москвы нас пригласили в Союз и провели «шлифовальную» консультацию. В общем, предупреждали, как себя вести, что можно, что нельзя говорить… Один из «шлифовальщиков» очень уверенно сказал: «Если вы будете на киностудии Индии, ни в коем случае не намекайте на примитивизм индийского кино». Один из наших товарищей спросил: «Ну, а если они спросят, почему у вас такие примитивные фильмы, что нам ответить?..»

Все рассмеялись.

В 1977 году я, наконец, решил выполнить обещание, данное в московской больнице в 1961 году Юре-«уголовнику»: «*Как встану на ноги, обязательно сниму фильм о тебе*».

Об этой истории я рассказал талантливому прозаику Ованесу Мелконяну.

В кратчайший срок Мелконян представил сценарий, который полностью удовлетворил меня и руководство студии. И мы его назвали «Поклонись наступившему дню».

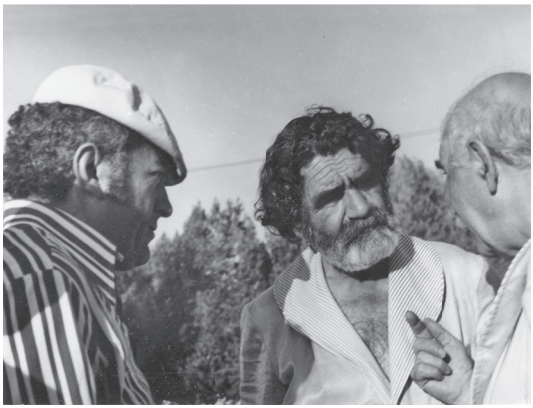
Группа советских кинематографистов в гостях у известной индийской актрисы НАРГИЗ. Слева присел я!.. Индия, Дели. 1976 год

Сегодня особо ценю этого необыкновенного человека — Ованеса Мелконяна, щедро дарившего людям свою любовь. Любовь к жизни он своими замечательными книгами щедро подарил людям…

Для меня эта работа была особенно дорога. Я погрузился в атмосферу тех лет: больница, больничная палата, замечательный хирург Лидия Никитична и Юра, тот, которого называли «уголовником».

Завершив картину, сказал сам себе: «Дорогой Юра, я выполнил свое обещание». Выполнил вместе с великолепными актерами: *Гегам Арутюнян, Азат Шеренц, Эдгар Элбакян, Армен Айвазян, Лаура Вартанян, Фрунзе Довлатян* — букет прекрасных актеров, которые помогли мне и коллективу удачно решать задачи, поставленные фильмом.

С энтузиазмом, с удовольствием мы работали над картиной. Как легко было работать с актерами! Дружный коллектив со-



Мои любимые актеры Азат Шеренц и Гегам Арутюнян

брался на съемочной площадке. Мы работали, как единая семья.

Как всегда, радовал своей музыкой Александр Аджемян. Он создал мелодичную музыку, которая красной нитью пронизала весь фильм.

Зрелищность изображения, профессиональная рука оператора Эдмонда Акопяна, блестящая музыка, букет великолепных актеров — все вместе помогло создать прекрасный фильм.

С Эдмондом я нечасто работал, он в основном снимал в содружестве с Жирайром Аветисяном. Впервые мы сотрудничали в игровом фильме. До этого была документальная лента «Посвящение».

В картине «Поклонись наступившему дню» я почувствовал его гибкий ум, стремление помочь мне в реализации основной идеи фильма. Так как действие происходит в маленькой больничной палате, естественно, снимать было очень трудно. Но Эдмонд нашел нужные ракурсы, соответствующие идее картины.

Жаль, что он покинул Армению, а потом и Россию, уехал в Америку и…

пропал из поля нашего зрения…

Ну что ж, я благодарен судьбе, что, во-первых, у меня был такой друг, во-вторых, я благодарен за картину «Поклонись наступившему дню».

Самое главное, этим фильмом я подарил себе воспоминания о тех днях, о человеке, который, уходя из больницы, верил в себя. Он верил людям, верил новому дню, который должен был открыть ему дорогу в жизнь.

«Поклонись наступившему дню». Слева направо: актеры Валерик Ангурян, Лаура Вартанян, оператор Эдмонд Акопян и я

Я больше чем уверен, что мой больничный друг Юра выбрал именно такой жизненный путь…

…В 1977 году «лопнула» струна великой дружбы между мною и Александром Аджемяном, произошло недоразумение. Я уже писал о причине нашей ссоры.

Несмотря на это, мы все же общались. Я любил и его песни, и другие произведения. И каждый раз, когда исполнялось его новое сочинение, он приглашал меня, интересовался моим мнением, искренне говорил: «Я верю тебе как тонкому знатоку музыки».

Да! Я потерял очень многое. До сих пор «слышу» его музыку, его мелодии. Они как будто обвиняют меня в «предательстве».

Нет, дорогой мой человек, те, кто хотел поставить между нами разрушительную стенку, не смогли этого добиться.

…В 1977 году на торжественном собрании, посвященном пятидесятилетию армянского телевидения, провозгласили имена работников, которым Верховный Совет Армении присвоил звание заслуженного деятеля искусств: Мартин Аветисян, Жирайр

Аветисян и ваш покорный слуга. ПРИЗНАНИЕ! Вот оно! Вот чего я ждал так долго! Свершилось!

Спасибо Степану Карповичу за внимание к моему творчеству, ко мне.

Единственное, о чем грущу: мать не стала свидетелем этого праздника.

Но, я надеюсь, она «оттуда» все видела и радовалась вместе со мной.

Праздник по этому поводу устроили мне старший брат с женой Эммой.

Лева Аветисян притащил огромный баллон пива, и мы вдвоем всю ночь «чествовали» звание…

Как был рад мой старый друг! Какие слова восхищения он произнес в мой адрес! Его радость была искренней…

Это были незабываемые минуты взаимопонимания.

В 1977 году я с группой телевизионщиков, во главе с кинорежиссером Сергеем Колосовым, вылетел в Прагу на Международный фестиваль телевизионных фильмов.

Это моя вторая поездка в Прагу.

Первая состоялась в 1967 году, я был в делегации кинематографистов, которой руководил дорогой мне необыкновенный человек, Арнольд Григорян, личность, эрудит, добрейший, всеми уважаемый человек. С Орликом (так мы, все близкие, называли его) мы дружили до последних дней его жизни

Орлик был человеком-фейерверком. Его фонтанирующая энергия заражала всех. Поездки с ним превращались в праздник. Он нас веселил, заставлял танцевать, участвовать в различных играх, и все подчинялись ему. А как умело покорял он сердца женщин… Это особая история.

У себя дома Орлик вечно что-нибудь придумывал: аукционы, лотереи. В одной из лотерей мы с Аллой выиграли чернильницу-неразливайку, которую в память об этом незаурядном человеке бережем до сих пор.

Та поездка в 1967 году была интересна, насыщена всякой информацией. Одно только нас беспокоило: в обществе чувствовалось непонятное напряжение. Через какое-то время в Праге нача-

лись политические волнения, гражданские столкновения. И, к сожалению, советские танки, вошедшие в город, в то время внесли не спокойствие, а еще большее напряжение.

Но вернемся в 1977 год. В Праге было спокойно. Мы выехали большой группой во главе с Сергеем Колосовым. У нас с Сергеем Николаевичем были хорошие взаимоотношения. Он выхлопотал мне постоянный пропуск для входа на центральное телевидение, рекомендовал Союзу кинематографистов Армении выбрать меня председателем телекино при Союзе и ввел меня в правление Союза кинематографистов СССР по телевидению.

Я благодарен Сергею Николаевичу за доброе отношение и повседневное внимание ко мне. Он интересовался моими работами, приходил на просмотры, приглашал на фестивали в качестве члена жюри.

Вместе с Сергеем Николаевичем в Прагу приехала его любимая супруга Людмила Ивановна Касаткина. Мне посчастливилось вместе с этой парой провести прекрасные дни во время фестиваля в Праге. Я получал огромное наслаждение от общения с ними…

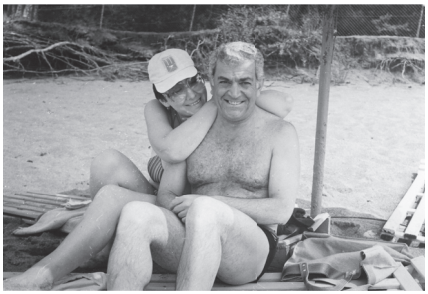
Из Праги я поехал в Пицунду, где отдыхала моя семья. Туда мы с семьей часто ездили. В Доме творчества мы познакомились и подружились с Сергеем Герасимовым, Тамарой Макаровой, Эльдаром Рязановым, Юрием Чюлюкиным, Владимиром Роговым. Тесно общались с актерами Смоктуновским, Баталовым, Марком Бернесом, Нонной Мордюковой и многими другими. Встречи, беседы на творческие темы, обмен мнениями обогащали, придавали уверенность, еще и еще раз убеждали, что я правильно выбрал профессию.

Так было в Пицунде, так было в Репино, так было в Болшево и в Гаграх в Доме творчества писателей…

За это время произошли и другие события.

В 1974 году один из моих любимых племянников, Армен, женился на очаровательной Сусанне. Забегая вперед, скажу: счастливо женился. Живут они уже 39 лет. У них двое прекрасных детей Диана и Григорий.

А второй племянник, тоже сын Гурика, Алик женился в 1980 году на милой, женственной Веронике. Вскоре у них родилась дочь



Да, нам было радостно и весело.
Особенно нашему малышу.
80-й год.
Мы с женой радуемся нашему сыну.
Ему уже тринадцать лет

Эмма. И Армена, и Алика я считаю младшими своими братьями, люблю их очень, не представляю жизни без них.

Ведь они оба — частица Гурика…

…Почти год сидел без работы, был в простое. Ни одной интересной темы, ни одного достойного предложения. Снимать лишь бы что не хотел. Вот и ждал, искал.

Что поделаешь, такова наша профессия. Не хочешь снимать предложенные темы, сиди и жди…

Я очень соскучился по фильмам-портретам.

После картин о Туманяне и Бабаджаняне мне сильно импонировал этот киножанр.

Мне интересны и игровые, и неигровые фильмы, особенно посвященные известным личностям, то есть «документальные» ленты. Почему беру слово «документальный» в кавычки? Потому что нет такого понятия. Есть понятие игровые и неигровые фильмы. Неигровые картины по своему художественному воплощению не

должны уступать игровым. Поэтому, когда я берусь за неигровые картины, стараюсь внести в них художественные оттенки.

Наверное, поэтому фильмы-портреты близки мне. В них я вижу живого конкретного человека, вокруг которого много интересных реальных персонажей, событий.

В начале 1981 года руководством студии был предложен фильм-портрет, который, как мне объяснили, очень важен как для студии, так и для истории Армении.

Речь шла о Арташесе Кариняне, единственном из 26-ти Бакинских комиссаров, оставшемся в живых. Несмотря на преклонный возраст, ему было 95 лет, держался он бодро и, самое главное, имел великолепную память.

Арташес Каринян — Герой социалистического труда, академик.

Вот о нем и предложили снять фильм.

Честно говоря, предложение не очень грело меня. Ну, думаю, что можно сделать, чтобы было интересно слушать этого уважаемого старца? Придумывал разные формы подачи материала. Везти его на натуру или прогуливаясь слушать его рассказ? Каринян наотрез отказался от такой идеи.

Наконец, придумал форму, которая мне показалась интересной.

Арташес Каринян сидит у себя в кабинете и вспоминает те страшные годы. А в это время по телевизору мы слушаем «Героическую балладу» в исполнении Арно Бабаджаняна.

Но для этого надо было снимать Арно специально для нашей картины.

Бабаджанян находился в Москве в больнице на обследовании.

Как быть?

Получив разрешение, группа вылетела в Москву на переговоры с маэстро.

Так как у нас с композитором уже были довольно-таки хорошие отношения, выслушав меня, несмотря на запреты врачей, он, ни секунды не колеблясь, дал согласие сниматься.

Мы выбрали павильон на центральном телевидении, и под фонограмму Бабаджанян «исполнил» свою великолепную «Балладу».

Он играл под фонограмму, так как был слаб. С его лица ручьями лился пот. Мы давали ему отдыхать, чувствовали, как он устает.

Но, несмотря на это, съемки он довел до конца, заодно блестяще показал истинное мастерство композитора-исполнителя.

Поблагодарив маэстро, мы отвезли его обратно в больницу.

Это была моя последняя встреча с ним и последняя съемка живого Бабаджаняна…

После монтажа все выстроилось, получился довольно-таки интересный фильм-портрет.

Картину мы так и назвали: «Героическая баллада».

Как-то во время съемок в перерыве ко мне подошел бывший первый секретарь ЦК Армении — Антон Ервандович Кочинян, который жил в том же доме, где обитал наш герой, и сказал: «*Вы знаете, о ком снимаете фильм?*» Естественно, мой ответ был прост: «Об академике Арташесе Кариняне». Кочинян ухмыльнулся и добавил: «*Молодой человек, берегите вашу пленку. Человек, который сидит перед вами, предатель. Чудовищная личность!*»

Это заявление для нас, для меня было неожиданностью. В чем заключалось предательство Кариняна, мы не стали выяснять, оставили это историкам, политикам и на совести Кочиняна.

…Хочу вспомнить об одном смешном случае, который произошел во время съемки.

Однажды Арташес Каринян в рассказе вспомнил случай встречи с Лениным. Для каждой такой встречи тогда придумывали пароль.

Когда закончились съемки, директор картины Борис Липоридович спросил у Кариняна: «Простите, Арташес Баласеевич, а какой был пароль для встречи с Лениным?»

Каринян мгновенно побледнел, вскочил с места и заорал: «*Что ты спросил? Что ты хотел узнать? Вон из моего дома, мальчишка. Семьдесят лет никто не посмел задать мне этот вопрос. А ты хочешь использовать мою старость, перехитрить? Вон отсюда!*»

Я, конечно, вмешался, извинился за товарища, сказал, что Борис просто пошутил.

Когда мы вышли из дома Кариняна, я спросил у Бори: «Ты что, совсем спятил?» В ответ Борис сказал: «*Маразматик несчастный.*

Он подумал, что я собираюсь поехать к Ленину». Мы оценили юмор нашего дорогого Бориса… дружным хохотом.

В итоге, картина прошла удачно, но наш герой не успел посмотреть ее, так и не раскрыв, к сожалению, знаменитый пароль…

В этот же год я приступил к картине о Грачья Никитиче Капланяне, дальнем моем родственнике, бесспорно, выдающемся режиссере. Его постановки украшали прославленные сцены Союза: Московский Малый театр, Театр имени Вахтангова, ленинградский Большой драматический театр, Театр ленинского комсомола, Молдавский драматический театр…

Созданный им театр в Ереване за короткий срок прославился. Зрители ходили на его постановки с огромным интересом.

Будущий фильм назывался «Позвольте представить — Грачья Капланян».

Съемки проходили как в Ереване, так и в Москве.

Я не хочу вникать в подробности, только расскажу некоторые интересные ситуации, которые возникали во время работы и над которыми стоит поразмыслить.

В своем театре маэстро поставил пьесу «Ричард Третий». Главную роль исполнял талантливый актер Левон Тухикян, который своей игрой в картине «Последний бросок» подарил мне большой успех, не побоюсь сказать, и славу.

В «Ричарде Третьем» Тухикян предстал перед зрителем в новом качестве и покорил театральный мир Еревана.

К сожалению, характер любимого актера несколько изменился. Он стал капризным и нетерпеливым — почему-то все время торопил нас: «Мне тяжело после каждой паузы заново перевоплощаться. Вы хоть понимаете, какую роль я играю?» — все время твердил Тухикян. Иногда, даже не дождавшись конца съемки, уходил со сцены, мотивируя уход усталостью.

Конечно, такое поведение раздражало группу, меня. Однако съемки в Ереване закончились успешно.

По приезде в Москву, сначала мы пообщались с руководством Малого театра.

Мы почувствовали искреннюю любовь и уважение коллектива к Капланяну и его творчеству

Художественный руководитель Малого театра народный артист СССР Михаил Царев, выслушав нас, дал разрешение на съемку.

Мы засняли интервью с Царевым, Быстрицкой, Подгорным, Соломиным, Кауровым и другими. Они говорили о творчестве Капланяна, высоко оценивая его талант режиссера, его гуманность, его бережное отношение к артистам, к людям вообще.

Мы сняли отрывок из спектакля «Признание» в постановке Капланяна.

Интересная деталь.

Капланян заранее дал нам список, у кого надо брать интервью в театре. Почему-то в нем не было Быстрицкой.

Завершив работу, мы собирались покинуть театр, вдруг ко мне подошла Элина Быстрицкая: «*Простите, вы режиссер фильма о Грачья Никитиче?*» «*Да, я!*» «*Тогда, прошу вас, возьмите и у меня интервью, я очень многое хочу сказать о моем кумире*».

Мгновенно приготовились и, по предложению самой Быстрицкой, съемку провели в ее гримерной. Мизансцену подсказала она сама. До выхода на сцену она рассказывает о Капланяне и одновременно переодевается, готовясь к спектаклю.

Так мы ее и сняли.

Это было самое лучшее интервью в картине.

Мы ушли из Малого театра с гордостью: талант, режиссерское мастерство нашего соотечественника по достоинству были оценены прославленной труппой.

Мой звонок в Театр имени Вахтангова художественному руководителю Михаилу Александровичу Ульянову был очень удачным. Уловив суть дела, Михаил Александрович мгновенно среагировал: «*Пора, пора, друзья, показать людям достойных служителей театра. Я жду вас!*»

Встреча с Михаилом Александровичем, талантливейшим артистом, оставила неизгладимое впечатление. Перед нами был удивительный, близкий, любимый актер и мощный руководитель.

Самыми теплыми словами охарактеризовал Михаил Александрович Капланяна. И очень был рад, что мы обратились к его творчеству.

На сцене Вахтанговского театра Капланян поставил спектакль «Ричард Третий» Шекспира.

Ричарда играл сам Михаил Ульянов.

Постановка не отличалась от ереванской. Конечно, актерский ансамбль был классом выше.

Мы снимали во время спектакля, зрители были в зале, что придавало действиям естественность и правдивость.

В этом спектакле на сцене мало света. Добавить дополнительное освещение, естественно, нам не позволили бы. Фактически мы были перед провалом.

И тут на помощь пришел сам Михаил Ульянов, прекрасно разобрался в ситуации и внес предложение: «Давайте, ребята, чтобы никаких проблем не было, после спектакля мы все останемся и сыграем нужные вам сцены с дополнительным освещением. А пока посидите в зале, посмотрите спектакль и сделайте свои выборки».

Я был поражен! Играть такую эмоциональную роль, и все еще раз повторить?! Мы были в шоке.

И действительно, после спектакля труппа осталась и сыграла все сцены, которые отметили мы.

Съемки закончили в три часа ночи.

Но нужно было снять еще и интервью с Михаилом Александровичем.

И, несмотря на усталость, в одежде Ричарда, сидя прямо на авансцене, он начал говорить проникновенно, убежденно, с большим уважением и любовью к Капланяну и его творчеству.

Он говорил о режиссерском мастерстве Грачья Капланяна и умении работать с актерами, о том, что он великолепно владеет сценическим искусством, глубоко вникает в авторскую идею. Досконально изучив Шекспира, его героев, Капланян блестяще раскрыл образ Ричарда и помог Михаилу Александровичу создать его правдивый образ.

Этим блестящим интервью мы закончили съемки в театре и поблагодарили всю труппу за поддержку.

Во время монтажа мне пришла идея: из двух спектаклей, поставленных Капланяном, взять самые яркие сцены с Ульяновым и Тухикяном и сравнить их мастерство. И представьте себе, раз-

ница почти не ощущалась. Игра нашего соотечественника в этой роли доказала, что он прекрасный актер. Эта роль прославила его. Зритель с особым чувством ходил в театр наслаждаться твоим Ричардом, дорогой мой Левон.

Картину мы завершили вовремя. Руководство и Капланян приняли ее с восторгом…

…Весь 1982 год я опять находился в простое, то есть без зарплаты. Эта наша судьба. Ничего, терпимо. Обычная жизнь кинорежиссера. Не работаешь — сиди и жди. Как говорится, «кто не работает, тот не ест».

Мы с семьей летом ездили в Пицунду в Дом творчества. Отдыхали. Вилька уже совсем взрослым стал. Плавал, как рыба в воде. Только вот Алла никак. «Плавает» прямо у самого берега. Вилька с нашим другом часто рыбачил, ловил катранов. Каждый раз он привозил по два-три катрана. А я тут же разжигал костер, и мы жарили свежих катранов. Неописуемый вкус! Я раньше и не знал об их существовании.

Мы угощали и отдыхающих. Такой шашлык, конечно, никто из них не пробовал раньше. Восторг был всеобщий…

Спасибо сыну!

…Хочу рассказать о последней встрече с другом детства, которая произошла именно в 1982 году.

Рассказ мой об Отаре Мартиновиче. Наша дружба выдержала испытание временем. Я любил его. Его жена, Мелания, рассказывала, что Отар каждый раз ждал нашей встречи, верил в мою искренность и знал: если нужна помощь, я буду рядом. Наши встречи доставляли нам радость, а расставание оба сильно переживали. Я мечтал когда-нибудь снять о нем фильм.

Такая возможность представилась, когда я приступил к фильму «Хижины надежды».

Отар — характерный актер. С блеском играл именно таких персонажей. В «Хижинах» роль его была неглавной, но эмоциональной точной игрой своей он сделал ее ключевой.

И тот год перед моим отъездом в Москву мы с Отаром сидели у меня в квартире, вспоминали детство, говорили, что жили правильно и честно. Отар сказал, что хочет увидеть своего

Вилька поймал катрана

сына Отарика устроенным, счастливым. Было какое-то грустное настроение у нас. Казалось, мы прощаемся навсегда.

Ночь пролетела, как миг. Уходя, Отар сказал мне: «Знаешь, я хотел рассказать тебе об одной девушке, с которой познакомился сегодня. Такой красивой и грациозной особы я еще не встречал. Договорились послезавтра в семь вечера встретиться в саду Флоры. Зовут ее Ира. Приедешь, познакомлю. Она художница».

— Ну что ж, могу пожелать только удачи, — обрадовался я.

Отар ушел, а я подошел к выключателю, только дотронулся до него, и… он рассыпался. Пришлось звонить Отару, мастеру этих дел, и просить сейчас же помочь мне. В майке и трусах Отар снова появился с новым выключателем в руках и все уладил быстро и ловко.

— Слушай, что ты так косо поставил выключатель? Поправь, пожалуйста?

— Ничего! Пусть все знают, что здесь живет «психически» больной режиссер.

В эту ночь последний раз я общался с ним, последний раз слышал его неповторимый звонкий смех…

Утром я прилетел в Москву.

Естественно, как всегда, радушный прием жены, сына и родителей Аллы.

Ранним утром следующего дня в квартире раздался резкий телефонный звонок.

— Вилен, — за дверью нашей с Аллой комнаты слышу голос Анны Павловны, — тебя, из Еревана.

— Да! Арто? Что случилось? Что? Когда? О боже! Я вылетаю, сегодня же…

Алла выскочила из комнаты:

— КТО? — дрожащим голосом спросила она.

— ОТАР!

…Старинный наш двор был переполнен людьми.

Прощаться с Отаром пришли все, кто его знал

Я подошел к гробу, еле сдерживая слезы, сказал: «*Эх ты. Пусть все знают, что здесь живет «психически» больной режиссер*».

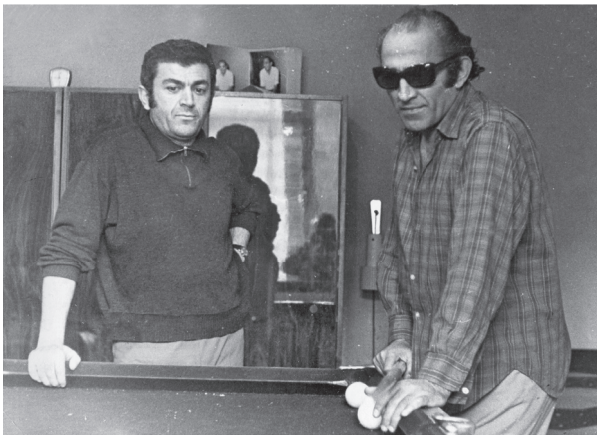
Рядом стоял Левик. Они были «страшные» враги. С детских лет, при каждой встрече по поводу или без, вцеплялись друг в друга и дрались до потери сознания. И, сколько мне помнится, побеждал всегда Отар.

Сегодня Левик стоит у гроба Отара, горько рыдает и сквозь слезы повторяет: «*Вставай, друг, вставай! Куда ушел? С кем мне теперь драться?*»

А что с Ириной? Новой знакомой Отара?

Кто-то из ребят знал Иру, дал мне номер ее телефона. Я позвонил. Оказалось, она в тот день пришла в условленное место, в условленное время. Ждала час и ушла, так и не дождавшись своего «принца». А у Отара за полчаса до выхода на свидание неожиданно остановилось сердце. Вот так закончилась последняя любовь дорогого нашего «ПРИНЦА»!

В 1983 году меня пригласил председатель Госкино Армении Рафаел Самсонов в свой кабинет. Сказав, что знаком с моим творчеством, оценивает мои работы высоко и поэтому считает, что именно мне нужно поручить очень интересную и ответственную работу. Мне предложили снять фильм на очень щекотливую тему. Речь шла о нездоровой ситуации в медицинском институте. Дело



Последнее фото с моим дорогим другом. 1982 год

в том, что зачастую на учебу поступали молодые люди, которые ничего не знали об этой профессии, не любили ее, не чувствовали себя медиками. Поступали в этот вуз по протекции своих близких, которые за них решали, кем быть их молодому отпрыску.

В результате из этих студентов получились горе-врачи.

По сценарию герой фильма любит живопись, искусство, а сестра его матери делает все, чтобы он стал студентом мединститута. Ведь мать героя была заслуженным врачом, и в память о ней сын должен продолжить ее дело. Так считает тетя героя.

Вот и «вырос» еще один неумеха, горе-врач, по вине которого погибает человек. «*Вы вместо скальпеля вложили в его руки орудие убийцы*», — этими словами, адресуя их тете героя, завершает расследование следователь.

Картина имела успех еще и потому, что впервые с экрана прозвучала критика в адрес престижного вуза.

Кстати, в роли прокурора с успехом блеснул ваш покорный слуга — актер Вилен Захарян.

На просмотр в Дом кино я пригласил своего соседа, прокурора КГБ Гагика Гамбаряна, в чьей форме я снимался.

Посмотрев фильм, Гагик поздравил меня: «*Настоящий прокурор! Очень достоверно*».

Я ехидно ответил: «*Знаешь, дорогой сосед, когда надел твою форму, вдруг начал у всех вымогать деньги*».

Мой юмор оценили! Все зааплодировали, рассмеялись...

Эта была моя последняя игровая картина.

Я хочу поблагодарить всех артистов, которые превосходно исполняли роли, особенно великолепную оперную певицу и замечательную драматическую актрису Эльвиру Узунян.

Мне было легко работать с ней. Высокая культура, доброжелательность, любовь и преданность своему делу помогли совместной работе.

Я благодарен Эльвире Узунян, Ерванду Манаряну, Ованесу Ваняну, Рафаэлу Папяну. Они украсили своей игрой эту картину. Ну и, конечно, оператора Роберта Баласаняна благодарю особенно. Тончайшей, тщательной своей работой он блестяще справился с поставленной задачей.

В 1983 году я приступил к еще одной очень интересной работе — к фильму о великом соотечественнике, бывшем наркоме черной металлургии Иване Федоровиче Тевосяне.

Сценарий написал замечательный журналист, писатель, режиссер, мой давний друг и вдохновитель — Альберт Гаспарян.

На Красной площади в кремлевской стене захоронена урна с прахом Тевосяна.

Ежедневно в день его рождения, 4 января родные, близкие, друзья и соратники собираются здесь почтить его память.

После Красной площади друзья и коллеги Тевосяна собираются у него в квартире и в теплой, дружеской атмосфере вспоминают самые интересные факты из их совместной работы, жизни.

Мы воспользовались этим, приехали в дом Ивана Федоровича, где и проводили съемки.

Фильм назвали «Нарком стали».

В большой уютной квартире Тевосяна собрались бывшие наркомы Советского Союза разных отраслей промышленности.

Дорогих гостей тепло приняли сын Тевосяна Володя, жена его, дочь и внучка Ивана Федоровича.

Друзья и соратники Тевосяна вспоминали, оценивали его умение трудиться с полной отдачей делу, его профессионализм, требовательность, уважение к людям.

В процессе съемки мы познакомились с прославленными людьми XX века, которые, не щадя себя, трудились на благо Отечества.

А было им в те времена всего по 25–30 лет, но они уже руководили самыми крупными отраслями промышленности СССР.

Перед кинокамерой сидели Герои Социалистического труда. Это потом они получали ордена и медали. А в те годы, особенно в годы войны, был только труд, тяжелый, изнурительный. Каждого из них, в том числе и Тевосяна, спасали знания, ответственное отношение к делу и профессионализм.

Один из его помощников рассказал случай, который доказывал высокий профессионализм Тевосяна:

«…В приемной Ивана Федоровича прозвенел телефон. Беру трубку. Звонит директор Новокузнецкого металлургического завода. Срочно просит Тевосяна. Соединяю. Выясняется: на заводе по непонятной причине остановилась третья домна. Это большое ЧП. Тевосян, послушав звонившего, задал несколько уточняющих вопросов. Получив четкий ответ, Иван Федорович подсказал какие-то детали, которые должны были устранить неполадки. Прошло некоторое время, Тевосян уехал по делам. Позвонил тот же директор. Просил передать министру, что домна вошла в строй после успешного выполнения подсказки Ивана Федоровича. Вы представляете, сидя в Москве, за семь тысяч километров, по телефону, Тевосян устранил неполадки важного объекта. Это высочайший профессионализм».

После смерти Тевосяна заводу «Электросталь» было присвоено его имя.

Каждый год в день его рождения работников завода за особые успехи награждали медалью Тевосяна Ивана Федоровича.

И в этот раз в день рождения Тевосяна на заводе мы показали фильм «Нарком стали». Почетными медалями Ивана Тевосяна наградили и нас: сценариста Альберта Гаспаряна, режиссера Вилена Захаряна и оператора Эдварда Вартаняна. Эту медаль я храню как особо дорогую реликвию.

К большому сожалению, вернее, возмущению — завод уже не носит имя легендарного Тевосяна Ивана Федоровича.

Вот так забывают имена славных героев Отечества.

1984 год. Мне предложена большая работа — снять полнометражный фильм об Армении, который должен называться «Республика Армения».

Подобные фильмы снимались и в других республиках Союза. Одним словом, это был своего рода всесоюзный цикл, посвященный братским народам СССР.

Степан Карпович, председатель Комитета радио и телевидения Армении, пригласил меня, отметил важность работы и необходимость тщательно, внимательно отбирать материал, так как фактически мы входили в соревнование с другими республиками. *«Я прошу! Мы должны быть первыми, и поэтому предлагаю тебе эту весьма трудную и ответственную работу. Я верю в тебя!»*

Доверие Степана Карповича мне импонировало, и я с благодарностью взялся за работу.

Давно я не ездил по нашей республике.

Наша съемочная группа объездила почти всю республику. Снимали крупные города и села в самых отдаленных местах Армении, снимали людей самых разных профессий.

Везде люди встречали нас тепло и с большим уважением и пониманием.

Во время работы над фильмом «Республика Армения» я понял для себя очень важное: интересно и легко работать с простыми людьми. Их искреннее отношение, задушевные беседы, доброжелательность, готовность помочь съемочной группе согревали нас и создали условия, чтобы снять о республике достойный фильм…

В начале 1985 года картину «Республика Армения» мы сдавали в Москве.

Мне позвонил Шаген, просил приехать в Ереван: «Отцу плохо!» Был конец февраля. Я приехал в Ереван и сразу домой. Отец лежал. Около него «заботливо» суетилась его жена — моя мачеха и ее дочь.

Шаген по телефону рассказывал мне, что Роза, так звали мачеху, поит отца какими-то отварами из трав, после чего ему ста-

новится плохо. А когда я спросил у Розы: «Что это за травки завариваешь отцу?» — Она побледнела и невнятно ответила: «Для укрепления здоровья».

Какое там здоровье? Кругленький, крепенький, здоровый отец сейчас лежал худой до неузнаваемости.

Да, отец готовился в дальний путь…

…Обычно, когда я прилетал из Москвы, отец встречал меня в аэропорту, а дома был уже накрыт стол. Отец особо относился ко мне. После смерти мамы мы стали еще ближе.

Меня и братьев беспокоило одиночество отца. И мы все искали ему новую подругу жизни, постоянную. Именно постоянную, так как отец, честно говоря, вел себя не очень достойно: много женщин побывало в нашем доме. Нам хотелось, чтобы он сохранял уважение к памяти матери, к семье.

— Отец, пойми, ты неправильно живешь! Береги свою честь, честь твоих сыновей. Ты же мудрый человек! — говорил я ему.

Не хочу врать. Отец был большой любитель женщин. Да, это правда. Он ухаживал очень красиво, галантно, с особым шармом.

Был душой любой компании. Любил вкусно поесть, пил очень артистично. После выпитой рюмки с благодарностью целовал ее дно и всегда своеобразно произносил: «УХАЙ». Его застолья — это настоящий спектакль.

Он был очень добрым человеком. В жизни никого не обидел. Помогал всем, чем мог. А его самого не раз предавали так называемые «рюмочные друзья». Но все равно, он оставался любимчиком очень многих.

Если моя съемочная группа собиралась у нас дома, для отца это был большой праздник. Он очень любил актрису Лауру и, встречаясь с ней, всегда сажал ее рядом, ухаживал красиво. Эта была целая школа ухаживания…

И вот, наконец, в нашем доме после смерти мамы появилась женщина.

Откуда? Кто ее нашел? Выяснилось, что это дело рук сестер папы. Они и нашли. Разница в возрасте у них с отцом была тридцать лет.

«Мама Роза», так мы ее называли, оказалась очень практичной, ей нужны были квартира и прописка в Ереване. Наш отец, старый большевик, ей был не нужен. Все свои планы она ловко и быстро осуществила.

Такова была обстановка в нашем доме в тот памятный день, когда отец попросил меня сесть рядом. Я присел у кровати отца. Он был бледен, глаза… потухшие…*«Вот и все,* — слабым голосом сказал. — *Видишь, какая короткая жизнь? Вчера свет озарял все вокруг, а сегодня гасну, ухожу во мрак. А ты все ругал меня: «Неправильно живешь, отец!» Все было правильно, сынок. Вот пойду к маме и всю правду расскажу ей. А теперь большая просьба, помоги мне встать и выведи на улицу».*

Это было за месяц до его смерти.

— Куда тебе в таком состоянии на улицу?

Но раз он это задумал, я должен был осуществить.

Был март. «Мамы Розы» не было дома. Одел отца, медленно вышли через парадный вход, и около подъезда он попросил остановиться. Дышал тяжело. Крепко держась за меня, долго смотрел на мимо проходящих людей. Вдруг его глаза засветились. Мимо прошли молодые девушки, женщины. Отец горько улыбнулся и с грустью сказал: «*Боже мой, сколько их еще осталось!*»

Фантастика!

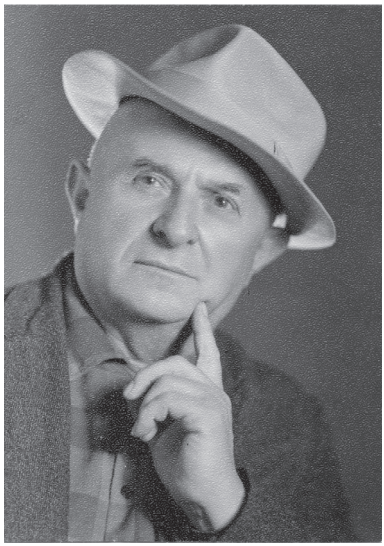
Когда я рассказал об этом братьям, они только улыбнулись. А друзья с восторгом произнесли: «*Мудрый! Непобедимый!*»

А за несколько дней до смерти отец позвал нас, сыновей, к себе. Ему было уже очень плохо. С большим трудом он достал из-под одеяла деньги и хриплым голосом сказал: «*Возьмите. Я их хранил для вас. Каждому по двести рублей. Больше не успел. Простите старого».*

Это было, конечно, очень трогательно. Гурик даже выбежал из комнаты со слезами на глазах.

В ночь с четвертого на пятое апреля отцу стал совсем плохо. Я позвонил в поликлинику старых большевиков, бригада врачей через десять минут была уже у нас.

Молодая, очень красивая врач подсела к отцу на кровать и взяла его левую руку, проверить пульс.



Да, отец, с такой внешностью, наверное, ты «правильную» жизнь вел

Я стоял над головой отца и внимательно смотрел на врача. Легким кивком головы она дала понять, что все!..

О боже! Вдруг произошло чудо.

С закрытыми глазами отец с трудом, медленно дотянулся до руки врача, «крепко» пожал ее и сделал свой знаменитый и последний вздох: «УХАЙ!».

Вот так, в ночь на пятое апреля 1985 года отец закрыл глаза в вечном сне, не отпуская руку красивой женщины...

Ночью я вышел в опустевший двор и зарыдал…

…Похоронили отца рядом с мамой. Народу было много.

Через определенное время мы с братьями поставили памятные плиты над их могилой…

Когда я уже жил в Москве, мне сообщили, что в Ереване был страшный ливень, что оползнем на кладбище смыло много могил, в том числе и могилу моих родителей. Больно! Очень больно! Однако… Народная мудрость гласит: «*…могила должна сравняться с землей*».

Если это так, то пусть боль уходит, а сердце смирится…

После смерти отца я не мог работать.

Чтобы вывести меня из стресса, Погосян предложил мне снять фильм-портрет о замечательном человеке, соотечественнике, заслуженном биологе, академике Норайре Сисакяне.

Имя всемирно известного ученого долгое время было засекречено.

Тема привлекла меня, и я с большим удовольствием приступил к ее реализации, особенно когда познакомился с родными академика: с супругой, сыновьями и дочерью.

В большой квартире академика собралась вся семья Сисакяна. Старший сын Норайра Мартиросовича Иосиф Норайрович — доктор химических наук, профессор. Младший, Алексей Норайрович — членкор Академии наук в области космонавтики, дочь Людмила Норайровна — кандидат химических наук, профессор и очаровательная супруга Сисакяна Варвара Петровна.

Рассказ об отце поручили вести младшему сыну Алексею.

Естественно, мы пригласили и других ученых, соратников героя картины, космонавтов Титова, Егорова, Горбатко и других, непосредственно работавших с академиком Сисакяном.

Вот заключение от всего услышанного и сказанного о Сисакяне Норайре Мартиросовиче в нашем фильме:

«Академик Норайр Мартиросович Сисакян был первопроходцем в космической биологии. Им были намечены основные направления развития этой новой области биологической науки, и за короткий срок при непосредственном его участии были организованы работы, призванные решать поставленные задачи по отбору и подготовке космонавтов, по разработке систем жизнеобеспечения и безопасности полетов, по медицинскому контролю космонавтов, последующему изучению состояния их здоровья».

Картина получилась очень теплой и, самое главное, очень трогательной.

Долго думали, как назвать фильм. И по предложению Алексея Норайровича назвали *«Жизнь, отданная науке»*.

А вот еще одна важная деталь тех съемочных дней.

Мы уже завершили съемки, собирали аппаратуру, вдруг ко мне подошел Алексей Норайрович с просьбой. Оказалось, что Варвара Петровна заранее написала письмо-обращение к мужу, озаглавив его: *«От живых мертвым»*. Она хотела прочитать это письмо в фильме, но почему-то постеснялась сказать об этом.

Я прочитал письмо и потерял на несколько минут дар речи, а потом дал команду срочно восстановить технику, всем занять

исходное положение и попросил Варвару Петровну прочитать письмо.

Я не могу передать содержание этого письма, нужно смотреть картину и понять, какое оно было нужное и своевременное. И как она, Варвара Петровна, читает его. Как реагируют родные.

Письмо звучит, как реквием по ушедшим и завещание молодым…

С болью пишу. Сожалею… Но не успела Варвара Петровна посмотреть фильм, скончалась до того, как мы его смонтировали.

Через два года ушел из жизни и старший сын академика, Иосиф Сисакян. А совсем недавно от сердечного приступа скончался Алексей Сисакян, младший из братьев. Ему только-только присвоили звание академика РАН.

Каждый раз, когда смотрю этот фильм, еще и еще раз благодарю Степана Карповича за предоставленную мне возможность увековечить *гениального ученого и его семью…*

…Говорят: годы идут, месяцы бегут, а дни летят.

Это правда!

Не успели оглянуться, как мы с Аллой поздравили сына с окончанием школы. Радовались очень: перед нами стоял молодой мужчина, красивый, элегантный, ростом выше меня.

Теперь уже стояла новая задача — дальнейшая его учеба, институт, о котором он мечтал, мечтал со школьной скамьи…

Медицинский институт…

Алла рассказывала: еще учась в школе, Вилька вареную свеклу разрезал, а потом сшивал. Ему сказали, что вареная кожура свеклы похожа на кожу человека. Вот такая была практика у будущего хирурга.

Он мечтал стать хирургом, хорошим, полезным людям.

Первый год Вилен сдавал экзамены во второй мединститут и не прошел. До весеннего призыва в армию было время, и он пошел работать в мединститут.

А весной призвали в армию.

Настали самые тяжелые и тревожные дни: вопрос о его службе в армии.

Ведь была война в Афганистане, беспокойно в Чечне. Мы искали пути, чтобы сын не попал в эти места. Конечно, мы старались освободить его от службы. Но, к сожалению, не смогли. Единственное, что нам удалось, — сделать все, чтобы он службу проходил в подмосковном Щелкове.

Потом новобранцы должны принять присягу. Мы с Аллой очень хотели при этом присутствовать. Но увы… Вилен нам сообщил поздно, и, пока мы доехали, все уже закончилось. Зато повидали сына… первый раз в военной форме. Глаза мои наполнились слезой: не привычно было видеть его в таком одеянии.

За два года службы сына в нашей «образцовой» армии мы пережили много стрессов. Оправились только, когда он поступил в институт своей мечты.

Здесь не могу не вспомнить поддержку моего друга Армена Джигарханяна. Мы с ним пришли к ректору института, и Армен попросил честно, объективно отнестись к его «племяннику». В те годы молодежь кавказской национальности с большим трудом принимали в московские вузы, особенно в медицинский институт. Армен Борисович и попросил ректора при приеме Вилена учесть его знания, не обращая внимание на фамилию, на национальность.

Приход самого Джигарханяна к ректору, конечно, сделал свое дело. Ректор обещал выполнить просьбу мастера и, пожелав Ар-

Вот так в 1985 году я стал отцом солдата!

мену Борисовичу успехов, попросил его присутствовать на выпускных вечерах института.

Экзамены прошли неплохо, и через какое-то время наша семья праздновала новую долгожданную победу: Вилен Виленович Захарян встал на новый жизненный путь, название которому — «ХИРУРГИЯ».

Спасибо Армену Джигарханяну!

«Племянник» не подвел своего «дядю».

Друзья юности, верные, преданные, проверенные годами, жизнью, как правило, навсегда остаются с тобой.

Но бывает и так, что уже взрослым встречаешь человека, которого чувствуешь сердцем, и кажется, что он всегда был рядом.

Как-то меня познакомили с заместителем генерального директора какого-то московского завода Айком Месроповичом Айрапетяном.

Его добрая, естественная улыбка располагала к беседам, а обаяние, теплота, исходящие от него, способствовали все новым и новым встречам.

Наше знакомство быстро переросло в настоящую дружбу, скорее в братские отношения.

Человек с большой буквы, высочайшей доброты, готовый прийти на помощь в любое время, не только другу, просто человеку, который обратился к нему с какой-то просьбой.

Да, Айк стал мне другом, опорой. Мы не представляли дня друг без друга. Наши

А мы все взрослеем
и взрослеем…

семьи подружили. Праздники и семейные события мы теперь отмечали вместе.

Айк очень любил Виленчика. Его неудачи искренне переживал, а удачи — праздновал, как успехи своего сына.

По возвращении Вильки из армии и по поводу его поступления в институт Айк устроил большой банкет, радовались все.

И нам обоим казалось, что мы дружим давно, с юности.

Я любил этого бескорыстного, человеколюбивого, мягкого, тонкого, заботливого «ребенка». Да, порой он казался ребенком, в своем стремлении все успеть, все сделать, и быстро.

Ах, как горько и больно расставаться с другом, да еще таким!

Все произошло мгновенно!!!

…Однажды мой московский друг, журналист и писатель Альберт Гаспарян позвонил, попросил зайти. Я поехал. Купив его любимую «запретную» булочку, в те годы у их дома на Кутузовском проспекте была замечательная булочная, пошел к нему. Честно говоря, я думал, что это очередная хохма любителя пошутить. Слава Богу, ошибся. Увидев булочку, Гаспарян в спешке начал, в буквальном смысле, уничтожать ее, пока не появился, как он говорил, «главный шлагбаум» к сладостям — супруга Эмма. У Альберта был диабет, и Эмма Гайковна не давала ему увлекаться мучными продуктами.

Оказалось, у Альберта новая идея, которая не дает ему покоя: создать фильм о композиторе Давиде Тухманове.

«Все думают, что Тухманов еврей. А я знаю и уверен, он — армянин. Вот и взялся за эту работу, чтобы доказать, что я прав», — сказал Альберт.

Мне понравилась идея. Снять фильм о таком замечательном композиторе, конечно, дело чести.

Сценарий мы послали руководству студии «Ереван» и, получив добро, через месяц приступили к работе.

Написав режиссерский вариант сценария, показал Альберту и, получив одобрение, стал подбирать участников.

Форма подачи материала была такова: всех исполнителей песен Давида Тухманова снимаем у них же в квартирах, естественно, поют они под фонограмму.

Мы пригласили Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Виктора Салтыкова, Раймонда Паулса, Ларису Долину, Валентину Толкунову, Ирину Аллегрову, молодого узбекского певца Бердимурада Бердиева и известную танцевальную группу под руководством Александра Жеромского.

В роли ведущего — сам Давид Тухманов.

Фильм назвали «Как прекрасен этот мир», взяв фразу из текста одной из песен композитора.

Картина получилась довольно-таки длинной, но при сдаче фильма московскому руководству мы получили самые лестные оценки.

Я уже говорил, что люблю снимать фильмы-портреты и с особым наслаждением приступаю к работе, потому что встречаюсь с интересными людьми, знакомлюсь с их жизнью, их творчеством, с их индивидуальными особенностями.

Бывали, правда, случаи, когда разочаровывался. Так произошло и на этой картине. По предложению Давида Федоровича, мы пригласили Софию Ротару, королеву нашей эстрады.

Ее участие, безусловно, украсило бы фильм.

НО!!!

Капризы народной певицы сыграли с нами злую шутку, она водила группу за нос: то приходите завтра, то приезжайте в Крым, то встретимся в Москве. Все переговоры проходили через ее супруга-продюсера. Так что увидеть ее лично так нам и не удалось.

А жаль!

Конечно, София Михайловна — прекрасная, несравнимая ни с кем певица. Однако… Ну, не будем углубляться…

А вот встреча с Иосифом Кобзоном была совсем другой.

Легенда советской эстрады принял нас с невероятной теплотой и добавил: «*Молодцы армяне, достойного композитора выбрали для фильма*». Потом в шутку сказал: «*Интересно получается. Композитор армянин, певец еврей, а поем русские песни*».

Мы все дружно рассмеялись и начали подготовку к съемкам. Только поставили аппаратуру, как звукооператор тревожно прошептал мне: «Оба микрофона вышли из строя».

Иосиф Давидович моментально среагировал, позвонил кому-то, попросил срочно принести нужные нам микрофоны.

Через считанные минуты микрофоны были доставлены, а после съемки Кобзон подарил их звукооператору.

Об Иосифе Давидовиче как хорошем, доброжелательном человеке мы слышали. Но слышать — одно, видеть — совсем другое. Он тепло общался с каждым работником группы, восхищался нашим народом, нашей древней культурой, называл имена великих армян, гордился так, как будто говорил о своем народе. С ним было легко общаться и работать.

Теперь об одной детали. Ведь картину вел сам композитор. Ему и следовало рассказать о древе своего рода. В конце фильма со слов ведущего, то есть самого Тухманова, мы узнаем, что отец его армянин из Нахичевани Ростовской области, а мать русская.

И вот, наконец, раскрылась «тайна», которая так мучила автора сценария — дорогого Альберта Гаспаряна.

Конечно, не это побудило снять фильм о прекрасном композиторе. Армянин он или нет, неважно. Главное, мы снимали всенародного кумира, мощного композитора, ПРОСЛАВЛЕННОГО маэстро Давида Тухманова.

Картину мы завершали к новому 1986 году.

В 1987 году у Гурика обнаружили страшную болезнь. Он не знал, что обречен. Знали только мы, родные.

Когда я в Москве монтировал картину «Как прекрасен этот мир», Гурик позвонил перед Новым годом и спросил, успеваю ли я закончить картину вовремя. В противном случае ребята съемочной группы могли не получить премию.

Вот всегда — забота только о других, не о себе. А вообще жил он под девизом: «Обещал — должен выполнить!» Так и поступал всю свою нелегкую жизнь.

Состояние брата ухудшалось с каждым днем. Он похудел, уставал быстро. Видимо, чувствовал сильную боль, но молчал.

Как-то позвонил мне и Шагену, предложил поехать на кладбище к родителям. Поехали. Долго стояли у могилы отца и матери.

Первый раз я видел, как Гурик горько плакал. Рыдал. Мы с Шагеном поняли: «Пришел попрощаться!»

Ему осталось жить два месяца!

А мы верили, верили в то, что обязательно произойдет чудо: он будет с нами еще долго. Каждый занимался своими делами с тревогой в сердце.

Младший сын Гурика Армен поехал на гастроли в Америку, я вернулся в Москву, потому что Анна Павловна получила трехкомнатную квартиру, и мы должны были переехать с Ленинского проспекта в новый дом. Алик, старший сын брата, тоже находился в Москве. В Ереване остались Шаген и, естественно, Эмма, которая ни на шаг не отходила от Гурика.

В начале сентября мы переехали в новую квартиру.

Страшная болезнь, как и брата, постигла Александра Александровича, моего тестя. В тяжелом состоянии мы его перевезли на новое место, к которому он никак не мог привыкнуть: «*…Зачем мы переехали сюда и где мы?*» — все время спрашивал он.

31 октября 1987 года. Вечер. Я позвонил в Ереван поздравить с днем рождения Гурика. Ответила Эмма: «*Вилен, Гурику очень плохо. Он почти не говорит*».

Первого утром Шаген сообщил, что брату стало хуже, мне и Алику надо срочно вылететь. Но ни я, ни Алик уже не застали Гурика живым. Прилетели поздно. Я подошел к нему и вдруг вспомнил сказанные как-то им слова: «*Знаешь как больно, что я так и не увидел ваших лиц, лиц мамы и отца, моих детей. Не увидел лица моей любимой жены Эммы*». Горько! Очень обидно за Гурика.

Его не стало в ночь на 2 октября 1987 года.

Ему было только 65 лет.

Его любили все. Тяжелая, невосполнимая утрата! По сей день не могу примириться…

Вскоре я вынужден был вернуться в Москву. Надо было монтировать фильм. Дома в Москве тоже было тревожно: здоровье Сан Санича с каждым днем становилось хуже. Я вошел к нему. О кончине Гурика он уже знал. Еле приоткрыв глаза, посмотрел на меня и с сочувствием тихо сказал: «*Хороший был человек!*» По-

следние дни страшные боли сильно мучили его. Конец настал 24 ноября 1987 года.

Мне захотелось именно сейчас, здесь рассказать о нашей собаке — Панчо. Дело в том, что пес больше всех был связан с отцом Аллы. Сан Санич уже с трудом ходил, болели ноги. Панчо ложился на его ноги и грел их. Это было удивительное зрелище. А когда мы попрощались с отцом, собака больше ни разу не вошла в ту комнату, где лежал Сан Санич, только проходя мимо, останавливалась и как бы с грустью смотрела на дверь. Через год Панчо ослеп. А прожил он с нами 15 лет.

Пример беспредельной преданности…

Вилену дали увольнительную, и он приехал прощаться с дедом, которого привык видеть сильным, крепким, добрым, бесконечно его любящим, который старался воспитать и в нем все эти качества. Внук написал стихотворение, посвященное деду:

…Я возвращаюсь мысленно назад
Туда, где время скрылось на закате,
И вижу тот до глубины знакомый взгляд,
Смех и крепкое рукопожатие…
Я помню его тост, которым мы простились,
Его сухую, но богатую душой слезу,
Которая невольно на свободу напросилась,
Скользнула и прижалась к сердцу моему.
Тогда он сжал меня в своих объятьях,
Невольно дернулась щека.
И я услышал от него слова:
«Живи и ЧЕЛОВЕКОМ будь!»…
В его глазах светилась радость,
Возможно даже гордость за меня,
Ведь он увидел, может быть, себя,
Увидел и простился молча навсегда.
Что было в том простом мгновеньи,
Простом, обыденном со стороны?..
Но нет, тогда мне передали сердце,
Передавалась память с чистотой любви…

Вилен с дедушкой

1987 год. Каким-то роковым он был.

На студии монтировал фильм, вдруг звонок от Аллы: «Срочно позвони Армену Джигарханяну: с Леной (дочь Армена) что-то случилось».

Что могло случиться? Полчаса назад мы с Арменом были вместе. Мы расстались в хорошем настроении, он даже предложил мне поехать к нему домой, сказав: «Приехала теща и привезла много вкусного». Но я спешил. Надо было завершить картину к концу года.

Я позвонил Армену. Еле слышным голосом тот сказал: «Леночка скончалась». Лена — единственная дочь Армена.

Трагедия произошла в ночь на 24 декабря 1987 года…

Вот так за год две невосполнимые утраты и вдобавок уход из жизни совсем юной девушки, дочери друга…

В 1988 году мы с Левоном Григоряном написали сценарий для создания фильма-портрета об Армене Джигарханяне. Сценарий был одобрен студией «Ереван», и я приступил к подготовке.

Что-то меня беспокоило. Во-первых, совсем свежа была рана, полученная Арменом с уходом дочери. И, во-вторых, мы знаем друг друга почти 50 лет, и почему-то мне казалось, что трудно работать с близким человеком, тем более таким популярным, как Армен.

Так и случилось.

Первый «удар» мы с Левой получили от самого Армена. Он прочитал сценарий и категорически не согласился с нашей концепцией, предложив свое видение.

Без особого желания мы переделали сценарный ход и, получив одобрение Армена, с большим опозданием приступили к съемкам.

Конечно, мы все понимали, тяжело было Джигарханяну в те дни, он переносил тяжелое горе. Но, скрывая свои эмоции, выполнял задачи, которые мы ставили перед ним.

Больше всех я рад был, что в картине снималась мама Армена, дорогая всем нам Елена Васильевна. Армен обращался к ней: «моя бесценная Эло». В кадре она очень тепло рассказывала о сыне, о внучке.

Снимались у нас академик Левон Бадалян, Никита Симонян, режиссер Андрей Александрович Гончаров, зрители, поклонники артиста.

Мы использовали сцены из спектаклей с участием Джигарханяна: «Беседы с Сократом», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Кошка на раскаленной крыше», «Трамвай «Желание», «Закат».

Конечно, самое интересное в картине — это беседы с Арменом Борисовичем. Он увлеченно говорит о театре, об актерской профессии, о кино, об уважаемых коллегах и друзьях.

Картина была прекрасно принята и прессой, и зрителями, а я особенно рад, что создал картину об Армене Джигарханяне, любимом многими артисте и моем верном друге.

В этот же 1988 год, в декабре вместе с группой туристов я вылетел в Индию и Непал. Эта была моя вторая поездка в эти страны. Только приземлились в Дели, узнали о трагедии в Армении: 7 декабря 1988 года произошло сильное землетрясение в Армении. В зону землетрясения попали десятки городов и поселков. Полностью стерт с лица земли город Спитак (население 16 тысяч человек), располагавшийся в непосредственной близости от эпицентра.

Более 80% жилого фонда разрушено в Ленинакане — втором по величине городе Армении с населением около 250 тысяч жителей. Очень пострадал Кировакан. Много селений сильно разрушено. Погибло более 25 тысяч человек (из других источников — 50 тысяч человек), раненых было более 17 тысяч.

В гостях у скульптора Левона Балтаяна в связи с 70-летием Довлатяна. Слева направо: дочь Левона, Армен Джигарханян, Фрунзик Довлатян, Левон Балтаян и я. Москва

Около 2 миллионов жителей Армении остались без жилья и пострадали от зимних морозов…

Мы читали подобную информацию в разных газетах, на стендах, плакатах. Что нас особо поразило — везде стояли стеклянные урны с надписью: «*Помощь нашим армянским друзьям*».

Мы были в шоке.

Экскурсии, прогулки по городу нам были не в радость.

Все мысли — только о родине, об Армении и желание быстрее вернуться. По приезде в Москву я узнал ужасающие подробности о положении в зонах землетрясения. Тревога, боль, беспокойство еще долго не утихали.

Единственная радость этих дней — возвращение сына из армии.

Отметили тихо, по-домашнему. Жаль, дед, Сан Санич, не успел увидеть любимого внука-солдата. Я вспомнил тогда: Вилька уже

окончил школу, и как-то речь зашла об армии, он во весь голос кричал: «Я не пойду в армию!» А дед, спокойно растягивая слова, повторял: «Пой-дешь, пой-дешь!!..»

...А тем временем наш творческий тандем с Альбертом Гаспаряном крепчал. В 1990 году Альберт предложил снять фильм о Сергее Александровиче Худякове (настоящее имя Арменак Артемович Ханферянц), советском маршале авиации.

Сценарий он назвал: «Тайна маршала». Название полностью соответствовало истинной судьбе знаменитого маршала.

В чем заключалась тайна Худякова?

Сергей Худяков долгое время выдавал себя за русского, скрывал настоящее имя, фамилию не только от своих сослуживцев и близких, но даже от родителей, которые после расстрела Худякова еще были живы и не подозревали даже, что Сергей Худяков — их родной сын.

В чем обвинили боевого маршала, участника Тегеранской конференции, в 1946 году?

«Худяков Сергей Александрович, он же Ханферянц Арменак Артемиевич, маршал авиации, бывший командующий 12-й воздушной армией, 1902 года рождения, армянин, сын владельца рыбного промысла, бывший член ВКП(б) с 1924 года. Обвиняется в шпионской деятельности. Агент английской разведки. В 1918 году был завербован в городе Баку английской разведкой, по заданию которой, скрыв свою настоящую фамилию, национальность и социальное прошлое, внедрился на военную службу в Красную Армию и пролез в ряды ВКП(б)... Арестован 18 марта 1946 г.»...

18 апреля 1950 года мужественно державшийся на допросах Худяков был приговорен к высшей мере наказания — расстрел с конфискацией имущества. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Мы придумали следующую форму подачи материала.

Идет показательный суд, где журналист в роли судьи задает вопросы тем, кто в свое время работал с маршалом. На «суд» мы пригласили бывшего шеф-пилота Худякова Малафеева, сыновей Сергея и Володю, бывших генералов, верных соратников Сергея Александровича.

Все до одного убедительно доказали невиновность маршала и рассказали все как было.

Вот что рассказал Малафеев:

«Худякова обвинили не только в шпионаже в пользу английской разведки, но и повесили на него присвоение трофейного имущества и ценностей с таинственно исчезнувшего самолета, за который ответственен был Худяков.

На свидетеля искали компромат и нашли. Один из транспортных самолетов, вывозивший из Китая золотой запас Маньчжурии, бесследно исчез. Маршалу было предъявлено обвинение, что драгоценности он прибрал к своим рукам.

Забегая вперед, скажу, что обломки разбившегося «Дугласа» с драгоценностями и останками членов экипажа были найдены в прибайкальской тайге таежными охотниками в 1952 году, когда Худякова уже не было в живых».

«14 декабря 1945 года командующий 12-й воздушной армией возвращался в Москву в надежде свидеться с родными и залечить мучившие его старые раны.

Самолет, пилотируемый по обыкновению лично Сергеем Александровичем, совершил промежуточную посадку в Чите, где маршала встречали генералы и офицеры. Он, было, направился к ним, но тут на летное поле вылетел черный «ЗИС», из которого вышел генерал контрразведки «СМЕРШ» и пригласил его к себе на заднее сидение. Машина резко сорвалась с места…» — рассказывает один из присутствующих на «допросе».

«Сдается, был еще один повод для неприязни Сталина к Худякову. Вызывает его как-то «вождь народов» с Дальнего Востока и поручает взять шефство над его сыном Василием, который, как признался отец, «отбился от рук».

Эту историю поведала Варвара Петровна, жена Худякова. От ее лица текст читает Леонид Гурунц:

«…Не прошло и месяца, как Сергей снова вернулся. На нем лица не было.

– Случилось что?

– Случилось. Василий Иосифович Сталин на глазах у начальника штаба изнасиловал его жену, и тот застрелился.

– Ты-то причем?

– Должен доложить об этом Сталину. Отказаться от «перевоспитания» его сына...

«Разговор наш имел продолжение после «высокой» аудиенции, — рассказывает жена маршала.

— По-твоему, он конченый человек? — спросил Сталин у Худякова.

— Боюсь, что так, товарищ Сталин.

— Хорошо, идите! — тяжелым, проницательным взглядом глядел Сталин Сергею вслед».

Худякова после войны с Японией в Москву не пустили, чтобы не было утечки информации о непристойном поведении Василия…

Рассказывает сидящий в зале суда соратник Худякова:

«…Службисты Берии, на основе вскрытия истинного происхождения Худякова, сочинили о нем целый роман. Про шпионаж в пользу английской разведки, участие в конвоировании в Красноводск 26-ти Бакинских комиссаров, сопротивление установлению советской власти в Закавказье и прочее. Стойкий полководец держался четыре года, признаваться ему было не в чем. Уже измученного и совершенно ослабленного, его приговорили к расстрелу, и 18 апреля 1950 года приговор привели в исполнение на Донском кладбище…»

Так закончилась короткая и яркая жизнь еще одного преданнейшего Родине воина и гражданина.

Фильм получился интересным и полезным: мы все должны знать своих верных Родине великих граждан.

К сожалению, картина потеряна, и ответственность за это так никто и не взял на себя.

Этим фильмом и завершилась моя долгая, очень плодотворная творческая жизнь на студии телефильмов «Ереван», где я проработал более 34 лет.

Заслуженный отдых

В 1991 году 1 февраля мне исполнилось 60 лет. И в этот же день я написал заявление на имя нового директора студии, Моники Тер-Погосян, следующего содержания: *«Прошу срочно оформить мою долгожданную пенсию! С уважением, Вилен Захарян»*.

Моника Арамовна, конечно, уговаривала остаться еще года на два, ведь она только стала директором, обещала интересные совместные работы. Но я не поддался на уговоры.

Тогда на студии было принято решение: «С огромным уважением и достойно отпраздновать 60-летие нашего «Старика» студии телефильмов «Ереван!». На торжественный вечер пришел весь коллектив: зампредседателя госкомитета, коллектив телецентра вместе с руководством, группа телеоператоров, мои верные ребята, с которыми я снимал свои фильмы: Хачик, Тарон, Цовик, Ашот, Варсик.

Моника Арамовна поблагодарила меня за мою работу, за создание студии телефильмов «Ереван», за радость, которую я доставлял своим юмором. Сердечные слова благодарности говорили все присутствующие, а больше всех — мои дорогие ребята, верные спутники моей творческой жизни.

И я поблагодарил всех и пообещал сохранить в сердце теплоту наших отношений и память о дорогой студии «Ереван»…

Это было неповторимое и незабываемое прощание с ДОМОМ, который дал мне имя и СЛАВУ. Низкий поклон вам, друзья!.. Низкий поклон тебе, дорогая Моника Арамовна!

Покидая студию, я оглянулся назад и, признаюсь, еле сдержал слезы. Ведь почти 35 лет здесь я верой и правдой служил своему

любимому делу, впервые нажал кнопку пульта управления, показав зрителю свою первую самостоятельную передачу. Здесь впервые создали мы с Жирайром Аветисяном студию телефильмов «Ереван», которая в очень короткий срок благодаря нашей плодотворной творческой деятельности прославилась на весь Союз. Здесь достойно оценили мою творческую работу, присвоив звание заслуженного деятеля искусств Армении. И, наконец, здесь я приобрел многочисленных друзей-коллег, многие из которых до сегодняшнего дня остались верными и преданными.

Да, прощаясь с этим ДОМОМ, я дал клятву больше никогда в него не возвращаться.

В 1991 году расстался я и с Ереваном, окончательно переехав в Москву, решив, наконец, полностью посвятить себя семье.

Первый год было очень трудно.

Жена работала. Сын продолжал учиться в мединституте. Мать Аллы, несмотря на болезнь, продолжала работать на Фотохронике ТАСС.

60 лет. Я еще полон сил и здоровья. Хотелось работать, снимать, показать и доказать, что я еще в состоянии творить.

К счастью, ждать не пришлось долго.

Случайное знакомство с мудрейшим человеком, великолепным режиссером, художником Игорем Романовским (мы стали потом соавторами и друзьями) привело меня к интересной работе.

Романовский руководил студией «Перспектива». Он предложил снять фильм об известной переписке между Петром Чайковским и Надеждой фон Мекк.

Идея мне понравилась. Я и главный редактор музыкальной программы центрального телевидения Буйнов написали сценарий. Спонсором стал Марк Исаакович Кларисов, художником — сам Романовский. Оператором — Виктор Хрущев.

Переписка Петра Чайковского с фон Мекк, интересная, поучительная тема. Около 1200 писем написали они друг другу. Любовь и жизнь, печаль и радость, верность и преданность , взаимопонимание и взаимовыручка в самые тяжелые минуты жизни — вот темы, которые обсуждают в них два незаурядных человека.

Если бы не было графини фон Мекк, не было бы и некоторых произведений Чайковского. Надежда Филаретовна часто финансово поддерживала Петра Ильича в трудные минуты его жизни. Любовь к Чайковскому и к его музыке сподвигли ее к этому. Композитор особо благодарит ее, посвящает ей одну из своих симфоний.

Три года длилась переписка, но они ни разу не встречались.

Романовский предложил снять фильм на натуре. Мы выбрали Московский ботанический сад.

Чайковского исполнил главный режиссер тверского Театра юного зрителя Сергей Кузьмин, роль фон Мекк — Людмила Адамчук, из того же театра.

Фильм назвали «ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ».

Игорь Романовский!

Знакомство с этой удивительной личностью открыло мне новую дорогу в творчестве. Он не только помог мне вернуться в любимую профессию, но и открыл во мне преподавателя. Игорь Иванович заведовал кафедрой режиссерского факультета Института радио и телевидения. Вот и пригласил меня поделиться опытом с молодыми студентами. Предложение было очень заманчиво, но, честно говоря, я не был готов к такому повороту в своей жизни, однако согласился и стал искать новые формы подачи материала студентам. Потом успешно реализовывал свои достижения почти пять лет…

После завершения картины продюсер Марк Исаакович предложил мне на тему «Переписка Чайковского с фон Мекк» поставить спектакль в тверском ТЮЗе под названием «Посвящение».

Предложение вдохновило меня. Ведь я никогда не ставил театральные постановки. И вдруг такое предложение. Упустить шанс было невозможно.

Актеры те же, что снимались в фильме. Но фильм был построен на двух персонажах. А в спектакль я задумал ввести героев опер Чайковского. Значит, следовало написать пьесу.

Я обратился к моему соавтору, талантливому сценаристу и писателю Нуру Рамазанову, с просьбой участвовать в этом интересном проекте.

Вместе мы еще раз тщательно изучали письма этой переписки, и Нур Абдулович в кратчайший срок представил пьесу. Получив одобрение в театре, я с волнением и трепетом приступил к работе.

Я получал огромное удовольствие от этой работы, почувствовал, что во мне давно таился театральный режиссер. Я вспомнил моего мастера Вагарша Богдановича: «*Выкинь из головы кинематограф. Ты создан для театра. Ты обязательно станешь замечательным театральным режиссером!*»

Да, маэстро, Вы были правы. Я поставил спектакль в театре, первый и последний раз! Спектакль, который был принят зрителем на «ура».

И сейчас я сожалею, что столько лет игнорировал театр.

Это совсем другой мир. Каждодневные работы с актерами, за столом, в репетиционном зале, на сцене. Каждодневный живой спектакль и каждодневное волнение: открывается занавес, и начинается творчество. И так каждый день. Надо однажды почувствовать запах театра — сцены, чтобы заразиться им навсегда.

После премьеры. Поздравление

Вилен и Марина

Я благодарен коллективу тверского ТЮЗа, который разбудила во мне эти чувства…

Хочу вспомнить одно обстоятельство, которое очень обрадовало, хотя было неожиданным.

Во время генеральной репетиции мне звонит сын и сообщает, что 5 февраля состоится его свадьба. «Какая свадьба?» — спрашиваю. «Обыкновенная. Папа, я женюсь на Марине. Постарайся приехать». Да, это меня удивило.

Хотя я знал, что Вилен и Марина давно вместе, но о свадьбе пока речи не было. Естественно, я был рад и бесконечно счастлив. Но как оставить репетицию в театре? Я, честно говоря, был в замешательстве. Актеры, узнав о моей проблеме, в один голос закричали: «Свадьба, свадьба!!!» Я выехал в Москву.

Сбылась моя мечта — дожить до свадьбы дорогого сына, увидеть его счастливым и удачливым.

Свадьба была веселой, тамада Роберт Баблоян все сделал на высшем уровне.

Я тоже произнес тост: «*Запомни, сын, этот день на всю жизнь. Чтобы ваша с Мариной жизнь была такой же долгой и счастливой, как у нас с мамой!*»

Вместе с невесткой, мы с Аллой приобрели и новых друзей — родителей Марины. Алена Наумовна и ее супруг Дан Лаврентьевич стали для нас близкими родственниками. Доброта, отзывчи-

Мои родные!

вость, умение прийти на помощь — вот что характерно для этой пары. Мы очень их любим, благодарны за подаренную нашей семье прекрасную дочь.

Возвратился в Тверь я в хорошем настроении и приступил к приостановленной работе.

Премьера спектакля состоялась в 1994 году, в феврале.

В Твери я очень тесно работал с Марком Исааковичем Кларисовым. Человек он был удивительный, преданный искусству, а театральному особенно. Несмотря на возраст, с утра до вечера находился в театре, работал с актерами, учил молодых правильному поведению на сцене, даже танцам, хотя у самого очень болели ноги.

Вместе мы собирались снять фильм по пьесе французского автора «Кто убил?». Написали сценарий, подобрали актеров, оператора, но… по какой-то причине проект был остановлен. Жаль. Но я счастлив, что судьба свела меня с ним — человеком интересным, образованным, влюбленным в театр.

Мы рады за наших детей
и удачной премьере в театре…

Раз речь зашла о театре, не могу не представить своего давнего друга, талантливого режиссера и педагога Сергея Мелконяна. Сергей «болен» театром. Театр — его вдохновение, его жизнь. Он предан театру. А в театральной режиссуре Сергей — новатор. А еще он прекрасный педагог.

Результат ЭТОЙ его деятельности — плеяда прекрасных актеров. Я с особым вниманием слежу за его работами, уважаю и понимаю ЕГО видение театральных постановок, непредсказуемых, необычных, ярких. В каждом новом спектакле чувствуется его убежденная индивидуальность, его «Я», его своеобразный почерк, что так важно для вдумчивого профессионала-творца. Я искренне желаю ему и в дальнейшем оставаться таким же непокорным и всегда доводить задуманное до самых высоких вершин. Я верю в него!

…В Москве я продолжил свою педагогическую деятельность. Естественно, не забывал и о своей основной профессии.

А дома были одни неприятности.

Заболела Алла и лежала в 53-й больнице. А через два дня, прямо с работы, увезли в 67-ю больницу и Анну Павловну. На семей-

Сергей Мелконян, Армен Джигарханян и я. Сергею 50 лет

ном совете вначале решили Алле не говорить об этом. Но скоро Анне Павловне стало хуже, и пришлось об этом сообщить Алле.

Мать Аллы угасала на наших глазах. Мы постоянно находились у ее постели. Я чувствовал себя перед ней виноватым: последние месяцы между нами бывали небольшие споры.

И когда в больнице ее увозили в реанимацию, я подошел к ней, посмотрел ей в глаза и шепотом произнес: «*Надолго запомню свою неправоту перед вами. Простите!*»

Конец наступил 29 июля 1994 года.

После похорон, на следующий день, первого августа я заболел. Название болезни я услышал впервые: опоясывающий лишай.

Почти целый месяц болезнь мучила меня.

Не знаю, почему-то в этот период я думал только об одном: «*Анна Павловна все-таки не простила меня!!!*»…

Глупость!

Раз живу, вот уже разменял девятый десяток, значит — *ПРОСТИЛА!*

21 августа 1994 года родился наш дорогой внук Александр. Сашка принес нам большую радость, и мы тут же «поделились» ею с Анной Павловной, стоя у ее свежей могилы... Она так хотела его видеть…

Малыш родился здоровым, крепким, красивым. Мы, обе бабушки и счастливые дедушки, праздновали, веселились, радовались.

Рос Александр Виленович как-то уж очень быстро... Не успели моргнуть, он пошел в школу, повернулись, а он уже окончил 11-й класс. Не успели поздравить, он уже студент медицинского факультета. И теперь с огромной надеждой жду время, которое даст мне возможность увидеть нашего дорогого Сашку с дипломом в руках.

И еще, хочу увидеть ПРАВНУКА! Очень хочу дожить до этого дня!

Сашка — наша гордость, наша надежда, наше будущее…

…В августе 1997 года исполнилось 60 лет директору крупного химического института академику Евгению Александровичу Рябенько. О нашей встрече с ним в 1963 году я уже рассказывал. Мы дружили. Дружим и сейчас.

Женя пригласил нас с женой на торжественный вечер и просил снять фильм о нем, в связи с юбилеем.

Я согласился!

Праздник прошел на славу.

Естественно, весельем не завершилась наша работа. Мы сняли несколько кадров, рассказывающих о деятельности института, поговорили с сотрудниками, учеными.

Роль ведущего я предложил самому Рябенько. Он интересно, подробно поведал историю института, раскрыл особенности его деятельности. В итоге, получился достойный фильм.

Мы еще маленькие

Мы уже взрослые.
С Аллой и Папиком

А это наша дружная новая семья. Родители Марины и мы с Аллочкой. Марина и наш главный герой — Саша. Снимает нас Вилен-младший

Во время съемки мое внимание привлек человек средних лет. Познакомились. Между нами возникла обоюдная симпатия. Мы подружились, и дружба продолжается по сей день.

Кесоян Геворг Арутюнович, так звали моего нового знакомого, стал верным другом мне и моей семье!

Уникальность этого ученого заключается в том, что помимо своей профессии Геворг Арутюнович обладает великолепной эрудицией. Он удивляет знаниями истории армянского народа, религии. Удивляет доскональными знаниями мира искусств. Театр, кино, живопись — его стихия. Спорить с ним невозможно, просто надо слушать его и обогащать свой кругозор.

Что касается его общечеловеческих качеств, для меня он настоящий, надежный друг, который никогда не подведет.

Я всегда спокоен рядом с крепким и умным «*младшим братом*»!

Собрались верные мне люди отметить мой 70-летний юбилей: Геворг, Алла, я, Саша Бабилаев, Эмма, Офелия

…Корреспондент армянского телевидения в Москве, замечательный оператор Ромик Карикян как-то предложил снять фильм о московской школе № 1650. Школа особенная — с углубленным изучением языков разных национальностей. Здесь учились дети разных народов, основной язык обучения был русский, но дети изучали и свои национальные (а их было около 20) языки.

История зарождения школы — очень волнующая.

После землетрясения в Армении в 1988 году многих армянских детей отправили в Москву в Реабилитационный центр «Ленинские горки».

И в это время нашелся человек, благородство которого не имеет границ, с доброй душой и теплым сердцем, он и решил открыть школу для 700 пострадавших армянских детей. И каждый день в любую погоду, не взирая ни на что, человек-созидатель ездил из Москвы в «Ленские горки», принося с собой теплоту и любовь к детям. Цель мудрого и сострадающе-

го человека была одна — развеять в их душах страх и горе, вернуть им *жизнь!..*

ЧЕЛОВЕКА этого звали Офелия Вазгеновна Аракелян!

Мы с Ромиком сидели в кабинете Офелии Вазгеновны. Здесь находился и молодой человек, с которым нас познакомила Аракелян, Борис Авганович Петросян, бизнесмен. Он любезно предложил финансировать будущий фильм.

Вот так неожиданно быстро и решилась судьба картины.

Мы продолжали знакомиться с Офелией Вазгеновной.

Выяснилось, что она до приезда в Москву работала на армянском радио звукооператором. Я ее вспомнил и еще вспомнил, что она была очень хорошей спортсменкой.

Школа, которую создала Офелия Аракелян в Москве, вот уже 23 года одна из лучших в Москве. Я ее называю мини-Советский Союз. Дети учатся здесь спокойно. Живут в согласии, уважают друг друга, несмотря на национальность. Я как-то сказал, что «*с такими ребятами мир на земле обеспечен на века!*»

Да, это заслуга Офелии Вазгеновны и ее коллектива преподавателей.

Сегодня во главе школы стоит дочь Офелии Вазгеновны, Тереза Агасиевна. Безграничной любовью к детям, принципиальностью и педагогической смекалкой Тереза в очень короткий срок снискала к себе любовь и уважение учеников и педагогов. В этой маленькой, щупленькой особе столько энергии и задора, ее никогда нет в кабинете, она среди детей, среди учеников. Тереза Агасиевна строга и последовательна, и ей удается успешно поддерживать уровень образования и авторитета школы.

Благодарность коллектива и учеников в адрес Терезы — это благодарность и ее матери Офелии Вазгеновне.

Тереза — НАСЛЕДНИЦА МАТЕРИ!

Для написания сценария я опять пригласил Нура Абдуловича Рамазанова. Как всегда, в очень короткое время он представил отличный сценарий, и после некоторой поправки мы с Ромиком приступили к съемкам…

Великолепная тройка: Офелия, Аллочка и Эмма. Улыбки девушек озаряют мой дом!

Несколько слов о *Рамазанове* — о писателе, сценаристе и моем соавторе.

Человек бескомпромиссный, мастерски владеющий своей профессией. Интеллектуал. Литературу и живопись знает блестяще. По характеру он достаточно жесткий, импульсивный. Очень редко соглашается исправить что-либо в своих произведениях, потому что считает: он пишет то, что ПРАВИЛЬНО, что ПРАВДА.

Честно говоря, мне очень трудно работать с ним: каждодневные споры, ссоры, несмотря на то что мы знаем друг друга с 1982 года. Но я очень рад, что у меня есть такой друг, у которого я многому научился.

Кстати, эпиграфом к этой книге я взял его слова…

Картина о московской школе № 1650 была принята на ОТЛИЧНО!

А название картине придумал мудрый Нур Абдулович: «*МИР ВАШЕМУ ДОМУ!*».

Здесь мне очень хочется вспомнить Ромика Карикяна.

(Отрывок из моей статьи к его 60-летию).

«…10 часов утра.

Москва, школа № 1650.

Начало последнего съемочного дня.

Мы с Ромиком сидим в маленькой уютной комнате и ждем нашу героиню.

Почему-то в это утро мы не говорили о предстоящих съемках. Не знаю почему, но вдруг я обратился к моему другу и задал ему совсем детский вопрос:

— Слушай, если б не был оператором, кем бы ты стал?..

Не сразу, чуть улыбаясь, он ответил:

— Наверно… ОПЕРАТОРОМ! Потому что я им уже стал.

— …Ты знаешь, почему-то я всегда следил за твоими успехами, болел за тебя, радовался. И когда узнал, что ты телекамеру поменял на кинокамеру, подумал: может, и в этой области посчастливится нам работать вместе. И вот — пожалуйста — сбылось! Кстати, сколько у тебя на счету телепостановок?

— Около двадцати пяти. А передач, наверное, не сосчитать. Очень благодарен режиссерам, с которыми работал, в том числе и тебе. Я благодарен многим моим коллегам-операторам, которые верили в меня и предлагали лучшие передачи. Горжусь, что я ни разу не подвел их.

— Ты доволен своей корреспондентской работой? Вот уже 25 лет ты отдаешь себя этой очень сложной и трудной работе?

— Ты знаешь, когда мне предложили стать корреспондентом, в первую очередь я задал себе вопрос: а почему я?

— Потому что ты, во-первых, уже блестяще владел кинокамерой. Во-вторых, оценили твои человеческие качества — порядочность, вежливость, дисциплинированность, умение общаться с людьми и, в-третьих, — высокий профессионализм.

— Спасибо за добрую оценку моего труда. Да, ты прав, это адский труд. С утра до поздней ночи на ногах. Охватываешь своим объективом все, что происходит вокруг. Смотри, сколько наших соотечественников в Москве, в России. Помимо посольства Армении, я еще сотрудничаю с Союзом армян России. Так что приходится встречаться со многими соотечественниками, с их проблемами, страданиями и радостями. То, что я делаю, самое главное, самое важное — все, проходящее через мой объектив, думаю, станет историей для будущих поколений…

…Открылась дверь, и в комнату вошла секретарша:

— Офелия Вазгеновна вас ждет…

…В этот день мы закончили съемки фильма, посвященного московской школе № 1650, которой исполнилось 10 лет.

…А через месяц в посольстве Армении состоялась презентация, где и его работа, работа оператора Карикяна была оценена высоко. А я глядел на его сияющее открытое молодое лицо и думал, как мне легко и уютно было работать на съемках этого фильма…

…Благодаря Альберту Гаспаряну в Москве я познакомился с очень многими известными людьми. В доме Альберта и Эммы, его супруги, часто бывали журналисты, деятели театра и кино, писатели, поэты, прославленные спортсмены, тренеры, видные военные, политики. И каждый раз Альберт и Эмма приглашали и нас с женой.

Более сорока лет *Альберт Амаякович Гаспарян* был собственным корреспондентом газеты «Советакан Айастан», а по сути — посланником армянской культуры в Москве, да и во всей России…

Альберт Амаякович подарил много книг, сборников, альбомов, фильмов, очерков и статей, и не только своему народу.

Очередную книгу, посвященную кинематографистам Армении, он выпустил в девяностые годы. Очень переживал, что в ней не было статьи обо мне. Я его понимал: в книге речь шла только о тех режиссерах, операторах, художниках, которые непосредственно работали на «Арменфильме».

Он готовил следующую книгу. В ней речь должна была идти о творчестве работников телевизионного кино. А мне он говорил: «Первая страница твоя!»

К сожалению, в тот период мой друг уже тяжело болел: страшная болезнь — диабет — постепенно разрушила его здоровье.

Как-то он позвонил и попросил принести с собой фотографии и статьи обо мне.

11 марта 1997 года, вечером, мы с Робертом Баблояном поехали к нему.

Альберт лежал в постели. Как сказала Эмма, он очень плохо себя чувствовал.

Мы сидели рядом, мирно беседовали, говорили о разном и очень много — о предстоящей книге.

После чаепития, поздней ночью мы с Робертом, попрощавшись с Альбертом и Эммой, вышли на улицу. Стояли около дома Альберта и долго молчали. Потом я посмотрел на Роберта и почувствовал, что он думает о том же, что и я.

Да, это была последняя встреча с нашим дорогим другом!

На следующее утро позвонила Эмма и сообщила о кончине Альберта.

Сказать, что сообщение для меня было неожиданностью, не могу. Я уже в тот последний вечер мысленно попрощался с ним. Его состояние тогда было слишком тяжелое.

Ну вот, опять потеря. Потеря невосполнимая!

Сидел и думал, как прощаться с любимым другом, какие слова найти, чтобы утешиться, успокоиться.

Решил написать о последнем телефонном звонке, который раздался утром 11 марта 1997 года…

…В это утро телефон звонил почему-то очень тихо. Подошел, снял трубку:

— Да!

— Привет!

— Привет… — одну секундочку, у меня кофе… — Не успел — весь кофе на плите. — С досадой: ну, вот, как всегда твой звонок не вовремя: вся плита в кофейной гуще.

— Это хорошо, — своим удивительным спокойствием он как бы порадовал меня…

Я мысленно увидел на его круглом добром лице скрытую ухмылку. Увидел прищуренные, светящиеся глаза, всегда казавшиеся огромными через оправу очков, в которых, казалось, он родился. Я понял, что попался в его ловушку: он готовился в очередной раз сострить…

Я очень люблю его юмор: тонкий, теплый, беззлобный, к сожалению, не всем понятный, невероятно острый.

Помню, как-то по телефону я сообщил ему о смерти нашего общего знакомого, который скончался во время обеда.

— Инфаркт? — сочувственно спросил мой друг.

— Да, совсем здоровый человек, представляешь, — начинаю наивно рассказывать о случившемся, — пока он ел первое, жена пошла за вторым, а вернувшись, застала его мертвым…

— Кошмар. Кстати, это урок нашим женам. Если бы и первое, и второе было одновременно на столе, бедняга жил бы, да жил…

— Ну, и садист же ты, — с трудом сдерживая смех, сказал я.

— Хи-хи-хи… — слышу очень мне дорогой, тихий, невероятно заразительный его смех… И мы долго безудержно смеемся, смеемся до слез.

— Прости, Господи, прости нас грешных, — молюсь за себя и за него.

Я очень люблю его. Люблю смотреть на его огромную фигуру, легкую походку, люблю его манеру разговора, как он рассказывает. Боготворю его эрудицию, знание всего и вся. Люблю читать его сценарии, рассказы, статьи — умные, доходчивые. Люблю смотреть, как он работает над своими фильмами. Люблю слушать его оценки театра, кино, музыки, литературы — всегда точные, правдивые. Люблю его профессионализм. Люблю его доброе сердце, душу, отзывчивость.

Да, Бог подарил мне друга, ставшего частью моей жизни. Спасибо Тебе, Всевышний!

— Что тут хорошего? — продолжаю я начатый разговор. — Ну, говори же, говори, — еще не зная, что он скажет, уже сдержанно улыбаюсь.

— Убежавший кофе — это к счастью, это означает, что ты вместо ада попадешь в рай… А если бы я не позвонил, ты остался бы в аду.

— Очень остроумно, спасибо… — искренне радуюсь его игре, — ну, а если серьезно!

— А если серьезно… когда поедешь ко мне, не забудь взять материалы о себе.

Повесив трубку, я подошел к плите, где было кофейное «озеро», и вдруг увидел в нем фигуру крупного человека, смотревшего куда-то вдаль. Перед ним длинная извилистая дорога, а за ним силуэт знакомой горы…

Наваждение какое-то!

Я бросился к телефону, чтобы разделить с ним мое удивление, но в этот момент на кухню вошла моя жена:

Вот такой он, наш несравненный товарищ!

— Смотри, смотри на эту фигуру. Это же Альберт, толстяк наш, вот он стоит на фоне Арарата, вот он…

— Жаль, что он не слышит, сказал бы тебе что-нибудь подходящее, — с иронией заметила моя жена.

«Жаль, что он не слышит!»

Эти слова моей жены прозвучали реквиемом по моему другу.

Больше он не звонил…

А я жду, очень жду… Жду каждое утро, каждый день, каждый вечер. Жду, чтобы спросить его, что означает потерять друга? Шутка?

Годы прошли почти незаметно.

Жена моего друга Эмма стала верной и преданной подругой нашей семьи. Благодаря Эмме Гайковне, в доме Альберта сохранились традиции, установленные хозяином дома: те же встречи, те же люди, те же столы, накрытые армянской вкусной едой. Эмма крепко хранит память о любимом муже. Каждый раз, когда мы собираемся у нее дома отмечать день рождения Альберта, все поднимаем бокал и чокаемся как бы с присутствующим за столом нашим товарищем: чтобы он слышал — мы его помним.

Но, к сожалению, «преданные» гости и «друзья» постепенно ушли… Такова жизнь!

Зато любовь и уважение к Эмме у нас с женой становились все крепче.

Вот такая наша Эмма Гайковна… Ты, твой ум, твоя улыбка, Эмма, греют нас

Видимся часто, на дню по нескольку раз перезваниваемся, шутим, беседуем. А беседовать с Эммой Гайковной огромное удовольствие. Знаток русского языка, она обучает великому русскому языку молодых людей, и не только. Передает им свои знания, опыт.

Да! Мы гордимся своей подругой, любим ее.

Окруженная детьми и внуками, Эмма Гайковна считает себя счастливой женщиной. И, несмотря на преклонный возраст, ведет активный образ жизни.

Вот еще одна приятная новость, которая пришла в наш дом. После окончания интернатуры и ординатуры в сентябре 1999 года сын начал работать в московской городской больнице № 13 в первом хирургическом отделении. Конечно, для всех нас это большая радость. Завотделением тогда был первоклассный хирург с большим жизненным и профессиональным опытом — Георгий Аркадьевич Багдасарян. Он внимательно, особо тепло относился к молодым врачам, обучая их азам хирургии. Он доверил сыну первую в его жизни операцию.

И надо же было, через месяц пришлось мне лечь в эту же больницу на операцию, которая, к счастью, прошла успешно.

Операцию, естественно, сделал коллектив этого замечательного отделения.

Надеюсь, это последний шрам, полученный мною за жизнь.

Счастливая тройка, наше богатство. Благословляю вас, дорогие мои!

Сегодня наш сын оперирует в этой больнице, мастерски справляясь с тяжелобольными, даруя им жизнь…

Да, Вилен Виленович, мы радуемся за тебя, ты гордость ОТЦА И МАТЕРИ! Пусть дорога, по которой ты идешь, будет ровной, широкой и светлой!!!

2000 год. Позвонил Геворг Арутюнович, предложил пойти к его другу-скульптору: «Очень интересный художник, и я хочу, чтобы ты снял о нем фильм. Финансирование беру на себя».

И мы с Геворгом поехали в мастерскую его друга.

Честно говоря, я был в восторге от того, что увидел. Работы, которые «жили» в этой уникальной мастерской, поразили меня своей оригинальностью. И, конечно, мне было стыдно, что я до сих пор не знал этого замечательного творца.

Георгий Франгулян!

Я понял, почему Геворг Арутюнович пожелал снять фильм об этом своеобразном художнике.

На следующий день позвонил Нуру Рамазанову, и мы уже вместе с ним пошли к Франгуляну. Нуру Абдуловичу увиденное понравилось так сильно, так его впечатлило, что он в считанные дни написал и сценарий, и дикторский текст и придумал название фильма: «*ТЕАТР ОДНОГО СКУЛЬПТОРА*».

…Это была последняя картина в моей творческой судьбе! Я думаю, что я достойно начал свою кинематографическую карьеру и достойно завершил ее…

…В начале 2000 года в Москве появился давний мой сослуживец Алик Гедакян. Оказалось, Алик женился на Алле Борисовне, которая работала в Останкинском центре и была нашей общей знакомой. Вот уже 12 лет они живут в мире и согласии. Последнее время Алик жаловался на боли в сердце. Я обратился к великолепному врачу и человеку Баграту Гегамовичу Алекяну, попросил помочь Алику.

Выяснилось, что положение очень серьезное и требуется оперативное вмешательство.

Я больше чем надеялся, что все образуется и он вернется к прежней активной жизни.

19 июня 2012 года, 7.30 утра. Началась операция.

…И вот звонок. Слышу уставший, но радостный голос жены Алика: «*Вилен… будет жить!*»

…После того как оставил преподавание в институте, я стал заниматься обучением кинорежиссуре у себя дома. Ко мне приходили талантливые ребята, которые стремились познать эту сложную профессию. Естественно, не все были готовы и не у всех раскрывались способности.

Некоторые из них поступили во ВГИК, другие — на Высшие курсы сценаристов и кинорежиссеров. Какова будет их дальнейшая судьба, зависит от них самих…

Мои ученики: Ашот Кещян, Завен Мартиросян, Владимир Шахкельдян, Инга Щепановская, Света Тюменьева, Даша Лебедева — все они остались верными и преданными мне. Я верю, они станут интересными, вдумчивыми, своеобразными кинематографистами, найдут свое «Я»! Вот только Даше не повезло. Она могла бы стать талантливой актрисой, но… болезнь изменила ее судьбу. Она, как и все другие, не забывает нас. Честно признаюсь, встречи с ними — большая радость для меня.

Желаю им успехов в сложной, но необычайно интересной профессии!

Вот еще что. Для меня это очень важно, особенно в моем возрасте.

…«Сосед — это и «скорая помощь», и сестра, и брат, и МАТЬ, если хотите»…

Вот с таким соседом мы и познакомились однажды в нашем лифте. В пути до пятого этажа успели сказать друг другу теплые слова. Оказалось, он давно хотел познакомиться с нами, мы ему симпатичны. Потом мы пригласили Юрия Петровича Данилова на чашку кофе. Кофе стал талисманом нашей дружбы. За ним мы ведем разные беседы, знакомимся ближе. Его сыновье отношение к нам подкупает. Нам приятно с ним общаться.

…Ну, вот на этом хочу завершить свои воспоминания, которые, честно говоря, дались мне с большим трудом. Естественно, за 80 лет жизни многое улетучилось из памяти… Возможно, что-то пропустил…

Спасибо всем, кто верил в меня и помог встать на путь, на котором осуществилась моя мечта!!!

Мы и они! (P.S.)

За 35 лет работы в телевизионном кино я разгадал тайну различия между большим кино и телевизионным. Я не хочу сказать, что открыл Америку. Просто я пришел к выводу, что разница существенная. Постараюсь обосновать свое субъективное восприятие. На «большое кино» зритель идет в кинотеатр, то есть он «идет к режиссеру в гости». Бывает, что зрителю не очень нравится фильм и, не дождавшись завершения картины, он уходит из зала. То есть «хозяин» оказался «негостеприимным». Так бывает. А теперь возьмите телефильмы. Здесь интересен тот факт, что мы, режиссеры-телевизионщики, сами «приходим в гости» в дом к многомиллионному зрителю, зрителям разных национальностей, разного вероисповедания. Мы на его территории вступаем с ними в беседу. Естественно, надо постараться быть таким гостем, чтобы не надоесть хозяину дома и чтобы эти беседы были взаимопонимаемы. Телевизионные фильмы должны нести в дом дух времени, говорить о задачах, волнующих людей сегодня, сейчас, не нарушать покой и отдых того, к кому ты соизволил прийти в гости. Очень важны содержание и идея фильма. Пошлость и безнравственность не должны портить духовный мир людей, которые приняли вас в свой дом. Главное — говорить *ПРАВДУ!* Одним словом, вы гость, и вы долж-

ны вести себя так, как подобает уважаемому, воспитанному человеку, интеллектуальному творцу, чтобы ваш визит не стал последним и не назвали бы вас: «*Нежданный гость!..*»

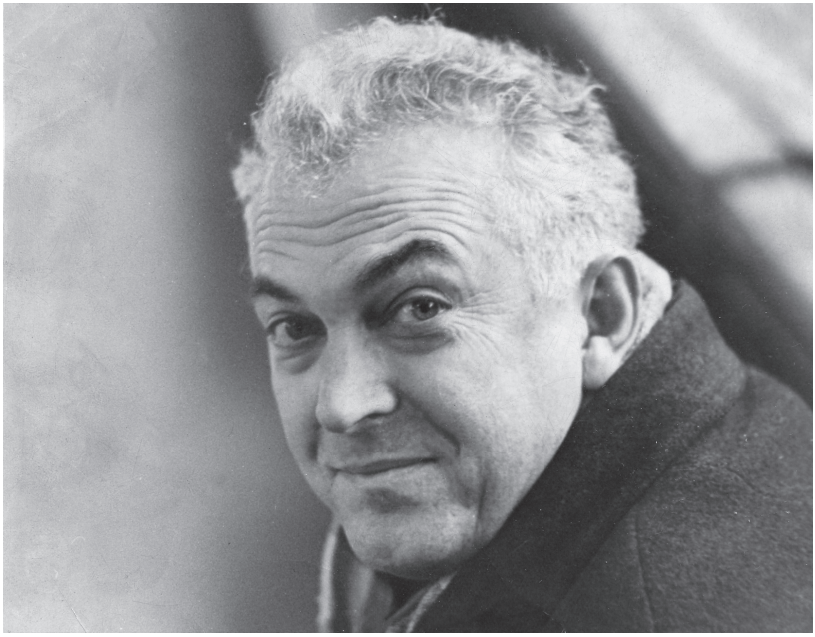
Мы были такими!

Когда мне исполнилось 80 лет, Шаген прислал мне несколько вопросов и просил чистосердечно ответить на них. Ответить на них предельно честно.

Вопросы брата понравились мне, и я с огромным удовольствием ответил на них… Вот оно, это письмо, которое и станет завершающей точкой моих воспоминаний!!!

ПИСЬМО-ОТВЕТ

Вопросы моего старшего брата — журналиста, писателя Шагена Захаряна



Вопрос: Вот уже 20 лет ты живешь вдали от родных мест. Какое чувство ты испытываешь? Правильное ли было решение уехать, когда в Армении ты был уже известен, у тебя был авторитет? Чисто по-человечески, расставание с Родиной чем-то мучает тебя?

Ответ: …Начнем с того, слава Богу, что вот уже 20 лет я живу со своими родными: женой и сыном. Из 45 лет нашей совместной жизни 37 лет я отдал творчеству — самому себе, так сказать, моей мечте — кинематографу. Куда только ни бросало меня мое любимое дело: бесконечные экспедиции в разные города и села, горы и аулы, моря и острова. Я всю жизнь был верен и предан профессии, за которую боролся с детства и добился ее за счет своей огромной любви к ней и, что главное, с огромным трудом. И фильмы, созданные мною, с теплотой были приняты благодарными зрителями. Так как моя жена родилась и жила в Москве, где и родился наш сын, естественно, в те мои трудовые годы они продолжали жить здесь. Не только жили, но и всячески помогали мне осуществлять те бесконечные идеи, которые возникали у меня вдали от них. Я благодарен моей жене за ее терпение, за ее преданность и, самое главное, за правильное воспитание нашего дорогого сына. Но профессия профессией, однако с годами я почувствовал отсутствие семейной теплоты. Вот что сказал мой друг Фрунзик Мкртчян, когда я перед отъездом в Москву пришел к нему попрощаться: «*…мне не хватает ТЕПЛА. Понимаешь? Мне не хватает сильно согревающего семейного ОЧАГА!*»

Да, это было сказано человеком, у которого сломалось семейное счастье.

Слова моего друга еще сильнее укрепили желание соединиться с семьей. И когда «внезапно» мне исполнилось 60 лет и я ушел на долгожданную пенсию, решение было принято сразу. Уехать в Москву, уехать, чтобы согреться теплотой, о которой так мечтал мой Друг — Фрунзик.

Мое прощание со студией оставило неизгладимое впечатление благодаря верной и преданной Монике Арамовне, устроившей мне незабываемые проводы. Это память на всю жизнь!

Вот я в Москве уже 20 лет.

И чтобы расставание с Родиной не было болезненным и грустным вдали от нее, я не забывал своих героев — АРМЯН. Мое творчество всегда было связано с ними.

А что меня мучает вдали от родной земли? Наверное, НОСТАЛЬГИЯ!

Часто вспоминаю великого Туманяна:

…Сады Эдема скрыты звездной тьмой.
Там ждут меня, там дух рождался мой,
Зачем я здесь средь суеты и шума?
Ах, если б вновь прийти туда — домой!

Вопрос: Может произойти чудо и ты возвратишься? Побывать в родных местах, встретить друзей, однокашников. И вообще, что такое для тебя дружба? И как ты прожил в окружении друзей?

Ответ: …Конечно, чудо вряд ли произойдет!

Я слишком многих потерял своих друзей, которые были моими вдохновителями и советчиками в творчестве. Друзья, которые были настоящими, с которыми я искренне делил радость и горе. Всю свою жизнь сердцем и душой я чувствовал их. Чтобы я ни делал, снимал или находился в каких-то сложных ситуациях, они были рядом, за спиной, я чувствовал их плечо: они крепко и надежно оберегали меня. А теперь почти никого из них нет. Все они жили в моем родном городе! Страшно то, что я не мог физически присутствовать на прощании с некоторыми из них, сказать им слова благодарности за совместно прожитую жизнь, долгую и красивую.

Для меня слово ДРУЖБА — это ВЕРА в людей. Предательство, доносы, зависть не входят в понятие ДРУЖБА! Только искренность, преданность и верность укрепляют и сохраняют истинную ДРУЖБУ!

Таким был я, такими были мои ДРУЗЬЯ!

Да, чудо вряд ли произойдет!

Среди моих друзей есть личность, о которой не могу не вспомнить. Георгий Сагателович Арутюнян. Я преклонялся перед ним. Человек могучий, эрудит. Человек доброй души и сердца.

Он щедро делился своим опытом, своими знаниями. От него я всегда уходил обогащенный, вдохновленный.

К сожалению, нам не пришлось работать вместе ни на одном фильме, хотя было много проектов. А жаль…

Он верил в меня. А я ценил и уважал его!..

Так что чудо вряд ли произойдет.

Приехать и не увидеть исчезнувший мой отцовский дом. Не увидеть осиротевший мой старый двор. Пройтись по родным местам и не поздороваться ни с кем, как это было в мои лучшие годы. Не постучать в двери домов моих ушедших близких людей. Нет, мое сердце уже не в том возрасте, чтобы выдержать все это.

Единственная радость, что меня греет сегодня в моем городе, это ты, дорогой мой брат. Прошло лет двадцать, как мы расстались с тобой. Целая вечность. Приехать к тебе — это еще сложнее будет для меня: чтобы попасть в согретый тобою дом, мне надо проехать через весь город. А это значит, после такой долгой разлуки на каком-то отрезке пути сердце может не выдержать.

60 лет я честно и преданно служил Армении, моему народу, своему теплому городу. И любовь к ним так велика, что приехать и …

Нет! Произойдет не чудо, а… непоправимое!

Вопрос: Сейчас твои фильмы по телевидению показывают не так часто, как раньше, и не так воспринимаются зрителями, особенно молодежью, которая привыкла к новому, интересному, которая смотрит свое кино. Тебе не больно?

Ответ: …Ну, что могу сказать? Во-первых, я искренне приношу свою благодарность тем товарищам, которые все-таки вспоминают меня и ставят в эфир мои давние картины. Пусть даже редко, но это ведь своего рода память обо мне. И неважно, как эти картины сейчас воспринимаются. Важно то, что я как режиссер и, самое главное, как армянин пока еще живу в памяти уже немногочисленных моих зрителей, с которыми в далекие годы прошел по светлой и радостной дороге.

Что касается сегодняшнего зрителя, особенно молодежи, их отношение к старым картинам вполне оправданно. Сейчас для них открылся совсем другой мир. Мир новых технологий, ком-

пьютеризации, мир новых идей с новыми понятиями о жизни. Естественно, современная молодежь стремится к новой жизни с новыми требованиями. Благополучия хотят во всем! Это правильно! Только не советовал бы им игнорировать прошлые достояния в искусстве. Мы были честными и правдивыми в нашем творчестве. Нравственность и человеческая доброта были идейной опорой для нас. Была красивая, без пошлости, искренняя любовь. Мы ходили по нескольку раз смотреть те НАРОДНЫЕ картины, которые создавали великие мастера кинематографии. Мы и сейчас с огромным удовольствием смотрим шедевры отечественного кино. Смотрим, потому что, не уважая ПРОШЛОЕ, не создашь НОВОЕ!

Еще раз хочу поблагодарить коллег по телевидению за уважение к прошлому наследию и за ПАМЯТЬ!

Вопрос: Представь себе, что у тебя так восстановились сила и творческий потенциал, что появится возможность еще раз, как говорится, «сесть за руль» и порадовать своих зрителей новыми работами. Ты готов?

Ответ: …О какой силе и творческом потенциале может сегодня идти речь в моем-то возрасте? Создать что-то новое, покорить сердца зрителей, возобновить свою прошлую популярность возможно только, если… *родиться вновь!* Посмотреть на мир другими глазами, оценить другими критериями. Идти в ногу с окружающими. Но при этом сохранить свое творческое «Я»! Все это сделал бы с удовольствием, если бы твердо знал, что после моего ухода я снова… *воскресну!*

Мистика!

Теперь единственное утешение — это то, чем сейчас я занимаюсь. Пишу свои мемуары. Так сказать, автобиографию — дорога протяженностью в 80 лет. Большой и длинный путь, который я проделал за свою жизнь. Он, как мне кажется, очень многообразен и интересен. Он богат и тревожными, и радостными событиями. Рождение. Детство. Война. Школа. Институт. Работа. Женитьба. Рождение сына, внука. И наконец — заслуженный отдых. Во все перечисленные периоды были своеобразные взлеты, удачи и падения. Главное, в любых ситуациях, в любом возрасте

я всегда стремился осуществить поставленную перед собою цель и всегда добивался успеха.

Книгу о своем пройденном жизненном пути я назвал «*С РОДИНОЙ… ВДАЛИ ОТ НЕЕ…*».

С какими достойными людьми я встречался на своем творческом пути! Прославленные армяне — артисты, режиссеры, композиторы, политические деятели, архитекторы, известные маршалы, наконец, армянский народ, мой народ, который всегда был в центре моего киноглаза.

Новое поколение, прочитав эту книгу, узнает многое обо мне, о моей профессии, о жизни, о любви, о долге перед родителями, перед детьми, перед людьми, перед обществом, перед Родиной, которая взрастила тебя, озарила твой светлый жизненный путь.

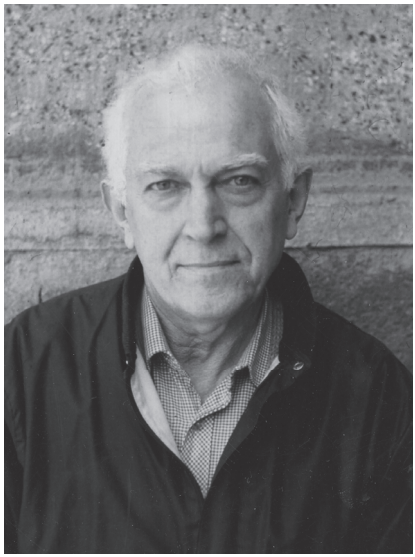
Прочтете, и тогда я снова буду с вами, и снова прозвучит мое имя, так же как раньше.

Вопрос: Какой ты представляешь сегодняшнюю Армению? Свой родной город Ереван? Каким видишь будущее своего народа?

Ответ: …Я всегда был доволен своим воображением. Да и сейчас оно у меня в полном здравии. Это же входит в структуру моей профессии. Так что представить себе, какая сейчас Армения, мне нетрудно. Как подсказывает мое воображение, она стала великолепной, красивой. А Ереван с новостройками и широкими улицами, удивительными фонтанами, памятниками, посвященными великим армянам, наверняка стал украшением республики.

Во всяком случае, это в своих рассказах подтверждают те, кто постоянно живут там, и те, кто с большим удовольствием приезжают в гости из других стран.

Да, сегодня можно восхищаться Арменией, Ереваном. Но, пусть простят меня мои соотечественники, мне было комфортно и спокойно в молодые годы в нашем городе. Дух Еревана был особенным. Доброта и взаимоуважение царили вокруг. Люди, незнакомые друг другу, здоровались на улицах, улыбались. Двери соседей были всегда открыты. Слово СОСЕД звучало, как брат, как сестра, как Мать, наконец. Потому что искренний сосед всегда был «скорой помощью». Кто знал, что такое «криминал»? Мы жили спокойной жизнью. С радостью встречали восход солнца и с та-



кой же радостью провожали его закат. Ночь и день для нас были одинаковы. Страх и жестокость никого не волновали. Ереван славился честным мирным трудом и был примером для многих городов.

Да, честь и порядочность были критериями общения горожан.

Всюду царила высокая культура общения, свойственная нашему народу.

Да, таким был мой город юности. Такой Ереван я любил!

Цивилизация, к сожалению, не всегда сохраняет вековые традиции!

И все же… Как патриот своей страны я думаю, что Армения как отдельное государство, со своей многовековой национальной культурой, для всех нас должна быть приоритетной. Да, нас, армян, немного, и мы должны беречь честь и достоинство народа, который гордо носит имя АРМЯНЕ!

Спасибо тебе, брат, за твои искренне волнующие вопросы. Ты в моем сердце.

Первые дни в Ереване после свадьбы.
Да, мы были такими!
1965 год

…А это мы через 48 лет!

Мы думаем порой: где мы сейчас — там или здесь?
Где лучше, думаем мы каждый раз, — там или здесь?
Бог всемогущ, но даже он подчас в недоуменье,
Что ниспослать и где оставить нас — там или здесь?

Ованес Туманян

Москва, 2012 год.
До встречи!!!

БЛАГОДАРЮ

МОЮ ЛЮБИМУЮ ЖЕНУ АЛЛУ ГОРНЬЕ

ЗА ТЕРПЕНИЕ И МОРАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ,

А ВЕРНОГО ДРУГА –

ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ

В ИЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ

Литературно-художественное издание

Захарян Вилен Хачикович

С РОДИНОЙ... ВДАЛИ ОТ НЕЕ...

Литературная запись *Э.Г. Акопян*

Корректор *Е.Е. Баландюк*
Компьютерная верстка *В.В. Короткий*

Подписано в печать 30.08.2013.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,5.
Тираж 200 экз.

Издательский дом «Ключ-С»
127051, Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в «Книжная типография “Буки Веди”»
Москва, ул. Сущевский вал, д. 49